

ШАНДОР ПЕТЕФИ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ШАНДОР ПЕТЁФИ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ШАНДОР ПЕТЁФИ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРЕХ ТОМАХ

2

СТИХОТВОРЕНИЯ
1848—1849

ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД С ВЕНГЕРСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОРВИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ 1818—1849

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Куда девалось радуги сверканье,
Рой мотыльков и кашка на поляне?
Где шум ручья, и щебетанье птичье,
И все сокровища весны и лета?
Все это стало памяти добычей,
Добычею могилы стало это.
Белеют пятна снега на пригорках.
Зимой земля — как нищенка в опорках.

Зимой земля, как нищенка в сермяге,
Дрожит в дырявом рубище бродяги.
Из льда и снега сметаны заплаты,
Но через них проглядывает тело.
Она стыдом и трепетом объята:
В такую рвань ее нужда одела.
Промозглым днем не хочется на волю,
Зато какое в комнате раздолье!

Блажен, кого господь хранит здоровым
И наградил семьей и теплым кровом.
В споем углу сейчас благословенье
Среди домашних, преданных друг другу,
А если для камина есть поленья,
Волшебным замком кажется лачуга.
Слова обычно на ветер бросают,
А здесь они до сердца долетают.

Как хорошо такими вечерами,
Вы б не поверили, не знай вы сами.
На первом месте, угощая свата,
Сидят хозяин и сосед бывалый.

Во рту их трубки, рядом штоф пузатый,
Наполненный венгерским из подвала.
Но им никак не одолеть бутылки, —
Опять полна, как много бы ни пили.

Сидящих потчует хозяйка дома.
Ее обязанности ей знакомы.
Она неравнодушна к доброй славе
И наполняет вновь и вновь баклагу,
Чтобы никто из здешних не был вправе
Назвать ее ленивою и скрягой.
Она все в беспокойстве, все в заботе
И все твердит: «Ну, что же вы не пьете?»

И гости пьют, радушием согреты,
А трубки догорят, берут кисеты
И мнут табак меж пальцев для набивки.
И как блуждают в доме кольца дыма,
Блуждают так же мыслей их обрывки
О прежней жизни, пролетевшей мимо.
Кто большей частью все оставил сзади,
Тот любит вспять смотреть, вперед не глядя.

К столу присели юноша с девицей.
Что прошлое? Им будущее снится.
Не беспокоит их, что было прежде.
У них все впереди, а не за гранью.
Их души сблизилась в одной надежде
И смотрят вдаль сквозь чад очарованья.
Они молчат, но как красноречиво
Их взгляды обличают их порывы!

А близ камина, у его решетки,
Мал мала меньше детвора-погодки.
Они из карт игральных строят башни

И валят на пол их без сожаленья.
Что завтрашний им день, что день вчерашний?
Им важно настоящее мгновенье.
Как много в этой комнате уютится:
Что было, есть и что еще случится.

Хлеб надо завтра ставить спозаранку.
Над ситом и мукой поет служанка.
Перед окном гремит бадья в колодце, —
Соседский конюх лошадь на ночь поит.
Цыганской скрипки отзвук раздается,
И контрабас на чьей-то свадьбе воет.
Весь этот шум снаружи, сбившись в кучу,
Приобретает в доме благозвучье.

Снег падает без усталы, и все же
Черным-черно в потемках бездорожье.
Прохожий в это время очень редок.
Вот с фонарем бредет домой гуляка
И, за угол свернувши напоследок,
Внезапно тонет под покровом мрака.
Но любопытство в комнате задето:
«Кто б это мог пройти теперь? Кто это?»

Пешт, 1848

В АЛЬБОМ КНИГОТОРГОВЦА

Цель жизни — счастье. Лишь к работе страсть
Тебе поможет в эту цель попасть.
Ведь даром ничего здесь не дают!
Чтоб счастье взять, упорный нужен труд:
От честности не отступай никак —
Ни из горячности, ни в рассужденье благ;

А ближних возлюби ты всей душой,
Не строй преград меж ними и собой.
Отчизны имя в сердце сохраняй
И бойся бога, и не забывай
Первейшую обязанность твою:
Получше книгу продавать мою!

Песня, 1848

ЕСТЬ ЛИ В ВЕНГРИИ ХОТЬ ГОРСТЬ ЗЕМЛИ ТАКАЯ?..

Есть ли в Венгрии хоть горсть земли такая,
Что венгерской кровью не орошена?
Но куда ж потоки отчей крови скрылись?
Перекрасить землю внуки ухитрились —
Черной от позора сделалась она!

И звучит здесь ложью истина простая,
Что не могут зайцы быть потомством львов.
Вы, отцы-герои, люди львиной силы,
Если б вы сегодня встали из могилы,
Вы б от этих хилых отрелись сынов.

Тщится это племя толковать о предках,
Тщится похваляться славным прошлым их.
Нами день грядущий станет ли гордиться?
Нет! Он, вероятно, даже устыдится
Вспомнить поколение наших лет лихих!

Что нам! Прозябаем, будто мы — скотина:
Лишь бы только хлебом брюхо нам набить.
За судьбою мира нам уж не угнаться:

Мы уже не входим в круг великих наций,
Умереть не смеем, не умеем жить!

Стыд! Ведь в книге жизни некогда стояли
Мы на первом месте. Разве так сейчас?
Ничего не значим и в обоз попали!
Те ж, кто нам когда-то ноги целовали, —
О, позор отчизне! — заушают нас!

Горе мне! Я знаю: горе мне и горе,
Ибо я бичую своего отца.
Но, его бичуя, я себя терзаю.
Знаю: величайший грех я совершаю —
Землю оскорбляю, как и небеса!

Что же! Пусть как хочет бог меня карает,
Пусть страданья будут во сто крат сильней,
Но тебя, отчизна, бичевать я буду,
Сердце не забьется у тебя покуда
Иль не лопнет сердце здесь, в груди моей!

Пешт, 1848

ЗНАМЯ

Что строчит твоя игла там?
Ты не ставь заплат к заплатам!
Та ль забота перед нами?
Шей, жена, скорее знамя!

Что-то зреет близко где-то.
Что — господь лишь знает это,
Но оно — не за горами!
Шей, жена, скорее знамя!

Так не может долго длиться,
Что-то, видимо, случится.
Что? Пойму в бою с врагами.
Шей, жена, скорее знамя!

Вольность не дается даром, —
Чтоб владеть таким товаром
Кровью платят, не деньгами...
Шей, жена, скорее знамя!

Любящими шей руками!
Пусть победа в это знамя
Влюбится и будет с нами...
Шей, жена, скорее знамя!

Пешт, 1848

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...

Люблю тебя, люблю тебя,
Мой херувим, мой ангел милый!
Ни угаить мою любовь,
Ни доказать ее нет силы.

Моим словам не внимлешь ты,
Моим не веришь увереньям,
И чем тебя мне убедить,
Как положить конец сомненьям?

О, будь я знатен и богат,
Загадку я решил бы сразу:
За слово каждое твое
Тебе дарил бы по алмазу.

А если б королем я был,
Я распрощался бы с короной,
Чтоб на меня надела ты
Венок, твоей рукой сплетенный.

И если б радугой я был,
Я б отдал луч мой семицветный,
Чтобы его цветами ты
Расшила пояс свой заветный.

И если бы я солнцем был,
Летящим в голубом просторе,
Я б отдал весь огромный мир,
Чтоб мир найти в любимом взоре.

Песня, 1848

КАК МНЕ НАЗВАТЬ ТЕБЯ?..

Как мне назвать тебя,
Когда встает во мраке
Сиянье звездное твоих прекрасных глаз
И мне в глаза плывет оно, как будто
Ты, очарованная, смотришь в первый раз?..
Когда лучи от этих звезд вечерних
В ручьи любви сливаются
И вдруг
Мне в душу устремляются, как в море, —
Как мне назвать тебя?

Как мне назвать тебя,
Когда летит он,
Твой взгляд —
Смиренный голубок?

Он — голубь! В этом легком оперенье
Что ни перо — оливковая ветвь.
То ветви мира. Их прикосновение
Так ласково, как будто бы они —
Мягчайший шелк, над колыбелью полог...
Как мне назвать тебя?

Как мне назвать тебя,
Когда звучит твой голос?
В такие он сливается слова,
Что если б услышали эти речи
Зимой оцепеневшие деревья, —
На них бы появилась вдруг листва,
Они бы думали, что вот она,
Весна!
Вот избавитель соловей поет!
Как мне назвать тебя?

Как мне назвать тебя,
Когда уста-рубины
Приблужишь ты к моим губам?
В огне такого поцелуя
Сливается моя душа с твоей
В одно, как день и ночь в огне рассвета,
И кажется, что мир исчез,
И верится, что исходит вечность
На нас все тайные свои блаженства...
Как мне назвать тебя?

Как мне назвать тебя,
Рождящее радость,
Мечту вздымающее до небес,
Стократ чудесней самых чудных сказок
Блестящее живое существо?
Ты в мире драгоценнейшая самая,

Юная,
Сладостная,
Жена моя, —
Как мне назвать тебя?

Песня, 1848

ЛЕВ УЗНИК

Пространств бескрайных обладатель, он
В столь тесной клетке ныне заключен!

Стоит он в клетке, воплощенный гнев,
Непобедимый царь пустыни — лев.

Оставьте! Для чего ему мешать?
Кошунство — у него покой отнять.

Навек лишен свободы он своей,
Так пусть же он мечтает хоть о ней.

Навек угас его счастливый день,
Лелеет он лишь мысль о нем, лишь тень.

Как неподвижен он и величав,
Как гордо смотрит, голову подняв.

Свободу отняли, но до сих пор
Не удалось отнять отважный взор.

Он, словно пирамида, недвижим,
Что столько раз стояла рядом с ним.

Мечты застыли в огненных глазах,
Он видит родину свою в мечтах.

Несется он на крыльях мощных дум
В тот край, где вместе с ним ревел самум.

В родимый край мечтой летит из тьмы.
Но вот приходит страж его тюрьмы

И беспощадно поднимает плеть,
Чтоб мир мечты изгнать, разбить, стереть.

Такой ничтожный — и ему грозит!
О боги праведные, что за стыд!

Лев подставляет голову под плеть.
Какой позор он вынужден терпеть!

Толпа зевак, стоящая кругом,
Смеется громко над его стыдом.

Чернь глупая, хохочешь ты теперь,
Но если он тюрьмы откроет дверь,

Тебя так мелко когти искрошат,
Что нечему явиться будет в ад.

Пешт, 1848

ДОБРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Злых учителей там было
Много — не дай боже!
Но один попался добрый,
Один был, — а все же.

Я его отлично помню.
Чуть глаза закрою.

Вот он, сгорбленный да лысый,
Сидит предо мною.

То, что лысый, — божья воля,
Как винить за это!
Старый холостяк, забыл он
Весну свою, лето.

Розы вешние завяли,
Лишь одна осталась —
На носу его алела
Да все разрасталась.

Что ни день, то расцветала
В свежести невинной;
И какой же нос не цвел бы
От поливки винной?

Грех сказать, а норов странный
У цветка такого:
Дай ему росу из бочки —
Не спросит другого!

А под носом усы были
Черны да колючи.
Один ус — веслом в землю,
Другой — веслом в тучи.

Под усами — рот, как плошка,
В нем чубук дымился.
Мундштук толстый — для лопаты
Как раз бы годился.

Доломан его линиялый
Был ровесник Ною.

Я подобного не видел
По цвету и крою.

На нем, как башка у турка,
Пуговицы были.
Верно, в старину такими
Басурманов били.

Весь он был сутажем вышит.
Узор — расчудесный!
В том узоре заблудился б
Даже гром небесный.

Штаны узкие, наверно,
Сшил ему портняга,
Все-таки они болтались
От каждого шага.

Много с ним возни мне было, —
А что тут смешного?
Он-то заслужил уж ласки, —
Добряк, одно слово!

Школьникам такой и нужен, —
Рассудите сами:
Книги у него валялись
Под столом годами.

Если я не знал урока,
Он утешит сразу:
«Ладно, — скажет, — приготовишь
Мне к другому разу».

И за это для бедняги
Я сделал немало.

Все какой-нибудь подарок
Принесу, бывало:

Из его трубы копченых
Колбас наворую
И ему дарю, — он счастлив,
А я с ним пирую.

Песня, 1848

СТЕПЬ ЗИМОЙ

Степь вправду — степь теперь, и вся седа как лунь.
Ну и хозяйка осень: дом у ней хоть плюнь!
Все, чем весна горда
И летняя страда,
Мотовка на ветер бросает без стыда.
Зимую — мерзость запустенья, холода.

Не звякают вдали бубенчики отар;
На дудке перестал наигрывать овчар;
Не слышно птичьих стай,
Увеселявших край;
Совсем умолк на кочках перепел-дергач,
И больше не пиликает сверчок-скрипач.

Замерзшим морем смотрит пустоши печаль.
Усталой птицей солнце низко тянет вдаль.
Лучей холодных пук
Стал стар и близорук, —
Нагнуться надо, чтоб увидеть что-нибудь.
Напрасный труд. Кругом одно унынье, жуть.

Пуста сторожка и дощаник рыбака.
Скотина вся в хлевах, на хуторах тоска,

Пред пойлом у корыт
По стойлам рев стоит,
Арчатятся бычки, упрутся и не пьют:
В закутах духота, им хочется на пруд.

Батрак снимает с балки листовой табак
И на порог кладет и режет, взяв тесак.
За трубкою в сапог
Полез, набил, разжег,
Сопит, попыхивает и косится вбок:
Не опустел ли в стойле кормовой лоток.

Шинкарь с шинкаркой спят, стоит их мерный храп,
Хоть выкинь вон ключи, замкнув подвал и шкаф.
На шест у их ворот
Никто не завернет:
Зимой сюда ничья не сунется нога,
Метели замели пути. Снега. Снега.

Порывы ветра в поле рыщут вверх и вниз.
Вот вихря клуб рванулся к небу И повис,
Другой размел сугроб,
Рассыпав целый сноп
Снежинок, блещущих, как искры из кремня,
А третий взвыл и бьется с первыми двумя.

Но вот пурга без сил и уползла в углы.
Из разостлавшейся кругом вечерней мглы
Всплывает тень с кнутом
Разбойника верхом.
Пофыркивая, конь несет его домой;
За ними следом волк, над ними ворон злой.

Как изгнанный король с границы смотрит вспять
На родину, пред тем как на чужбину стать,

Так солнца диск, садясь,
Глядит в последний раз
На землю, и, пока насмотрится беглец,
С его главы кровавый катится венец.

Песня, 1848

ЛЮБО МНЕ ЛЕЖАТЬ ПОД СЕНЬЮ...

Любо мне лежать под сенью
Этих розовых кустов!
Лепесток за лепесточком
Ты роняешь мне, любовь!

Любо мне! Над головою
Соловей любви поет
И в моем воображенье
Рай господень создает.

Любо мне в любовной чаше
Губы жадные купать —
Не хочу на сладость меда
Эту горечь променять!

Любо мне следить за лѐтом
Белых облаков любви.
Это — ангелов шеренга,
Гости белые мои.

Любо кутаться мне в лунный
Свет любви, как в золотой
Плащ, который примиряет
С беспросветной нищетой.

Песня, 1848

ХОЛОД, ХОЛОД НА ДВОРЕ...

Холод, холод на дворе...
Я ль виновен в этом?
Что мне?! Печка горяча,
Нам тепло, как летом!

Прежде... Но какое мне
Дело до былого?
И про нынче не скажу
Я худого слова.

Нынче! Вся душа моя
Лишь твое владенье!
Не гляжу ни в день былой,
Ни в грядущий день я.

Прошлый день, грядущий день,
Пусть вы хоть суровы,
Хоть красивы — все равно
Жулики, вот кто вы!

Вы обманывать меня
Вздумали неловко:
Мол, вниманье отвлечет
Хитрая уловка.

Мол, когда разинешь рот,
Украдем, утащим
Тот цветочек, что цветет
Только в настоящем!

Эй, карманники, друзья,
Лучше не трудитесь!

Уходите-ка вы прочь,
С глаз вы провалитесь!

Нынче! Встань передо мной!
Ты красиво, статно.
На улыбчатый твой лик
Посмотреть приятно.

Не лихой ты кавалер,
Пышный, романтичный,
И на шляпе нет пера...
Что же! И отлично!

Ментик ты сорвал с плеча,
Влез в халат простецкий.
На тебе колпак, в руках
Лишь чубук турецкий.

Дай-ка, друг, тебе пожму
Ласковую руку!
Будем пить мы и дымить,
И разгоним скуку.

Весело сверкнут для нас
Этой ночью звездной
Лампы свет и свет очей
Женушки любезной!

Песня, 1848

ДОЛИНА И ГОРА

«Горой бы стать! — долины слышен вздох. —
Горой бы стать! Божественный восторг —
Смотреть из звездного соседства
На целый мир, что распростерт у ног!

Великая счастливица гора
На славных высях трон свой возвела,
И облака, как росный ладан,
Клубятся там, вокруг ее чела.

Ведь коронует гору по утрам
Великолепный солнечный восход,
Ведь ей вечернее светило
На плащ последний пурпур отдает!

Ах, почему не стану я горой?
Зачем внизу должна я прозябать?
Не вижу даже и соседок,
Да и меня соседкам не видать!»

«О, как хочу я, — слышен вздох горы, —
Долиной стать! Ведь дышат вечным льдом
Вот эти высота и слава,
Которым все завидуют кругом!

С рассвета до заката, целый день
Лучами солнца я озарена.
И все же я всегда пустынна
И холодна, всегда я холодна!

Где соловьи, роса и мотылек?
К себе я тщетно призываю их!

Приветливые ветерочки
Я превращаю в самый злобный вихрь!

О, быть бы мне долиной там, внизу,
Захорониться в глубине страны
И с вами поделиться счастьем,
О юные ровесники весны!»

Песня, 1848

ИТАЛИЯ

Им ползать по земле осточертело,
И поднялись они на страх врагам.
И вот их вздохи превратились в громы,
Взамен цепей клинки бряцают там!
Не бледное цветенье апельсинов,
А красных роз там нынче торжество,
О, как прекрасны вольности солдаты!
Дай счастья им, свободы божество!

Вы, чванные могучие тираны,
Куда румянец с ваших лиц пропал?
Я вижу, вы смертельно побледнели,
Как будто призрак перед вами встал,
Как будто бы явился перед вами
Дух Брута! Испугались вы его!
О, как прекрасны вольности солдаты!
Дай счастья им, свободы божество!

Брут спал, теперь проснулся он и ходит,
И вдохновляет войско он свое:
«Ведь вот — земля! С нее сбежал Тарквиний,
Свалился мертвым Цезарь на нее.

Он, великан, склонился перед вами,
А это гномы — больше ничего!»
О, как прекрасны вольности солдаты!
Дай счастья им, свободы божество!

Настанет час великий, достославный!
Туда, к нему, надежд моих полет;
Они, как птицы, мчатся в день осенний
Под небеса полуденных широт.
Падет насилье, и восстанет снова
Земля в красе расцвета своего.
О, как прекрасны вольности солдаты!
Дай счастья им, свободы божество!

Песня, 1848

НА СМЕРТЬ РОЖАВЁЛЬДИ

Друг мой, чем уж так тебя обидел я,
Что все время огорчаешь ты меня?
Ты играл мне — я тоскою исходил,
Скрипка смолкла — белый свет мне стал не мил,
Белый свет мне стал не мил!

Скорбь и горе — участь венгров искони,
Без печали не умеют жить они.
Старый друг мой, пробудись же поскорей:
Горевать — так вместе с песнею твоей,
Вместе с песнею твоей.

Ох, и венгры, ну и странный же народ!
Он не смотрит ни назад и ни вперед.
То, что было, — словно кануло во тьму.

То, что будет, — да зачем оно ему!
Да зачем оно ему!

Венгр тогда лишь пробуждается от сна,
Если музыкой душа его полна,
Если музыка в душе горит огнем,
Забывает он о будущем своем,
О будущем своем!

Вспомнит Мохач он и доблестных мадьяр,
Что легли под саблей диких янычар.
Если б врозь их схоронить хватило сил,
Двадцать тысяч возвышалось бы могил,
Возвышалось бы могил!

И невольно слезы сами потекут,
Душу гневом, руки силою нальют...
В это время и враги нам нипочем,
Сколько будет — все полягут под мечом,
Все полягут под мечом!

Вспыхнет вера, вера в светлый наш удел,
В то, что созданы И мы для славных дел,
Что на диво всем народам на земле
Загорится солнце Венгрии во мгле,
Солнце Венгрии во мгле!

Так вставай же ради славы и любви,
Сердце песней опечаль и оживи,
Ибо только ты один умел найти
К сердцу венгра потаенные пути,
Потаенные пути.

И зачем ты нас покинул в горький час?!
Лишь полвека и провел ты среди нас.

Встань из гроба, старый друг мой, и начни
Жить сначала и верни былые дни,
И верни былые дни.

Он услышал слово жаркое мое
И поднялся, приоткрыв свое жилие.
Что ж явил он снова взору моему?
Скрипку, посох и дорожную суму,
И дорожную суму.

Песня, 1848

К СОСЛОВНОМУ СОБРАНИЮ

Способны вы красно и много говорить,
Но только родине на это не прожить!
Хоть ваша речь порой достойна мудреца,
За дело принялись вы не с того конца.
Но так уж, видимо, у нас заведено,
Такими промахами славимся давно.
Представьте зодчего, который, строя храм,
Решил бы приступить сначала к куполам
И перекрытиям, а стены в храме том
Он вознамерился б воздвигнуть уж потом
И ухитрился бы фундамент подвести
Под это здание, готовое почти!
А вы вот именно такие мастера!
Отчизна кормит вас, на хлеб она щедра
И кровью сердца не скупится вам платить.
А вы? Чем так творить, уж лучше не творить!
Ведь вы — растратчики и времени и сил!
Вы возражаете: успех порою был!
Но если даже был, какой он был тогда?
Я, скажем, пить хочу — ищу я, где вода;

А вы даете мне, когда хочу я пить,
Соленую еду, чтоб жажду раздражить.
Вот так везде кругом, куда ни посмотрю.
И если я теперь не верно говорю,
То, видно, в люльке я рассудок потерял.
Нет! Надобно начать с начала всех начал:
Свободу слова нам пора завоевать!
Давайте же сюда свободную печать!
Чтоб нация была здорова и жива,
Такие же великие слова,
Как слово господа: «Да будет свет!» —
Пора провозгласить... А если все же нет
Гражданской гласности, то будь богатств полна,
Но тем не менее бедна еще страна!
Пусть даже золото посыплется из рук
У пахарей простых и у последних слуг,
А все ж без гласности счастливыми не быть,
И кличку нищенки страна должна носить.
А там, где гласности препон сегодня нет,
Пусть даже тот народ в тряпье еще одет,
Пускай еще пока и сыт он не вполне, —
А он богаче всех живет в такой стране:
Все будущее той стране принадлежит!
...Стремимся к знанию... А путь к нему открыт?
О боже! Не найти того, кто нас глупей!
Хоть на ногах у нас и нет уже цепей,
Но снять повязки с глаз мы все же не хотим.
Куда идем, слепцы? Ведь в яму угодим!
Глаза завязаны, дух скован... Рвемся ввысь, —
Но нет, не улететь, хоть как ты ни стремишься!
Сознание бедное в тюрьму заключено,
Проклятий собственных вдыхает смрад оно.
Сознание, словно пес, который во дворе
Томится на цепи в зловонной конуре.
Зачем же, словно псам, нам грызться и ворчать?

Пора бы нам идти отчизну защищать!
Сознание сковано! А мы-то нос дерем,
Свободной нацией венгерцев мы зовем.
Неправда! Слуги мы! Мы — как рабы сейчас!
Поэтому-то все и презирают нас!

Песня, 1848

КУРИЦА МОЕЙ МАТЕРИ

Что такое? Птичий гомон...
Курица, ты здесь как дома!
Бог добро творит нередко:
Возвеличена наседка.

Ходишь по дому всезнайкой,
Сядешь на сундук хозяйкой
И кудахчешь, и трезвонишь,
И никто тебя не гонит.

Где тут? Глаз с нее не сводит
Мать старуха, следом бродит
И голубушку любовно
Кормит с рук зерном отборным.

Королю живется хуже,
Чести кто такой заслужит?..
Что бы ни было с тобою,
Яйца ты неси чредою.

Ты же, добрый Моржа, слушай,
Навостри собачьи уши:
В доме старожил известный,
Ты служил все годы честно.

Голодая у порога,
Все же курицу не трогай:
Вы с наседкой этой оба —
Вся у матери худоба.

Песня, 1848

СМЕРТЬ ЗИМЫ

Бессердечная зима,
Смерть тебя, тирана, скосит,
И земля твой скучный гнет,
Надоевший гнет отбросит;
Будет воля! Небеса
На тирана ополчатся,
Солнца жаркие лучи
В зиму стрелами вонзятся.

Ты умрешь, умрешь, зима!
Все тираны умирают,
Если вдруг народы их
Твердо воли пожелают.
Если смелые рабы
Твердо пожелают воли,
Рухнут стены их тюрьмы
И не возродятся боле.

Ты борись, земля, с зимой,
Ты бери твердыни с бою.
Завоюешь волю ты,
А зовут ее — весною.
Прилетит, придет весна,
Вся цветами заблистает,

В честь побед она тебя
Радугою увенчает.

Задрожит зима-тиран,
Чуя смерть, забыв угрозы,
Из разбитых глаз ее
Потекут пустые слезы.
Ха! Она сейчас умрет,
Жалко и трусливо тая.
Трусость, как известно всем,
Деспоту сестра родная.

Пешт, 1848

1848

Тысяча восемьсот сорок восемь...
Новой звезды в небесах явленье.
Льются лучи ее; вновь удалось им
Вызвать румянец и оживленье

На лике больном твоём, Вольность святая,
О новый спаситель рода людского!
Люди восстанут, тебя защищая,
И — не страшись! — не распнут тебя снова!

Мира голубка в смятенье великом
Скрылась в гнездо; не воркует, не смеет, —
Коршун войны в упоении диком
Крыльями хлопает, в воздухе реет!

Труссы! Я вижу: бледны ваши лица...
Это ведь только предупрежденье...
Ну, а подумайте — если свершится
Все, чем пылают мои сновиденья!

Судный тот день, суд народов настанет,
Всем на земле по заслугам воздастся, —
Сабля расправу вершить не устанет,
Чтоб ни один угнетатель не спасся!

Пешт, 1848

ЖЕСТКИЙ ВЕТЕР...

Жесткий ветер раздувает пламя...
Наблюдайте зорче за домами!
Берегитесь, чтобы на закате
Не попасть нам всем огню в объятья!

Неужели, милая отчизна,
Нет в тебе бывшего героизма?
Иль с отцами он ушел в могилу —
И за саблю взяться нету силы?

Венгрия, достигнешь ли ты снова
Гордого величия бывшего?
Ведь врага когда-то и очами
Мы разили, будто бы мечами.

От татар и турок обороной
Были миру мы во время оно...
Ну, а если нынче что случится,
Сможем ли хоть сами защититься?

Если дело близится к развязке,
Дай нам знак, о ты, господь мадьярский,
Что еще владыка небосвода
Ты во славу своего народа.

Пешт, 1848

МАГНАТАМ

Как здоровье ваше, баре-господа?
Шею вам не трет ли галстук иногда?
Мы для вас готовим галстучек другой,
Правда, он не пестрый, но зато тугой.

Мы ль вас не просили, не твердили вам:
Только человечность подарите нам!
Мы ведь тоже люди, не травите нас!..
Умолял народ вас, да не в добрый час...

Вы народ считали зверем, и теперь
Он своих магнатов загрызет, как зверь.
Словно зверь, когтями схватит вас народ,
Всех вас передушит, в клочья раздерет.

Эй вы, миллионы! В поле, на простор!
Забирай лопату, косу иль топор!
Случай нас торопит, он ведет нас в бой,
Час великий мщенья возвещен судьбой.

Баре, вы веками пили кровь рабов,
Нынче вашей кровью напоим мы псов.
Вилами на свалку! Догнивайте там!
Нынче пир великий будет нашим псам!

Впрочем, нет! Не надо! Подожди, народ,
Ты ведь благородней и добрей господ!
Бог всего превыше, после бога — ты.
Будем же достойны этой высоты!

Будем благородны и на этот раз,
Чтоб господь с любовью поглядел на нас!

Радостной десницей осенив народ,
Нам благословенье он да ниспошлет.

Мы забудем муку тысячи годин,
Если нас, как братьев, примет господин,
Если он забудет о своих гербах,
Если подарит нам равенство в правах.

Значит, вы согласны — ждем вас, господа,
Встретить вас приветом рады мы всегда.
В цепь одну, как звенья, мы сплестись
должны, —
Все мы нашей скорбной родине нужны!

Ждем мы — не дождемся! Видит правый бог:
Завтра будет поздно, нынче — крайний срок.
Если вы с презреньем оттолкнете нас —
Пощади всевышний вас в последний час!

Песня, 1848

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно:
Примиришься с рабской долей
Или быть на вольной воле?
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Мы живем на белом свете
Перед дедами в ответе!

Вольным предкам нет покою
Здесь, под рабскую землю.
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Низок, мерзок и ничтожен
Тот, кому сейчас дороже,
Будет жизнь его дрянная,
Чем страна его родная!
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Блещет цепь, но вдвое краше
Засверкает сабля наша.
Так зачем носить оковы?
Пусть клинки сверкают снова!
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Имя венгра величаво
И достойно древней славы.
Поклянемся перед боем,
Что позор столетий смоем!
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Где умрем — там холм всхолмится,
Внуки будут там молиться,
Имена наши помянут,
И они святыми станут.
Богом венгров поклянемся
Навсегда —
Никогда не быть рабами
Никогда!

Пешт, 1848

15 МАРТА 1848

Истории венгерской муза,
Воспрянь, возьмись за свой резец.
Отметь великое событие:
День этот грянул наконец!

Отцы и деды за столетье
Добиться не могли того,
Что сделано за сутки эти.
Огромно это торжество!

Плещите, крылья наших мыслей,
Ты больше не рабыня, мысль!
Стремись, куда тебе угодно —
Свободная, взвивайся ввысь!

Летай над родиной любимой,
Которую спокон веков
Ты лишь оплакивала в жгучем
И тягостном кольце оков.

Печать свободна! И отныне
За нацию не страшно мне.
Она очнулась. Сердце бьется.
Не умереть родной стране!

Отважной пештской молодежи
Честь и великая хвала, —
Целительницей всей отчизны
Отвага юности была.

Покуда в сейме, в высших сферах,
Как это водится у нас,
Бесплодные тянулись пренья, —
Здесь, в городе, ударил час.

За дело, юноши, за дело!
Замок сбивайте вековой,
Надетый на святую гласность
Боготпротивною рукой!

А если враг-наймит нагрянет?
Ну что ж! Увидим, как тут быть!
Пусть лучше в сердце штык вонзится,
Чем снова цепи нам влачить!

В бой, молодые люди Пешта!
Нам всем свобода дорога!
В священном воодушевленье
Мы поднимались на врага!

Мы разрушали все преграды —
Ведь много тысяч было нас!
И пламенели наши лица,
И пламень исходил из глаз.

Воззвали мы: «Свобода слова!»
И кто заставил бы молчать!
Мы сняли с гласности оковы,
Освободили мы печать!

Затем мы устремились к Буде:
Там был писатель заточен
За то, что о беде отчизны
Дерзнул сказать однажды он.

И вот к высотам древней Буды
Взлетели юные орлы.
Дрожало под напором нашим
Подножье каменной скалы.

И узника мы подхватили,
На волю вынесли его.
Случалось ли с времен Матяша
В стране такое торжество!

Истории венгерской музыки
На камне надо начертать
Все это, чтобы внуки внуков
Могли о торжестве читать.

Когда умело бы кичиться,
Кичилось сердце бы мое!
Ведь я возглавил это дело —
Звал молодежь и вел ее!

Одним вот этим днем великим
Вся жизнь увенчана моя!
Наполеон, моею славой
С тобой не обменяюсь я!

Пешт, 1848

К СВОБОДЕ

Дай, свобода, глянуть в твои очи! —
Мы тебя искали дни и ночи,
По земле, как призраки, блуждали,
Звали мы тебя и ожидали.

С нами ты — и нам никто не страшен,
Божество единственное наше!
Пред тобой — бессмертной и священной —
Падают все идола мгновенно.

Все же ты бесправной оставалась,
Словно Каин, по земле скиталась.
За тобою палачи следили,
Твое имя к плахе пригвоздили.

Срок пришел — и те лежат в могиле,
Что тебя похоронить спешили.
Срок пришел — и мы с тобою вместе,
Ты средь нас — на королевском месте.

Ты одна — король и повелитель,
Ты одна — наш друг и покровитель.
В честь твою не факелы сверкают, —
То сердца огнем у нас пылают.

О свобода, в душу посмотри нам,
Ясным взглядом душу озари нам,
Чтоб окрепли силы у народа
От сиянья глаз твоих, свобода!

Но, свобода, что ж ты побледнела?
Иль о прошлом дума налетела?

Иль не все мы сделали, быть может?
Или страх за твой венец тревожит?

Не страшись! Скажи нам только слово.
Только стяг свой подними. И — снова
Встанет войско грозно и сурово,
На победу и на смерть готово.

Если даже мы на поле брани
Все погибнем, — из могил повстанем,
Но врагов в покое не оставим!
С призраками биться их заставим!

Песня, 1848

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Нету отдыха моим рукам:
Я держу в одной руке стакан,
Во второй — оружие мое,
Во второй — то сабля, то ружье.

Пусть господь не пощадит того,
Кто сейчас не выпьет ничего,
Пусть его утащит сатана!..
Пьем, друзья, за родину — до дна!

А еще мы выпьем все как есть
И за храбрость, и за нашу честь.
Нам в бою без них никак нельзя, —
Наливайте же полней, друзья!

Как нам знать, что ожидает нас?
Может, завтра, в предрассветный час,

Барабаны позовут в поход
За родную землю, за народ.

Украшенье для родной земли
Из цветов свободы мы сплели.
И ему всегда на ней сверкать,
И его вовеки не сорвать!

Венгры в рабстве были только раз,
Во второй — нельзя осилить нас.
Если б даже захотел сам бог,
Он бы в рабство нас отдать не мог!

Тот, кто на свободу посягнет,
На земле недолго проживет:
Кровь его и жизнь его сполна
Мы осушим, как стакан вина!

Песня, 1848

ВОССТАЛО МОРЕ

Море поднялось, восстав, —
Народов пучина,
Землю и небо страша,
Берег валами круша, —
Рукой исполина.

Знаете танец такой?
Музыки трели?
Так изучай, кто не знал,
Можешь узнать этот шквал —
Народа веселье.

Воя, качается хлябь,
Флот весь разворочен,
И опускаются в ад
Мачты, и те, что висят,
Паруса клочья.

Ну, так беснуйся вовсю.
Нам обнажи мгновенно
Все глубочайшее дно,
Брось к облакам заодно
Безумную пену.

В небе уроком черти,
Вечным, великим:
Хоть наверху корабли,
Волны внизу протекли, —
Все ж море — владыка!

Песня, 1848

КОРОЛЯМ

Редкостный подарок — откровенность —
Вам я, короли, преподношу!
Как хотите: хоть благодарите,
Хоть казните — выслушать прошу!
Пусть еще он цел, ваш замок Мункач, —
Не страшат подвалы и петля!
...Что бы там льстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Ха! Любовь! Цветок прекрасный этот
Вырван вами с корнем, короли,
Брошен под колеса колымаги,

На которой сами вы везли
Ваши же нарушенные клятвы,
Всяческие блага нам суля...
...Что бы там льстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Вас сейчас народы только терпят...
Только терпят! Неизбежным злом
Люди вас считают. Вас не любят!
Трепещите! Все у вас в былом.
А в грядущем — ждите приговора,
Что готовит высший судия.
...Что бы там льстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Я бы мог поднять на вас народы —
Вся земля восстала бы сейчас,
Чтоб с великой яростью Самсона
Миллионы ринулись на вас!
Я б ударил в колокол смертельный,
Вы бы дрогнули, ему внемля...
...Что бы там льстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Не бунтую! Что мне тратить силы,
Потрясая ветви тех деревьев,
На которых все плоды созрели, —
Нет, уже загнили, перезрев!
Те плоды с ветвей сорвутся сами.
Будет так! Да примет их земля!
...Что бы там льстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Пешт, 1848

ГДЕ ТОТ ПАРЕНЬ?..

Где тот парень, что от грома
Задрожит
Или, молнию завидев,
Убежит?
Коли сыщется — гоните
Труса вон,
И пускай от страха в печку
Лезет он!

Братья, именем свободы,
Все за мной!
Сохраним непоколебимым
Дружный строй!
Всем врагам покажем, кто мы,
Как сильны
Те, кому ни смерть, ни битва
Не страшны!

Смело в бой, как только трубы
Загремят!
Нас убьют — за нами встанет
Новый ряд.
Пусть один лишь уцелеет —
Все равно,
Если жить ему свободным
Суждено!

Наш трехцветный флаг венгерский —
Славный флаг!
Честь твою не опозорит
Подлый враг.
Ты, в пыли влачивший крылья,
Поднят ввысь.

Перед нами в синем небе
Развернись!

Вдохновляй, о флаг трехцветный,
Нас в бою!
За тебя не жаль пролить нам
Кровь свою.
Если враг тебя захочет
Сбросить вновь,
В алый цвет тебя окрасит
Вражья кровь.

Песня, 1848

ГОТОВЬСЯ, РОДИНА...

Готовься, родина,
Счастливая, готовься
К такому празднику, какого не бывало
Еще ни разу
У мадьяров,
К такому празднику, который будет славен
На семь держав, как лѣчский альманах...
Готовься, родина!

Безумцы венцы
Нынче очумели,
Забыли бога, с чѣртом сторговались,
Кричат:
«Не надо призрака свободы —
Сама свобода нам необходима!
Ее добудем мы любой ценою!»

Так чёртовы приспешники толкуют,
Но чем же это кончится? А вот чем:
Премилостивый, добрый император
Однажды будет изгнан ими вместе
Со всем своим семейством августейшим —
Со всей роднёю изгнан, — видит бог!

О! Это будет радость для мадьяра!
Небесный праздник счастья!
К нам прибудут
И император, и его семейство;
И эта богоданная семья
К нам обратится:

«Верные мадьяры!
Привет вам! Лишь на вас надежда наша!
Всегда мы вас отечески любили!
Мадьяры — кротче всех других народов,
Подвластных нам! И вот пришла пора —
И вам на грудь падем мы всем своим семейством
И призываем: обнимите нас,
О наши верные сыны мадьяры!»
А нам, мадьярам, что еще и нужно!

Мы встанем перед ними на колени,
Чтоб сцеловать и смыть потоком слезным —
Слезами благодарности и счастья, —
Которые по Венгрии польются,
Подобно струям нового Дуная, —
Дорожный прах с их августейших ног!

Вся нация венгерская сольется
В таком могучем вопле ликованья,
Что звезды с неба грянут прямо наземь,
И возгласим мы: «Vitam et sanguinem

Pro rege nostro!» — как кричали деды.
И если между нас найдется некто
Отважный
И о том не позабывший,
Что за три века габсбургской опеки
Проклятье Габсбургам являлось для мадьяров
Сладчайшей мыслью и сладчайшим чувством, —
О, если кто-нибудь об этом вспомнит,
Такого храбреца,
Такого хвата,
Неблагодарного такого человека
Изменником отчизны мы объявим
И тут же вздернем!

Родина, готовься,
Твой праздник близок!
Вы же, господа,
Властители всех государств Европы,
Когда народы вас прогонят прочь,
Придите к нам!
Народ венгерский добрый
Вас встретит с радостью, сочтет за почесть
Откармливать вас всех! О, приходите!
Харчи, жилье мы вам дадим тотчас же.
Взамен утраченных монарших привилегий
Мадьярских судей званье вам дадим.

Песня, 1848

ШУМИМ, ШУМИМ...

Шумим, шумим, — язык болтает,
А лень пошевелить рукой.
Им, видно, Венгрия-торговка
Милей, чем Венгрия-герой.

На миг блеснул меч славы нашей —
И вновь ржавеет на стене.
Еще денек-другой протянем, —
И все пойдет по старине.

А я стою, коню подобен,
Когда, разгорячен трубой,
Он храпом, фырканием и ржаньем
Хозяина торопит в бой.

Ужели не паду звездою
В бою, средь дыма и огня?
Ужель бездействие задушит
Иль в спячку погрузит меня?

И пусть бы я один томился,
Один — еще не весь народ!
Но сколько их, кто в нетерпенье,
Беснуясь, удила грызет!

Орлы, томящиеся в клетке,
О юноши, мои друзья!
На вас гляжу — и стынет сердце,
И закипает кровь моя.

Смелей вперед! Вперед, отчизна!
Полдела сделано! Вперед!
Уже оковы ослабели,
Когда ж их гнев твой разобьет?

Песня, 1848

КОРОЛЬ И ПАЛАЧ

В золотой своей короне
Восседал король на троне,
И, как черви, у подножья
Молча ползали вельможи.

Вздрогнул трон, вокруг смятенье...
Что там, вихрь? Землетрясение?
Страх и дрожь в придворном стане:
«Бунт! Народное восстанье!»

То народ, всех бурь свирепей,
Сокрушает рабства цепи,
И куски проклятой стали
Для него оружием стали.

Трон дрожит, и в смертной дрожи
Разбежались все вельможи.
Лишь один из этой клики
Не покинул трон владыки.

Вот он — короля надежда:
Снег — лицо, и кровь — одежда,
Страшен взор его тлетворный...
Кто же он? Палач придворный.

И сказал король с тоскою:
«Все ушли, лишь ты со мною.
Знать, и в трудные минуты,
Друг мой, верен королю ты!»

«Полно, ты живешь во мраке:
Ведь друзей, как знает всякий.

Не бывает у тиранов. —
Отвечал палач воспрянув. —

Те, что ползают на брюхе,
Только тени, только духи.
Тени ж — света порожденье.
Свет погас — исчезли тени.

Почему я здесь остался?
Хлебом я твоим питался.
Ясен день иль воет вьюга —
Не прожить нам друг без друга.»

Песня, 1848

РАКОЦИ

Свободы вождь, звезда на небе темном,
Великий сын родной своей страны!
Слезю жаркой, гневом неумным,
О Ракоци, сердца, у нас полны.

Дела твои, которым был ты предан,
Мы довершим. Но жалко одного:
Не быть тебе на празднике победы,
Не встать тебе из гроба своего.

О, если б только это можно было —
Найти твой прах, вернуть его домой!
Но кто же знает, где твоя могила?
Какой тебя засыпали землей?

Ты изгнан был из края из родного
За то, что больше всех его любил.

И век своею тяжестью суровой
Твою могилу смял и раздавил.

Но ты не мертв — жива душа героя,
И смерть вовек не прикоснется к ней.
Приди же к нам, спустись в минуты боя,
Слети душой великою своей!

И стяг возьми невидимой рукою,
Неси его, веди своих солдат.
Пусть голос твой, приглушенный землею,
Гудит в солдатском сердце, как набат.

И мы пойдем, помчимся в бой с врагами!
Пусть сотни глаз нам грустно смотрят вслед,
Пусть сто смертей возникнут перед нами —
Назад мы даже не посмотрим, нет!

И в дни победы, в пламени рожденной,
Ради которой ты дышал и жил,
Воскликнет наш народ освобожденный:
«Кто начал дело, тот и завершил!»

Песня, 1848

ЖЕНА И КЛИНОК

Светят в небе звезды,
Дремлют в гнездах птицы,
На мои колени
Милая садится.
Нежная росинка
На ветвях у дуба,
Как тебя в объятьях
Мне баюкать любо!

Что же не целуешь,
Если взял в объятия?
Я не скуп на это —
Буду целовать я!
Слышишь... даже слово
Не договорилось, —
В нашем поцелуе
Слово растворилось.

Вот какая радость!
Вот какая прелесть!
Жемчугами счастья
Мы с тобой оделись!
Но зачем так мрачен,
На стене висящий
Мой палаш венгерский,
Мой клинок блестящий?

Боевой товарищ!
Что ж ты в самом деле?
Или мучит ревность?
Страсти одолели?
Если это — ревность,
То мужчинам смелым
Стыдно заниматься
Глупым бабьим делом!

Не ревнуй, не бойся,
А, дружа со мною,
Подружись, товарищ,
И с моей женою!
Ты ее высокой
Прелестью душевной
Будешь очарован,
О палаш мой гневный!

А с врагом сразиться
Родина прикажет, —
Кто тогда на пояс
Мне тебя привяжет?
Не жена ли скажет,
Расставаясь с нами:
«Будьте боевыми
Верными друзьями!»

Пешт, 1848

ВЕСНЕ

Где ж ты, дочь старухи Стужи,
Юная Весна?
Не идешь ты почему же,
Что ж ты не видна?

Нет! Спеша, друзьям на радость,
Мчишь ты по лесам!
Подымай шатер зеленый
Прямо к небесам!

Излечи больную зорьку, —
Видишь, там, вдали,
Бледная, она присела
На порог земли.

Если ты ее излечишь,
Может она дать
Сладость розам, радость травам,
Полю благодать.

Здесь ли жаворонок? Здесь он!
Прилетел с тобой, —

Он творец привольных песен,
Он учитель мой!

А цветы? Не позабыла
Ты об их красе?
Принеси их много, много,
Сколько хочешь. Все!

Разрослись владенья Смерти.
Знай: погребены
Здесь, в земле у нас, святые
Вольности сыны.

Видишь: голая могила,
Как она черна!
Ты осыпь ее цветами,
Милая Весна.

Песня, 1848

КОНСЕРВАТОРЫ

Мы ополчились на врага
И смело ринулись вперед,
Вы где-то позади плелись,
Там, где обоз всегда ползет.
И от колонн ложилась тень
На ваши рыхлые тела;
Среди пути в часы жары
Была вам эта тень мила!

Когда же битва началась,
Остались вы верны себе:
Хватали за руки вы нас,

Пытались помешать борьбе.
«Назад, назад! — вопили вы,
И подняли трусливый вой: —
Зачем стрелять? Зачем стрелять?
Нам страшен дым пороховой!

Назад! Еще ведь время есть,
Возможность есть, возможность есть,
Бежать домой, бежать домой
И тихо возле печки сесть!
Уж лучше пусть нагайка бьет,
Чем сабля голову снесет.
Домой скорее, ибо кнут —
Не сабля, до смерти не бьет!»

Такую боевую песнь
У нас вы пели за спиной.
Господь помог, и этот бой
Победой кончился большой!
Тут драгоценных птичек рой
Поднялся из-за наших спин, —
И эти совы, то есть вы,
Заухали победный гимн!

Ах, если трудно вам молчать,
Нельзя ли хоть потише петь.
За скромность больше уважать
Мы будем в а с . . . Зачем галдеть?
Вы лишь дурачите себя,
Воображая каждый раз,
Что ваш иудушкин восторг
Способен одурачить нас!

Песня, 1848

НАС ТЕПЕРЬ ВОЗНЕНАВИДЕЛ...

Нас теперь возненавидел
Целый мир, как вижу я.
Ты сегодня одинока,
Венгрия, страна моя!

Всевозможных голодранцев
Было здесь полным-полно, —
Щедро с ними мы делили
Кров, и пищу, и вино.

Ну, а кто пришел бы ныне
С нами разделить беду?
Вот такого человека
Я ищу и не найду.

Ладно! Милостив создатель!
Будет так, как должно быть.
Все забыли? Лишь самим бы
О себе нам не забыть!

Руки есть у нас и сабли!
Горько пожалеет тот,
Кто сегодня на мадяров
Собирается в поход!

Долговечна наша кротость,
Но — война так уж война!
Будет, будет наша ярость
Долговечна и страшна!

Как мы бьемся — неприятель
Должен помнить, должен знать!

Ну, а если позабылось,
Так припомнится опять!

Коль терпенье наше лопнет,
Распушим врагов мы так,
Что и сами пожалеем
Этих немощных бедняг!

Пешт, 1848

БАН БАНК

Глуп и трусоват был Эндре —
Наш король; бедняжка,
Червяком он извивался
Под пятою тяжкой.
Ведь узду страны держала
В ручках королева.
И шаталась колымага
Направо, налево.

Бабьи руки слабоваты,
Тут смотри, брат, в оба.
Пуще же, когда с бессильем
Породнится злоба.
Ой, король, с такою злоюкой
Жить на свете худо,
С той, что немка по рожденью
И зовут Гертрудой!

Добрых венгров королева
Ниже псов считала,
То и дело без причины
Служб, чинов лишала.

Что ни теплое местечко —
Все для немца-плута.
Провалиться б вам сквозь землю
В Неметчине лютой!

Оскорбления терпели
Знатные дворяне,
А народу И подавно
Горе да страданье.
И стонал народ наш добрый,
Стонал повсеместно.
Как Христос, он брел, согнувшись
Под ношею крестной.

От налогов и поборов
Вылезали очи.
И трудился горемыка
Сколько было мочи.
Всем двором на шею сели —
Ни вздохнешь, ни охнешь.
Только слышно: «Знай работай,
А потом подохнешь!»

Но не все несли покорно
Тяжкие оковы:
Смельчаки объединились
И восстать готовы.
И толкуют: «Не потерпим
Мы такого срама!
Мы очистим нашу землю
От чужого хлама!»

Лишь бан Банк, наместник строгий, —
Тот судил иначе.
То ли ждал он перемены,

То ль не ждал удачи?
Но когда его супругу...
Нет страшной историй!
Расскажу ль ее? О немец,
Горе тебе, горе!

Брат светлейшей королевы,
Вельможа поганый,
Надругался, поглумился
Над женою бана.
Молода, добра, красива,
Как цветочек в поле...
Только смех ее веселый
Уж не слышен боле.

«Подымайтесь! — бан воскликнул. —
Или мы ослабли?!
Мечь в моем пылает сердце!
Смерть — на острой сабле!
Други, в замок королевский!
Кто со мной — за мною!
Разнесем притон разврата
И гнездо разбоя!»

Ворвались толпою шумной.
В королевском зале
В это время бесшабашно
Немцы пировали.
Ели, пили все чужое,
Чванились и дерзко
Издевались над народом,
Над страной венгерской.

Сразу стихнуло застолье...
«Ну-ка, что заснули?»

И в глазах мадьяр горячих
Молнии блеснули.
Немчура слегка струхнула:
Тут уж не до шутки.
И вино у тех, что пили,
Прокисло в желудке.

И сказал бан Банк учтиво:
«Доброго веселья!
Добрый вечер вам, вельможи!
Что ж вы присмирели?
Присмирели, приуныли
На последнем тосте?»
А Гертруда: «Что вам надо,
Незванные гости?»

«Погоди, — сказал наместник, —
Все узнаешь вскоре.
Все скажу тебе, Гертруда,
И придворной своре.
Будь почтительнее с нами —
Пред тобой венгерцы!
Весь народ наш пред тобою
С богом мести в сердце!

Ты сказала: мы здесь гости?
Вспомни, а не мы ли
Вам, незваным, нежеланным,
Двери растворили?
Растворили вам, а вы нас
Вышибли за двери,
И теперь вы наше тело
Жрете, словно звери.

Хватит! Попили, поели!
Вам, ничтожным трусам,
Времечко пришло последним
Подавиться кусом,
Первой ты умрешь сегодня,
Ты — всех зол причина,
Королева, шлюха, сводня
Под одной личиной!»

Тут наместник королеву
Рубанул с налета.
Мигом сабли зазвенели —
И пошла работа!
Может, кто и спасся бегством, —
Мы того не знаем,
Только воздух стал почище
Над венгерским краем.

Песня, 1848

ЧТО-ТО НЕМЕЦ ВЫДУМАЛ СЕГОДНЯ...

Что-то немец выдумал сегодня,
Разрази его стрела господня!
С требованьем швабы к нам пристали,
Чтоб долги за них платить мы стали.

Задолжал, так и плати, собака!
Хоть язык ты высунешь, однако
Сам плати, хоть сдохни от натуги!
Мы, мадьяры, для тебя не слуги!

Говорят, что в случае отказа
Горе нам — побиты будем сразу;

Мол, на нас пойдут они войною,
С нашею расправятся странною.

Ты свою прабабушку попробуй
Захватить, а Венгрию не трогай,
Семером идут они на зайца,
А, глядите, — нам они грозятся!

Нет уж, немцы, поскромнее будьте!
Перед вами — люди! Не забудьте:
Если, шваб, ты хочешь лезть из кожи,
В этом деле мы тебе поможем!

К нам вы приезжали целоваться,
А теперь хотите с нами драться,
Ну так что же, приходите, ладно.
Чтоб соваться было неповадно!

Мой совет: ходули закажите, —
Вы на них быстрее прибежите,
Да и убежите поживее,
Как от нас получите по шее!

Нам на вас оружие тратить жалко,
Для собаки хороша и палка.
Не взыщите — живо отдубасим,
Даже трубок наших не погасим!

Пешт, 1848

ПЕСНЯ О ЧЕРНО-КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Долой красно-бело-зеленое знамя!
Пора в этот час нам,
Пора в эти дни нам подумать, мадьяры,

О черном и красном!

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье, —
Так в черное с красным знамена окрасьте!

Среди океана мы — маленький остров...

Валы океана

Стремятся на приступ родимого дома

Под гром урагана.

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье, —
Так в черное с красным знамена окрасьте!

Враги на пороге. А мы наготове?

Что делают власти?

Им встать бы на стражу, но прячутся в башне:

Там дремлется власть им!

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье, —
Так в черное с красным знамена окрасьте!

Мне вспомнился Мохач. Такое же время

Тогда мы встречали.

Вот так, за столами, у пенных бокалов,

Не чуя печали...

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье, —
Так в черное с красным знамена окрасьте!

О Мохач! За пестрыми мотыльками

В беспечности детской

Гнались мы, хотя уж за нашей спиною

Взревел лев турецкий!

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье, —
Так в черное с красным знамена окрасьте!

Где снова погибнуть должны двадцать тысяч

Венгерских героев?

В какое мы поле, от крови сырое,

Тела их зароем?

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье, —
Так в черное с красным знамена окрасьте!

Где ты, новый Мохач? Где солнце родное
Закатится снова?

Померкнет надолго, быть может навеки,
Лик солнца родного!

Вот-вот хлынет кровь, разразится несчастье, —
Так в черное с красным знамена окрасьте!

Пешт, 1848

КОРОЛЕВСКАЯ ПРИСЯГА

Дал король присягу
Ласло молодому:
«Божья власть над нами.
Клянусь небесами,
Тебя я не трону!»

Снарядился Ласло,
Хочет ехать в Буду.
Ой, Хуняди Ласло,
Спешешь ты напрасно,
Смотри, будет худо!

Заманят в ловушку
Витязя красавца.
Сиди ты в Белграде
Иль спасенья ради
Поезжай скитаться.

Иль ты, Ласло, хочешь
Угодить в темницу?

Навек закрыть хочешь
Орлиные очи,
Саваном накрыться?

Не ходи ты в Буду,
Зван ты не для пира!
Там ждут тебя, Ласло,
Не почет и счастье —
Плаха да секира.

«Нет, рассказням бабьим
Верить я не буду,
И совет ваш, братья,
Не могу принять я, —
Надо ехать в Буду!

В замке том невеста
Ждет меня тоскуя.
Для тебя, родная,
Мир пройду до края,
Сто смертей приму я.

Но чего, скажите,
Мне бояться смерти?
Королевской клятве
И я верю, братья,
И вы тоже верьте».

Благородный Ласло
Пришел в Буду прямо.
Копайте, злодеи,
Копайте скорее
Для гостя яму!

До своей невесты
Не дошел он даже.
Ни о чем не спрошен,
С неба в ад был брошен —
В кандалы, под стражу.

«А за что же гостю
Бесчестье такое?»
«Ты свой долг нарушил,
Короля не слушал,
Замыслил дурное.»

«Я свой долг нарушил?
Замыслил дурное?
Совесь вопрошу я,
Восстань! — ей скажу я, —
Будь моим судьбою!

Нет, молчишь ты, совесть,
Не молвишь ни слова.
Спишь ты, как младенец
В теплой колыбели,
А на мне — оковы.

Вы с меня снимите
Эти цепи ржавые,
Саблю принесите,
Добывать пустите
Для родины славу!»

Не смутишь их, витязь,
Ты правдивым словом!
Ушли, дверь замкнули,
Ключ в ней повернули,
Заперли засовом.

Но недолго ждал ты,
В тюрьме изнывая,
Наш цветок ты лучший,
Витязь ты могучий
Венгерского края.

«Встань и выйди, витязь!»
«Я свободен, люди?»
«Через час — конец твой!
Где теперь отец твой —
Там свободным будешь.»

«Как! Меня убьете?!
Я прошу святою
Памятью отцовой:
Дайте молвить слово!
Нет вины за мною!

Мой родитель — Янош —
Наш великий витязь.
Не на казнь дорога
Сыну полубога!
Эй, не оступитесь!

Да и кто б я ни был,
Нет вины за мною!
Сам король мне клялся,
Клятвой обещался
Не чинить дурное!

Мир, тебе кричу я!
Люди, вот пример вам:
Знайте! богомерзким
Клятвам королевским
Нельзя давать веры!»

Выволокли Ласло
И без милосердья
К плахе потащили
И там зарубили
На площади Сент-Дёрдя.

Палач рубил трижды,
Ударял с налету.
А Ласло все дышит,
Все видит и слышит
И молвит народу:

«Нет грехов за мною,
А хотя б и были,
Так мне по закону
Должны дать свободу, —
Меня уж казнили.»

Встал Ласло, споткнулся
И упал на плаху.
Топор снова хряснул
И голову Ласло
Отсек с размаху.

Солнце опускалось
И, от гнева красно,
Глядело на расправу,
На помост кровавый,
На голову Ласло.

Оттого так солнце
Сердито глядело,
Что народ бессловесный
Стоял, сбившись тесно,
И не знал, что делать.

Зачем я там не был,
Не жил в то время!
Оглушил бы криком,
От боли диким,
Трусливое племя:

«Встань, народ венгерский!
Встань, возьми дубину!
Пусть король наш подлый
Захлебнется кровью
Той жертвы невинной!»

Песня, 1848

ТЫ ЗАДРОЖАЛ, О СБРОД ПРЕЗРЕННЫЙ...

Ты задрожал, о сброд презренный,
Ты был не в силах скрыть испуг,
Услышав, что из нежной лиры
Исторг я первый смелый звук.
Но этот ветер — лишь предвестник
Грозы, грохочущей вдали,
С которой песнь моя, как птица,
Взметнется к небу от земли.

Грозящий вихрь еще далеко,
Лишь с дерева два-три листка
Да с губ моих погромче слово
Срывает он, дохнув слегка.
Куда ж вы спрячетесь от бури,
Когда поднимет рев она,
И вывернет дубы с корнями,
И взроет сердце мне до дна,

И громом полюсы вселенной
С их вековой оси сорвет,
И в битву ринутся стихии,
Ниспровергая небосвод,
И по залитым кровью струнам,
Последний возвещая бой,
Я в исступлении ударю
Окровавленную рукой?

Песня, 1848

АВСТРИЯ

Как древний Иерусалим,
Вот так падешь ты, Австрия!
И, как иерусалимляне,
Пойдут скитаться по земле
Твои владыки, Австрия!
К изгнанию, к изгнанию
Готовьтесь, императоры!
В полубогов вы рядитесь,
А побежите все-таки,
Чтобы на вас не рухнули
Обломки трона вашего,
Но не раздавят до смерти,
Иное вам назначено:
Вы нищими бродягами
Блуждать по свету будете!

Напрасно руки моете
Вы, Понтии Пилаты!
Людей-то вы обманете,
Но видит бог — он знает все! —

Не будет вам пощады!
Вы не достойны милости,
Ни милости, ни жалости!
Свободы нашей крестный путь —
Вот что такое Австрия!
Из всех желаний на земле
Одно желанье — властвовать, —
Вот вами что руководит!
Воздвигли замок Мункач вы
Затем, чтоб пламень разума
Не плавил цепи рабские,
Но гас бы в подземелиях!
А на земле лелеете
Цветы довольно гнусные —
Цвет глупости, цвет подлости,
Тиранства и насилия!
Разбойник в пурпур облачен,
И воры коронованы!
Права людей украли вы,
Сокровища похитили!

Тот клад не унесете вы!
Нет! Отберут его у вас
Разгневанные подданные.
И, полуголых, вас потом
Изгонят прочь из Австрии,
Как ангел огненным мечом
За двери сада райского прогнал Адама с Евою!

И будете вы нищенствовать, как из-за вас мы
нищенствовали,
Но только подаяния ни крошки не получите
От тех, кого вы грабили, от тех, кого вы мучили!
Все, все от вас отплюнутся
И будут с отвращением глядеть в другую сторону!

И если вам назначено вот так погибнуть с голоду, —
Никто не похоронит вас — не пожелает пачкаться!

На кучу вашей падали
Лишь вороны накинута,
И станут вам могилою утробы этих воронов,
И будет вашим саваном проклятие народное!

Песня, 1848

ДОВОЛЬНО!

Довольно! Из послушных кукол
Преобразимся мы в солдат!
Довольно тешили нас флейты,
Пусть ныне трубы зазвучат!

Кто хочет — бьет нас и толкает.
Встань, отчизна! Где твой меч?
Иль нужен гневный гром господень,
Чтоб, наконец, тебя зажечь?

Когда ты, нация, проснешься?
Ужель не сбросишь ты ярма
Твоих судей медноголовых,
Лишенных сердца и ума?

Где сила прежняя мадьяра?
Иль правду говорят о нас,
Иль мы и впрямь трусливы, слабы,
Наш пыл воинственный угас?

Вы нагло лжете, пустобрехи!
Пусть откипел мадьяр давно,

В крови таит он тихий пламень,
Он — как мадьярское вино.

О, если б уж запели трубы!
Нам жизнь и кровь недорога.
Зато мы каждой каплей крови
Мертвецки напоим врага.

Восстань, отчизна, чтобы снова
Венец твой славой заблистал!
Той славой, что разграбил немец,
Сапог немецкий растоптал.

Подобно солнцу из-за тучи,
Блеснет палаш твой из ножен, —
И все ослепнут и оглохнут,
Над кем грозой заблещет он.

Довольно! Из послушных кукол
Преобразимся мы в солдат!
Довольно тешили нас флейты,
Пусть ныне трубы зазвучат!

Песня, 1848

ИДУ — И НЕТ ТЕБЯ СО МНОЙ...

Иду — и нет тебя со мной,
Прекрасный, добрый ангел мой,
Но верю, дух твой, пусть незрим,
Со мной идет путем одним.
Лишь только б знать твои черты, —
В чей образ воплотилась ты?
В зефир, в воздушные струи,

Что треплют полосы мои?
Иль в тот румянец, что, горя,
По небу разлила заря?
Или в звезду, что мне в ночи
Шлет серебристые лучи?
Иль в птичку обратилась ты,
Чья трель несется с высоты?
Иль ты цветешь, фиалкой став,
Что мне в глаза глядит из трав,
Шепча: «Сорви меня, сорви,
Возьми с собой в залог любви!»?
Кто ты? Где ты? Скажи, открой,
Прекрасный, добрый ангел мой!

Надькереш, 1848

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Здесь я родился, я в своем краю,
Вернулся в Алфельдскую степь свою,
Где все места следами старины
И няниными песнями полны.
В одной припев был, помнится, такой:
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Ушел ребенком я из этих мест
И взрослым совершаю новый въезд.
Как странно, двадцать лет прошло с тех пор...
Да, время, время мчит во весь опор,
Наполненное счастьем и тоской! ..
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой.»

Где вы, друзья тех детских лет, сейчас?
Хоть одного б увидеть мне из вас!

Уверьте, что по-прежнему я мал.
Пусть я забуду, что мужчиной стал,
Что четверть века за моей спиной.
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой.»

Как птичка прыгает с сука на сук,
Бессвязно мысли носятся вокруг,
Ловя воспоминанья на лету,
Как пчелы мед на липовом цвету.
Ах, здесь воспоминаний целый рой!
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой.»

Я мальчик вновь и на лошадку — скок,
Скачу, трубя в осиновый рожок,
Но хочет пить конек мой боевой,
Я тросточку веду на водопой.
Напился конь. Пора, бетяр, домой.
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой.»

Вот колокол вечерний зазвучал.
И всадник утомлен, и конь устал.
Я дома засыпаю в тот же миг
И долго-долго слышу в снах своих
Припев любимой песенки одной:
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой.»

Феледьхаза, 1848

МАРТОВСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

В годы рабства о свободе
Кто не рад поговорить?
Мы же первыми в народе
Принялись ее творить.

Мы, подняв восстанья знамя,
Принесли стране весну.
Не словами, а делами
Разбудили мы страну.

И, родную землю тронув,
Где лежал народ-мертвец,
Все двенадцать миллионов
Всколыхнули мы сердец.

И связала нас, венгерцев,
Боль одна, мечта одна,
И слилась в большое сердце
Вся мадьярская страна.

И когда на полстолетья
Постареет этот свет,
Пусть расскажут внукам дети
О величье наших лет.

В эти дни борьбы кровавой
Был в чести мадьяр-борец.
Но увяла наша слава,
Чуть борьбе пришел конец.

Кто дремал во время боя,
Кто дрожал в грозу, как лист,
Тот надел венки героя,
Потому что был речист.

Кто скрывался в непогоду
И сидел, поджавши хвост,
За мадьярскую свободу
Возглашает первый тост.

Что ж, чешите на здоровье
На банкетах языки
И носите нашей кровью
Обагрённые венки.

С вас срывать мы их не будем,
А когда-нибудь себе
Славу новую добудем
В новой доблестной борьбе.

Пусть лежат на ваших главах
Лавры, взятые в бою.
Мы боролись не за славу,
А за родину свою!

Песня, 1848

МАЛАЯ КУМАНИЯ

Снова отлучался
В Малую Куманию к домашним.
Где ни очутись, повсюду неотступно
Тянет к милым пашням.
Исходил равнину,
Вкруг которой, точно дочку обнимая,
Встретились родительские руки
Тисы и Дуная.

По приезде в город
День и ночь в столице, средь ее содома,
Мысленно брожу по брошенным низовьям
У родного дома.
Чуть зажмурю веки,
С живостью встают в душе, как пред глазами,

Чудные места, одно другого краше,
В бесподобной раме.

Середина лета.

Солнце на подъеме и пытит, бедняжка.
Огненным дождем струится знойный полдень
На степную кашку.
Всюду степь без края.
Всюду степь, и я уйти не в состоянии
От небесной сини и от синей степи
В месте их слиянья.

Прохожу лугами.

Вон волы среди пастбищ развалились в спячке.
В этот жар собой не властвует скотина,
Не до жирной жвачки.
Волопас поодаль,
Вытянувшись, спит на коже пастушьем;
Обленились псы и на мою особу
Смотрят с равнодушьем.

Вон ручей в ложбине

Медленно сочится по зеленой балке.
Гладь его мертва и только оживает
Под крылом рыбалки.
Дно отлично видно.
Мелюзги в песке, пиявки сколько всякой!
Пауки водой, как посуху, шныряют,
Ноги раскорякой.

Цапля копошится

В темных камышах, и аиста супруга,
Сунув клюв в ручей, глотает жадно что-то
С крайнею натугой;
Подвернув ходуюлю,

Гордо замирает, на другую вздыбась.
А в приречных травах день-деньской немолчно
Горько кличет чибис.

Вон следы колодца.
Обвалился, сгнил он и порос осокой,
Но торчит стояк, и цело коромысло
С жердью одинокой.
К мареву ль степному
Приковала взоры эта жердь на страже?
Мало ли она жарами навидалась
Марев и миражей?

А вдали и вправду
Наваждение зноя: в жаровой завесе
Постоялый двор приподняло на воздух,
Держит в поднебесье.
Но луга все реже,
Все безводней край, и степь назад отходит.
Вихрь холмит пески и их поочередно
Сносит и возводит.

После долгих странствий
Вновь пойдут маячить хуторян хибарки.
Пахнет свежим сеном, каркают вороны,
Скаются овчарки.
Дальше небосклона
Белокудрым морем разлилась пшеница,
Кланяется, никнет, головой мотает,
Зреет, колосится.

Васильки средь нивы.
Полыхает мак, и на меже у воза,
Как звезда в крови, щетинится шиповник
Раненою розой.

Наступает вечер.
Облака пушатся в легкой позолоте.
Чудо-облака! Вы стаей детских сказок
Надо мной плывете.

Захолустный город.
Церковь с колокольной в стародавнем стиле.
А пройдя сады, за выселками, — мельниц
Маховые крылья.
Чем приворожили
Мельницы меня к своим кругам гигантским?
В ярмарку так встарь ходили акробаты
Колесом цыганским.

Песня, 1848

ВЕНГЕРСКИЙ НАРОД

Мой народ свободен! Распрямили спину
Те, кого считали немцы за скотину,
Те, кто был придавлен, те, кого душили,
Те, что век в неволе, в тяжком рабстве жили.

Мой народ свободен — наступили сроки! —
Он пойдет отныне по своей дороге.
Ржавые оковы, цепи вековые
Сам перековал он в сабли боевые.

Мой народ свободен! Больше не позволит
Немцам-чужеземцам себя обездолить.
Он ярмо их сбросил, он сказал им: хватит!
Он Им все припомнит и за все отплатит.

Им землю этой не владеть вовеки! —
Это наши нивы, это наши реки.

Это край венгерский — наш, родной, исконный,
Нашею горячей кровью обогранный.

Здесь распоряжаться лишь одни мы вправе,
Кланяться пришельцам нас нельзя заставить!
А придут, посмеют — встанут все венгерцы,
И вонзят им шпоры в самое их сердце!

Будьте же, венгерцы, день и ночь на страже,
Будьте все готовы встретить силу вражью.
И коль так случится, что она нагрянет,
Даже полумертвый пусть с постели встанет!

Родина, свобода — те слова священны, —
Пусть их каждый с детства помнит неизменно.
Если ж, взрослый, сгинет он в бою с врагами,
Пусть простится с миром этими словами!

Пешт, 1848

К НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

Вот вы сейчас войдете в этот зал,
Откуда выйдет нации судьба.
Так выслушайте прежде, чем войти, —
Я должен все же вас предостеречь!
От имени народов говорю:
Нет той страны, которую для нас
Добыли, проливая пот И кровь,
Герои-предки! Имя лишь ее
Блуждает, как кладбищенская тень,
Здесь между нами... А отчизны нет.
Ее твердыня превратилась в прах,
И вы ютитесь под шатром небес,

Как птицы или дикое зверье.
Все, что умели пращуры создать,
Обязаны вы заново творить
Ценою самых величайших жертв.
Хотя бы всем вам жизнь отдать пришлось,
Обязаны построить вы теперь
Отчизну славную прочнее, чем была,
Где башни привилегий не стоят
И не таятся в них нетопыри,
Отчизну вольную, в которой будут свет
И чистый воздух — достоянием всех,
Чтоб все имели право видеть, жить,
Быть в безопасности... Нет, я не говорю,
Что надо выбросить все камни древних стен:
Коль крепок камень, пригодится он,
А ненадежный — надо устранить,
Какие бы священные для вас
Вспоминанья ни таились в нем.
Поймите это! Горе той стране,
Той родине, которая слаба
В своей основе! Если нехорош
Фундамент, так стене не устоять,
Постройка рухнет! И строитель тот
Не нынче завтра будет разорен!

Вы ясно ли представили себе,
Какая вас работа ждет сейчас?
За этот труд награда велика,
Но нелегко достанется она.
И те, которых не ведет сюда
Любовь к отчизне, чистая любовь,
Все те, которых привело сюда
Тщеславье или жалкая корысть, —
Те святотатственной своей ногой
Да не осмелятся переступить

Священного порога, ибо вслед
За ними обязательно придут
Два стражника — проклятье и позор,
И будут их до дома провожать,
И после — до кладбищенских ворот.
А вы, из чьей души великий бог
Еще не изгнан идолов толпой,
Вы, у которых к родине любовь
Горит в сердцах, как свет на алтаре, —
Войдите и работайте! Ваш труд
Пусть будет так прекрасен и велик,
Что мира удивленные глаза
Однажды остановятся на нем.
И скажет мир: «Счастливая страна!
Божественны строители ее!»

Песня, 1848

ВЕНГЕРЕЦ ВНОВЬ ВЕНГЕРЦЕМ СТАЛ

Венгерец вновь венгерцем стал!
Он сам собою стал отныне, —
Не будет больше он слугой
При иноземном господине.

Венгерец вновь венгерцем стал —
Ярма он не потерпит снова.
Звеня, осеннею листвою
На землю сыплются оковы.

Венгерец вновь венгерцем стал —
Сверкают палаши и шпаги,
Лучится солнце на клинках,
В очах горит огонь отваги.

Венгерец вновь венгерцем стал,
И пламенеют наши лица
Огнем развернутых знамен,
Зовущих в битву устремиться!

Венгерец вновь венгерцем стал!
Одно у всех венгерцев сердце,
И это сердце бьется так,
Что в ужасе враги венгерца.

Венгерец вновь венгерцем стал,
Героем стал на поле брани,
И мир, великий мир, глядит
На чудеса в венгерском стане.

Венгерец вновь венгерцем стал
И вечно будет сам собою,
Иль в славный час, ужасный час
Умрем мы все на поле боя!

Песня. 1848

ЗАЧЕМ ВЫ МНЕ ЗАГОРОДИЛИ ПУТЬ?

Зачем вы мне загородили путь?
Идите прочь!
Меня возносит ввысь моя мечта,
Но надо делом родине помочь.

Страна в опасности и к действию зовет
Всех сыновей.
Стократным эхом прогремел ответ
На страстный зов души моей.

Мои надежды крепче горных скал,
Не дрогнуть им!
Для родины я нынче потружусь.
Уверен я, что честь мы отстоим!

Стремленье к делу, сила добрых дел —
Как водопад,
Через меня потоки эти бьют
И с диким гулом в мир летят.

На солнце глядя в полуденный час,
Не щурюсь я,
И смело я гляжу в водоворот,
И голова не кружится моя!

В обычный час все могут устоять...
Не в этом суть!
Когда шататься все вокруг начнут —
Вот в этот час меня не пошатнуть!

Ужасные настанут времена —
Тот самый час,
Тот самый день, который по ночам
В кошмарах диких чудится сейчас!

Ни слова, ни награды я не жду
За подвиг мой.
Свой долг бесплатно нужно выполнять,
А биться за отчизну — долг святой!

А слава? Бог с ней! Пусть она пройдет,
Пусть пролетит!
Коль обнимаешь верную жену,
Вертлявая кокетка не прельстит!

Зачем вы мне загородили путь?
Идите прочь!
Теперь не время, чтоб звездой сверкать,
А делом нужно родине помочь!

Пешт, 1848

ГОД УЖ НЫНЧЕ...

Год уж нынче, год уж нынче,
Как невеста ты моя.
Год уж нынче, как впервые
Целовала ты меня.

Поцелуй твой сладкий, первый
На уста мои упал,
Кто поверит, кто поверит,
Что теперь он слаще стал!

Время мчится, словно ветром
Уносимый мотылек,
Увяданья, умиранья
С каждым часом ближе срок.

Жизнь кончается? Бог с нею!
Пусть увянет, пусть уйдет:
Что упало с древа жизни —
Без следа не пропадет!

То, что умирает в жизни,
То в любви воскреснет вновь!
Чем мне меньше жить осталось,
Тем сильнее моя любовь!

Пешт, 1848

СОТНЯ ЛЕНКЕИ

Из листвы дубовой
Я венок сплетаю
И слезами счастья
Листья орошаю.
Тот венок носите
Ленкеи гусары,
Храбрые солдаты,
Честные мадьяры.

Боевая сотня,
Славные ребята!
Вот такими были
Прадеды когда-то.
Кровь в сердцах гусарских —
Впрямь уж кровь мадьяров!
Так хотя бы песню
Дам я для гусаров!

На слово мне верить,
Видно, не хотите,
Лучше замолчу я.
Сами вы судите!
За себя расскажут
Подвиги их сами —
Храбрецов я буду
Славить вместе с вами.

За Днестром, где округ
Есть Мариампольский,
Квартирует войско
За границей польской.
Молоды гусары,
Розовы их лица,

Что ж таким ребятам
Не повеселиться?!

Весело живется,
Танцы вечно длятся...
Но одна есть сотня —
В ней не веселятся!
В войске днем и ночью
Музыка и пенье,
Только эта сотня
Что-то в огорченье.

«Добрые гусары,
Что вас огорчает,
Почему на очи
Слезы набегают?»
«Как не быть в тоске нам,
Как не быть в тоске нам —
Сладостной отчизне
Угрожают пленом!

Злобно угрожают
Сербы, немцы — вот кто!
Пусть огонь небесный
Грянет в их болото!
Защитить отчизну
Мы стремимся ныне,
Так зачем же держат
Здесь нас, на чужбине?»

Вот о чем толкуют,
Мучась и печалясь...
Вдруг промеж собою
Что-то зашептались.
Голоса их глухи,

Тайна кроет лица.
Что ж это за тайна
В их сердцах таится?

Что за лихое действо
В душах кипятится?
Трудно разобраться,
Толку не добиться.
Что за богохульство
В мыслях завертелось?
Даже молвить слово
Вдруг пропала смелость.

То не богохульство...
Хочется гусарам
Двинуться на помощь
Беднякам мадярам.
На родную землю
Эта сотня рвется:
Там, в полях отчизны,
Кровь мадяров льется!

Вот о чем гусаров
Тайные мечтанья,
Но не без причины
Те мечтанья — втайне:
Тайно лишь мечтаем —
До того дошли мы! —
О священном чувстве
К родине любимой.

И однажды ночью
Сотня выступает.
Тьма... Днестровский берег
Струи омывают.

Здесь могучий Арпад
Набирался силы
Перед наступлением
На страну Аттилы,

А теперь гусары
Здесь остановились.
Для священной клятвы
Их уста раскрылись.
К Венгрии зывают
Храбрые гусары:
«К вам идем на помощь,
Слышите, мадьяры!»

И, провозгласивши
Клятву ту святую,
Ринулись гусары
В пенистые струи.
Боевые кони
Были в полной силе,
И большую реку
Махом переплыли.

К родине стремятся,
Едут они, едут...
Только что за всадник
Мчится им по следу?
Капитан Ленкеи —
Вот кто, словно птица,
Храбрый их начальник
Вслед за ними мчится.

«Эй, назад, ребята!
Я — от генерала.
Он велел вернуть вас

Во что бы то ни стало!»
Но назад гусары
Нет, не поскакали.
Вот что капитану
Храбрецы сказали:

«Капитан, мы будем
Вам повиноваться,
Если вам угодно
С нами оставаться!
Коль вперед пойдете,
А не на попятный, —
Вождь такой нам нужен,
Это вам понятно?

Это дело — свято!
Нас вернуть не может,
Слово генерала
Или даже божье!
И в речах о долге
Мы не видим толка —
Родина священной
Воинского долга!»

Капитан Ленкеи
Был мадьяром истым —
Впереди гусаров
Встал он в поле чистом.
Мчался впереди он,
А не плелся следом
К сладостной отчизне,
К радостным победам!

Здесь, в стране родимой,
Дорогие братья,

Вас мы принимаем
В жаркие объятия.
Любим вас любовью
Вечной, неизменной,
Что бы ни сказал там
Наш министр военный!

Пешт, 1848

ТРИ ПТИЦЫ

Три птицы есть, которых я люблю,
Об этих птицах песню вам спою.
О если б, как любовь моя, была
Прекрасна эта песня и светла,
Дышала всей отрадой, всем теплом,
Что эти птицы принесли в мой дом!

Синичка — птица первая. Ее
Не гонит снег в заморское жильё.
Ей никакая не страшна беда,
Задорно-весел свист ее всегда.
Как мотылек порхает по цветам,
Она порхает по сухим ветвям
Туда, сюда, беспечна как дитя,
Поет, не унывая, не грустя.
За ней поспеть — надежду не лелей.
Та птица — нрав возлюбленной моей.

Моя вторая птичка — соловей.
Никем не видим в зелени ветвей,
Живет он, сам не видя никого.
В родном гнезде — вся жизнь, весь мир его.
Там он поет. Заслышав песни звук,

Велит закат, чтоб смолкло все вокруг,
Чтоб мог он петь все ночи напролет,
Чтоб замерли земля и небосвод,
Внимая зову жаждущей души —
Волшебной песне, льющейся в тиши,
Чей каждый звук снимает с сердца гнет,
Чей каждый звук отраду в сердце льет,
Чей дух — любовь. Тот чудный соловей —
Ты, сердце милой девушки моей.

И третья птица — молодой орел.
В небесной шири царство он обрел.
Паря средь молний, свой бесстрашный взор
На солнце устремляет он в упор.
В спокойный день он спит уединясь,
Но если, воя, буря поднялась,
От сновидений мирных пробужден,
Бросается в объятья ветра он,
Чтоб вихрь унес его за облака,
Как буйный конь уносит седока
Через поток, через леса и дол.
Душа моей любимой — тот орел.

При женском сердце — воина душа
И детский нрав. О, как ты хороша!
О, кто мне скажет — что в душе моей:
Любовь иль удивление сильнее?

Песни, 1848

К НАЦИИ

Бей в набат! Я сам схвачу веревку,
Чтобы все колокола звучали!
Я дрожу — от гнева, не от страха,
В сердце буря гнева и печали.

Я печален оттого, что тучи
Гибелью грозят моей отчизне.
Я разгневан тем, что мы заснули
И не слышим, и не видим жизни.

Нация проснулась, посмотрела,
Отчего кругом шумят народы,
Повернулась набок и заснула,
И забыла, что уходят годы.

Родина, наказанная богом,
Пробудись для доблести и чести!
Создана ты славной и великой,
А плетешься на последнем месте.

Так проснись! Ведь если ты проснешься
Не сейчас, то сроку будет мало:
Ровно столько, чтоб свое ты имя
На надгробном камне начертала.

Встань, отчизна! Все вернуть ты можешь,
Только не робей в бою неравном!
«Победить иль умереть сражаясь!» —
Начерти на нашем стяге славном.

Долго прозябали мы и были
У себя в дому, как на чужбине.

Так очнемся и собою править
Не позволим никому отныне!

Иль не лучше пасть от вражьей пули,
Чем влачить бесцельно жизнь такую!
Отвергаю только смерть в позоре,
Но с восторгом встречу я другую.

В бой! Умрем героями, венгерцы,
Если жить никто из нас не может!
Пусть умрем, но так, чтоб нас оплакал
Даже тот, кто сам нас уничтожит!

Будем так сражаться, чтоб дивился
Миклош Зрини, воин знаменитый,
Так сражаться, будто для отчизны
Каждый стал единственной защитой!

О, тогда, тогда мы не погибнем,
Будем жить и славиться веками,
Воплотим заветные мечтанья
И владеть отчизной будем сами!

Нация, отечество, народ мой!
Дружно, быстро — приготовься к бою!
На врага как молния низринься, —
И падет он мертвый пред тобою.

Где наш враг? — ты спросишь. Между нами!
Справа, слева, — он повсюду, братья!
Самый беспощадный и опасный
Тот, что заключает нас в объятья.

Брат, спокойно предающий брата, —
Вот она, гнуснейшая порода!

Сто других один такой испортит,
Словно капля дегтя — бочку меда.

Только смерть — достойный приговор им,
Только смерть! Иного будет мало!
Хоть бы сотню тысяч их казнили,
Хоть бы кровь по улицам хлестала!

Внешний враг не так уж нам опасен,
Коль внутри покончим с подлой тварью.
Лира, прочь! Бегу на колокольню —
И в набатный колокол ударю!

Пешт, 1848

К ВЁРЁШМАРТИ

*После того, как он 21 августа голосовал в Национальном собрании
по военным вопросам вместе с большинством*

Молчать ли? Ведь тебя люблю я,
Как своего отца, люблю.
Молчать ли? Ты от слов вот этих
Так не скорбишь, как я скорблю!
Ответь всего святого ради —
Как ты пошел на этот срам?
Не я с тебя срываю лавры,
Сорвал ты эти лавры сам!

О, для того ль ты бросил музу,
Затем ли, с лирой разлучась,
Ты снизошел с небес на землю,
Чтоб повалиться прямо в грязь?
Грязь вижу на твоём я сердце!
Ах, лучше кровь бы видеть там!

Не я с тебя срываю лавры,
Сорвал ты эти лавры сам!

Когда орла мы видим близко,
Он величав и так могуч...
Но так он мал, что еле виден,
Когда парит он между туч.
А ты чем ближе, тем ничтожней...
Как верить этим чудесам?!
Не я с тебя срываю лавры,
Сорвал ты эти лавры сам!

Отчизне путь наскучил грязный.
И вот она с недавних пор,
Сойдя с заезженной дороги,
Ввысь устремилась на простор.
А вы назад ее в болото
Влачите к прошлым временам!
Не я с тебя срываю лавры,
Сорвал ты эти лавры сам!

Не ты один отступник? Что же!
Пусть многие назад идут!
Пусть будут сотни их и сотни —
Ты с нами должен быть вот тут!
Ведь если нас поэт покинул,
Как это на руку врагам!
Не я с тебя срываю лавры,
Сорвал ты эти лавры сам!

Не ты ли был поэтом нашим?
Слова «Призыва» твоего
Ты обращал к сердцам венгерским.
Ну что ж, теперь порви его!
В иероглиф он превратился,

И непонятен стал он нам...
Не я с тебя срываю лавры,
Сорвал ты эти лавры сам!

Кто ж знал, что даже ты, в чье имя
Всегда мы были влюблены, —
Лишь бысролетная комета
На небесах родной страны!
Я плачу о звезде прекрасной,
Что не вернется к небесам
Не я с тебя срываю лавры,
Сорвал ты эти лавры сам!

Песня, 1848

РЕВОЛЮЦИЯ

Пусть трусы бледнеют от песен моих -
Предчувствую я Революции вихрь!

Печальные нынче пришли времена!
Отцами ты брошена, наша страна!

Затем ли оковы с себя сорвала,
Чтоб новая цепь еще хуже была?

Могильную пыль ты смела, но тотчас
Втоптала судьба тебя в худшую грязь!

Но нет, не судьбой, не судьбой, не судьбой, —
Глумятся твои сыновья над тобой!

Отвратен и страшен тот грех сыновей,
Мечь неба им будет во много страшней!

Не славы венец, но из сорной травы
Готовят колпак для твоей головы.

Сруби себе голову лучше сама,
Чем ждать от тирана на шею ярма.

Тебя закует только мертвую он!
Пусть празднует он день твоих похорон,

Пусть сядет на трон на могиле твоей,
Пусть люто тиранит могильных червей!

Но, родина, ты не погубишь себя,
Ты гневным огнем загорелась скорбя.

Берешься за саблю, готова к борьбе!
Кому ж быть свободною, как не тебе?

Прими же в уста поцелуй сыновей!
Ты, мальчик, вина наливай поживей.

Целуем и пьем! Поднимается флаг.
Мы поняли: это к восстанию знак.

Пусть трусы бледнеют от песен моих —
Предчувствую я Революции вихрь!

Пешт, 1848

ВЕРМЕЗЁ

Старый замок Буда, что-то вспоминая,
Смотрит напряженно в глубину Дуная,
Так упорно смотрит, что в глазах мутится...
Кажется, в стремнину хочет он свалиться.

Да и пусть бы рухнул — туда и дорога!
Жил он очень долго, горя видел много —
Горем сыт по горло, хватит, надоело!
Вот и ждет, чтоб рухнуть время подоспело.

В дни, когда страною злобный Жигмонд правил,
Меч тут не ленился, многих обезглавил.
Витязь Хедервари Иштван Конт здесь, в Буде,
Головы лишится, — так решили судьи.
И король преступный замышлял здесь Ласло,
Чтоб другого Ласло молодость угасла.
Пал Хуняди Ласло, юный и прекрасный:
Пять мечей вонзилось — казнь была ужасной.

Вот и Мартинович с четырьмя друзьями...
Обняла их смерть кровавыми руками.
Видел старый замок головы казненных,
Мертвенную бледность лиц их искаженных.
Как-то будет дальше? Думаю порою,
Что теперь, быть может, очередь за мною —
Как и эти люди, здесь лишусь я жизни,
А умру лишь только за любовь к отчизне!

Не ходите в Буде, ночью не ходите,
Если с мертвецами встреч вы не хотите.
Головы под мышкой держат они, бродят,
Стонут, место казни ощупью находят.
Конт, Хуняди Ласло на Сент-Дёрдьском рынке
По ночам справляют о себе поминки.
Да и Мартинович с четырьмя друзьями
На кровавом поле бодрствует ночами.

Вермезё, Вермезё, кровавое поле,
Досыта напиться ты не можешь, что ли?
Пьешь ты кровь мадяров, пьешь без пресыщенья —

Дал трактирщик-немец это угощение.
Мы гостеприимно немцев принимали —
Эти злые гости здесь владычить стали.
Только очень скверно пользовались властью:
Горе приносили, горе и несчастье!

Патер Мартинович, Хайноци, Жиграи,
Лацкович, прекрасный юный Сентмарьяи
Крепко сговорились, дали они слово
С нации венгерской посшибать оковы.
Дали они слово, не жалея жизни,
Принести свободу венгерской отчизне,
С рабством в ней покончить, чтобы все народы
Здесь дышали только воздухом свободы.

«Милая отчизна, вновь ты тяжело дышишь.
Значит, снова рабство? Нет! Ты видишь, слышишь?
В этом бог свидетель! Разным иноземцам
Ты служить не будешь, а тем боле — немцам!
В нас должна ты верить! Жди освобожденья!
Сбросим цепи рабства, тяжесть угнетенья.
И пятно позора, поздно или рано,
Мы отмоем кровью павшего тирана!»

Так они сказали. И взялись за дело.
Тайная работа день и ночь кипела.
Плод работы этой крепнул созревая,
Но его сорвали руки негодяя.
Преданы мерзавцам патриоты были —
Всех их друг за другом пятерых схватили,
Заковав в железо, швырнули в темницы,
Чтоб великим планам не осуществиться.

Так опасны судьям были эти люди,
Что дрожали судьи и спешили судьи.

И сказали судьи: «Вас лишим мы жизни,
Ибо заговорщик — враг святой отчизны!»
«Не против отчизны — против короля мы!
Не идет с отчизной тот король упрямый.
Наш король с отчизной не ужился дружно,
Так от короля нам отказаться нужно!»

Ведь они сказали истину святую!
До конца и ныне истину такую
Высказать у многих духа не хватает.
Истина святая кой-кого пугает.
А тогда ведь было более опасно
Говорить всю правду коротко и ясно.
За одну лишь твердость смелого ответа
Голову снесли бы — только лишь за это!

Головы снесли! Там, на Вермезё, в Буде,
Шли на место казни молодые люди.
Бедные венгерцы в этот час рыдали,
Но зато кичливо немцы хохотали.
А герои к плахе подходили смело...
Май стоял. Светало. И заря алела.
И палач ударил со всего размаху...
Розы расцветали. Кровь покрыла плаху.

Славные герои! Где, в какой могиле
Палачи свободы вас похоронили?
Где воздать нам почесть дорогому праху?
За страну родную вы легли на плаху.
Имена за это ваши проклинали,
Ведь о вас и вспомнить нам не разрешали.
Ныне кровь святую, пролитую вами,
Оплатить должны мы нашими слезами!

Песня, 1848

И ВОТ ДОСТИГ Я ВОЗРАСТА МУЖСКОГО...

И вот достиг я возраста мужского.
Весна счастливой юности ушла
И много песен и цветов душистых,
И много упований унесла,
И жаворонка звонкого, чьи трели
Меня будили с первым блеском дня.
Как темен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Нет в роще птиц, нет солнца в небе хмуром,
Туман над полем стелется сырой.
В пустые гнезда только ветер грустный
Еще заходит песню спеть порой.
Угасла жизнь в лесу моих мечтаний,
Редеет он, сухой листвой звеня.
Как темен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Звезду рассвета бледно-золотую
И серебро предутренней росы
Действительность рукою грубой стерла,
Как только день приблизили часы.
Удушлив зной, блуждают в небе тучи,
Растут заботы, жизнь мою тесня.
Как темен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Средь романтических скал бурлил когда-то
Глубокий, темный, сладостный поток —
Поток тщеславья! День и ночь, бывало,
Его струей я наслаждаться мог.
Он не иссяк, но больше пить не жажду,
Пусть пьет другой, мечту свою пьяня.

Как темен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Сам от себя бегу я, но напрасно:
На мой народ с надеждою гляжу —
И вижу, как, безвольный, развращенный,
К смертельному идет он рубежу.
Сожму кулак, вскипает кровь — и что же!
Лишь негодую, плача и стена.
Как темен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Люби меня так пламенно, так нежно,
Как я люблю, даруй мне до конца
Тот свет, который в сердце вобрала ты
От благостного божьего лица.
Ты весь мой мир, ты вся моя отрада,
Звезда моих ночей и солнце дня!
Как темен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Песня, 1848

СВИСТ ПУЛЬ КРУГОМ...

«Свист пуль кругом, бряцание клинков,
В зеленом поле заалелась кровь,
И твердь звенит от грома битвы той.
А где поэт? Все дома он, герой?

Ты для того ль отвагу воспевал,
И для того ли ты сражаться звал,

Чтоб в дни, когда мы обнажили меч,
В своей берлоге, трепеща, залечь?»

Такие речи мир со мной ведет,
Он так и сыплет стрелами острот,
Мол, мы его насмешками уьем!
А я смеюсь и мыслю о своем:

О люди слабые! Сегодня вот они
Клеймят меня, но близятся те дни,
Когда начнут кричать: «Хвала тебе!»
Ведь о людской я думаю судьбе.

Мне ничего не надо говорить,
И сам я знаю, где мне надо быть:
Здесь, выполняя миссию свою,
Я как в аду, не только что в бою!

Песня, 1848

В ГОРАХ

Там, внизу, внизу в ложбине,
Тонет город в дымке синей.
Он на прошлое походит
И, как время, вдаль уходит.
Он рисуется в тумане
В образе воспоминанья.
Хорошо средь высей горных,
Высоченных, непокорных.
Здесь становятся на отдых
Облака в своих походах.

Я б вступал отсюда в споры
С звездами в ночную пору.
Там, внизу, внизу в тумане,
Смутном, как воспоминанье,
Я оставил мысль о доме
В шумном городском содоме.
Я оставил там заботы.
Я не выношу их гнета,
И когда они на шее —
Я как камень цепенею.
Я средь гор вздохнуть присяду, —
Трогать здесь меня не надо.
Для других отдавши годы,
Украду хоть день свободы.
Дрязги я внизу оставил,
Вниз, в туман, обиды сплавил,
Гадости и все иное.
Здесь лишь радости со мною.
Здесь со мной два близких мира:
Милая моя и лира.
Женщина с душой ребенка, —
Вон жена моя сторонкой
Мотыльков с цветов сгоняет,
Рвет цветы, венки сплетает.
Вот она мелькнула тенью,
Вот исчезла на мгновенье,
Вот опять явилась, рея
Феей леса, горной феей.
Я ж стою в благоговеньи
Пред красой миротворенья.
Трепетом своим и дрожью
Листья на сердца похожи.
Сонное их шелестенье
Мерно, как сердцебиенье.
Дерево большое с края,

Голову мне осеняя,
С важностью седого предка
Надо мною тянет ветку
И, благословив, как сына.
Ласково трясет вершиной.
Господи! Я чуть не плачу
В благодарности горячей.

Зуглигет, 1848

КУСТ ГОВОРIT ВИХРЮ

Тише, о вихрь неумный! Своим необдуманн^{ым}
гневом
Не растрепи, налетев, сень моих длинных ветвей!
Помни, подобен я храму, гнездо, как алтарь, я
вмещаю,
В том алтаре соловей служит верховным жрецом.
Ты не мешай ему: славит он песней торжественной
бога,
Громко природу поет, нашу священную мать.

Зуглигет, 1848

БЛИЗОК, БЛИЗОК ЧАС ВЕЛИКИЙ...

Близок, близок час великий,
Час, в который все решится.
Судьбы родины решатся,
Неизбежное свершится!
Вынем жребий. Будет бел он,

Этот кубик, или черен —
Знай, что в выигрыше будет
Только тот, кто непокорен!

Время, время делать выбор!
Что тебе милей и краше —
Ветвь оливы или сабля,
Что возьмем мы в руки наши!
Саблю, а не ветвь оливы
Ты бери, рука народа.
Мир? Пусть он приходит позже,
А сперва придет Свобода.

Час настал. Мы всем народам
Доказать должны на деле —
Или жизнь мы заслужили,
Иль для смерти мы созрели.
Ибо, кто достоин жизни,
Тот с бедою совладеет,
А сражаться неспособный
Пусть под игом пропадает!

Саблю старую наточишь
Ты, мадьяр, готовясь к бою.
Эта сталь была в неволе
Заодно, мадьяр, с тобою.
Смоешь грязь ты с этой сабли
Новой доблестью и славой,
И очистишь вражьей кровью
Тот клинок багрово-ржавый.

Только прежде чем сражаться,
Помолиться надо, братья,
А молитвой нашей будет
Не молитва, а проклятье.

Проклянем мы наших дедов,
Пусть в гробах томятся, мучась,
Что в наследство дали внукам
Рабскую такую участь!

Пешт, 1848

ТЫ СЛЫШИШЬ ЛИ, СЕРДЦЕ?..

Ты слышишь ли, сердце, что там прошептали?
Кого это трусом зовут? Не тебя ли?
Позорно кичась и глумясь над тобой,
Твердят, что боишься ты выйти на бой.

Я знаю вас, черви! Теперь за спиною
Вы шепчетесь храбро, смеясь надо мною,
Л прежде, когда бушевала гроза,
Дрожали, не смея взглянуть мне в глаза.

Я слушаю ваше шипенье? Нимало!
Тяните, тяните змеиные жала,
И если начнете за пятки кусать,
Я даже не двинусь, чтоб вас растоптать!

О сердце, будь холодно ты и бесстрастно,
Не трать благородного гнева напрасно.
А если огня не унять своего,
Свой гнев изливай на достойных его.

О сердце, будь холодно и терпеливо,
Уйми взбунтовавшейся крови порывы
И всем докажи, что не дрогнуло ты
Под натиском подлой такой клеветы.

Подла клевета, по легко оправдаться,
Да стоит ли мне с подлецами тягаться?
Ведь после победного славного дня
Они прибегут славословить меня.

Как много еще в человеке уродства,
Как мало еще у людей благородства!
Ступайте! Желаю вам счастья. Я рад
Бороться за вас. Мне не надо награды.

Песня, 1848

О ЧЕМ ЕЩЕ, СМИРЕННЫЕ ПОЭТЫ?..

О чем еще, смиренные поэты,
Поете вы в такие времена?
Ваш голос в громе битвы замирает,
И миру ваша песня не нужна.

Оставьте лиру, молодые люди!
Вы музыкой не попадете в цель!
Пора бы знать, что в громовых раскатах
Бесследно тонет жаворонка трель!

Пусть даже так! Но разве птица знает,
Кто слушает, когда она поет?
Нет! Жаворонок, реющий в лазури,
Себя да бога только признает!

Сама собой летит из сердца песня;
От радости родясь и от тоски,
Она несется, как летят по ветру
Оборванные с розы лепестки.

Товарищи! Пусть громче грянут лиры!
Мы будем петь всему наперекор, —
Поборется с земным и смутным шумом
Наш не великий, но высокий хор!

В руинах мир. Унылая картина
Тревожит сердце и печалит глаз...
Хочу, чтоб песен вьющаяся зелень
Над холодом развалин вознеслась!

Песня, 1848

ТЫ ПОМНИШЬ?..

Ты помнишь, как с тобой глядели
Мы в первый раз на этот пруд?
С тех пор два года пролетели.
Неправда ли, как дни бегут!

Стоял такой же день осенний,
Тянулись ветви в синеву,
С деревьев ветра дуновенье
Бросало на воду листву.

Поверхность пруда отражала
Свод неба светло-голубой,
И также лодка у причала
Покачивалась над водой.

Тогда еще я только мыслью
Навстречу счастью вдаль летел.
В прямом, не переносном смысле
Я целовать тебя не смел.

Прошло два года. Не досадуй,
Утрата их нетяжела.
За это время жизнь в награду
Безмерно больше принесла.

Она дала тебя в отплату.
Спасения меня лиши, —
К чему оно, когда сама ты —
Бессмертие моей души?

Побудем здесь, где о подруге
Тогда я и мечтать не смел.
Дай мне измерить на досуге,
Как несравненен мой удел!

Эрдед, 1848

СТАРЫЙ ЗНАМЕНОСЕЦ

Трус Елашич убегает в Вену,
Он мадьярского боится плену.
Трус бежит от нашего удара.
Впереди нас знаменосец старый.

Знаменосец старый перед нами.
Кто он, ярый, проносящий знамя?
Им люблюсь с восхищеньем детским:
Тот старик со знаменем — отец мой.

«Родина в опасности», — слова те
До его достигнули кровати.
Не костыль он — твердою рукою
Поднял наше знамя полковое.

Пятьдесят уж восемь лет согнули
Плечи, не боящиеся пули,
Он забыл заботы и печали, —
Молодым бойцом завеличали.

Он — недавно от стола к постели
Ноги волочивший еле-еле —
Храбро гонит нынче строи вражьи,
Молодую силу войску кажет.

Что его призвало в гром сражений?
У него хозяйства нет и тени,
Чтоб в его защите бы нуждалось,
Чтоб врагам оно бы не досталось.

Он своей землей назвать не может
Даже ту, где гроб его положат.
И, однако, он пронесит знамя
Пред отчизны лучшими сынами.

Потому, что нет иного в жизни, —
Вот богач не бьется для отчизны,
За свое богатство всех погубит.
Лишь бедняк душой отчизну любит!

Милый мой, ведь до поры вчерашней
Я твоей был гордостью всегдашней, —
Но судьбы другой ты жребий поднял,
Стал моей ты гордостью сегодня.

Ты венка дубового достоин!
Жду тебя, чтоб ты вернулся, воин!
Целовать чтоб — счастье непростое! —
Руки, знамя несшие святое.

Не дождусь тебя с полей кровавых, —
Значит, в поле блещет твоя слава.
Слезы пусть на нем рососою реют,
Солнцем, славой ту росу согреет!

Эрдед, 1848

ПРОЩАНЬЕ

Едва рассвет — и вот уже закат,
Едва пришел — и ухожу назад,
Едва успел тебя поцеловать —
И вот слова прощальные звучат!
О жизнь моя, душа моя и плоть,
Жена любимая, храни тебя господь!

Я вместо лиры саблю в руки взял,
Я был поэтом — нынче я солдат,
И путь мой вместо золотой звезды
Кровавые сполохи озарят.
О жизнь моя, душа моя и плоть,
Жена любимая, храни тебя господь!

Не жажда славы в путь меня влечет,
Не лавров я ищу на сей земле, —
Не уместятся лавровый венок
И розы счастья вместе на челе!
О жизнь моя, душа моя и плоть,
Жена любимая, храни тебя господь!

Не жажда славы в путь меня влечет, —
Давно все это умерло во мне!
Отчизны ради кровь свою пролью, —
Вот для чего я нынче на войне!

О жизнь моя, душа моя и плоть,
Жена любимая, храни тебя господь!

Не заклинаю: «Думай про меня,
Когда за родину я бьюсь и за тебя!»
Тебя я знаю! Знаю: у тебя
Одна лишь мысль — и это только я!
О жизнь моя, душа моя и плоть,
Жена любимая, храни тебя господь!

Быть может, искалеченным вернусь,
Но и тогда ты будешь влюблена
В меня, в меня! Тому свидетель бог!
Он знает, как любовь моя верна.
О жизнь моя, душа моя и плоть,
Жена любимая, храни тебя господь!

Эрдед, 1848

В САДУ СТОЛЫ АКАЦИЙ...

В саду стволы акаций —
Воспоминаний рой!
Любуюсь я знакомой
Густых ветвей игрой.

О милые деревья,
Благословляю вас
И тех, кто посадил вас
В благословенный час.

Вы полны благодатью
Росы, лучей, теней.

Так пусть колеблют птицы
Концы густых ветвей.

Так пусть в кудрях зеленых
Живет весна звеня,
Чтоб жизнь была прекрасна
У вас, как у меня.

Любимую подругу
Когда-то в первый раз
Я встретил, я увидел
Под ветками у вас.

Здесь на меня внезапно
Ей вздумалось взглянуть.
Из глаз ее влетела
Любовь мне прямо в грудь.

Ну, как не знать! Я знаю,
Что, небо озаря,
В тот миг зажглась навеки
Любви моей заря.

Заря! Она пылала
Так ярко, горячо,
Что не видало небо
Такой зари еще.

И постепенно полдень
Пришел на смену ей,
Не столь он романтичен,
Но много горячей.

Когда ж любви закатом
Я буду озарен?

Заката ты не бойся,
Совсем не страшен он.

Придет он очень поздно —
Могилу осветить
И белый-белый саван
Лучом позолотить.

И темно-синей ночью
Любовь моя звездой
Вдруг вспыхнет над замшелой
Могильною плитой.

Надькарой, 1848

УВАЖАЙТЕ РЯДОВОГО!

Я офицер. Но, встретив рядового,
Который браво отдает мне честь,
Краснею я и думаю упорно:
Какая-то ошибка в этом есть.
Я первый должен честь отдать солдату, —
Ценней нас всех солдат во много раз,
Так, значит, уважайте рядового, —
Он, офицеры, выше вас!

С солдатами идем мы вместе в битву.
За что мы бьемся? Нам ли то не знать!
Один идет бороться за идею,
Другой — свое поместье защищать.
Но слава всех влечет. Мы все в восторге
От колдовства ее прекрасных глаз.
Так, значит, уважайте рядового, —
Он, офицеры, выше вас!

Что знают рядовые об идеях?
Мать-родина! Спросить бы у нее:
Зачем, как мачеха, сует она солдату
Скупой паек и ветхое тряпье.
Грош — плата за солдатские лишенья,
Беда прошла — другая началась.
Так, значит, уважайте рядового, —
Он, офицеры, выше вас!

Солдат не знает, что такое слава,
А если б знал, так в этом что за толк?
Ведь не хранят истории анналы
Имен солдатских. Славен только полк!
Да разве это записать возможно:
Чья кровь, когда и где, и почему лилась?
Так, значит, уважайте рядового, —
Он, офицеры, выше вас!

Поток забвенья смоем и могилы
Солдатские, не то что имена!
Бесплатно посох нищего калекам
Вручает благодарная страна.
И все ж навстречу ядрам, саблям, пулям
Спешит солдат, чтоб выполнить приказ.
Так, значит, уважайте рядового, —
Он, офицеры, выше вас!

Дебрецен, 1848

1848

О звезда сорок восьмого года!
Ты, рассветная звезда народов!
Ночь, гонима утренней зарею,
Убегает с небосвода,

А за нею,
Пламенея,
День встает, и хмур и бешен,
Чтоб румянец, с гневом смешан,
Озарил бы после ночи
Человеческие очи!

Смерть тиранам! Стидно быть нам в рабстве!
Время праведному гневу!
Не с молитвой, а с кровавой жертвой
Обратимся нынче к небу!
Мы лежали, —
Вы с ножами
К нам подкрались. Но напрасно!
Жизнь народа не погасла.
У народа крови много,
Вопль его дойдет до бога!

Море в удивлении великом:
Твердь земная, что с тобою?
Почему вздымаешься валами
Величайшего прибоя?
Бури ярость
Будто парус
Вихрем в клочья разорвало,
И, безумен, у штурвала
Кормчий, будто гибнет тут он,
Рваным пурпуром опутан.

Нынче мир — сплошное море битвы,
Все с оружием, все — солдаты!
Что топчу я? Порванные цепи!
Ха! Корона сломанная чья-то!
Эй, в огонь их!
Нет! Не тронь их!

Надо лишь на этой дряни
Начертать ее названье,
Чтобы знали наши дети,
Чем служили вещи эти.

Славный час! Свершилось по писанью:
Воедино стадо львы и овцы!
Бог у нас один теперь — свобода!
Иноверцам умереть придется.
Пали старые
Святыни.
На руинах и в пустыне
Новый храм воздвигнем ныне.
Свод его — небес громада!
Солнце в нем, а не лампада!

Дебрецен, 1848

ХОЛОДНО ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ...

Холодно осенней ночью,
Мой камин трещит пылая,
Но огонь меня не греет, —
Нет со мной тебя, моя родная.

Одинокий, зябну, зябну,
Жду дремоты приближенья,
Как домишко обветшалый
Ждет в тоске унылой разрушенья.

Даже думать я не в силах,
Дух озяб, не только тело.
Ты, весна моя, певунья,
Лето знойное, ты улетело.

Хоть бы небо стало ясным,
Хоть бы тучи разогнало,
Я бы задремал, быть может,
Головой к окну склонясь устало.

Если глаз твоих не вижу,
Если нет тебя со мною,
Я бы хоть полюбовался
На тебя похожею звездою.

Дебрецен, 1848

ЧТО ТУТ ЗА ШУМНОЕ ВЕСЕЛЬЕ?

Что тут за шумное веселье?
Пирушка, свадьба, новоселье?
Нет, по пути — сквозь дождь и тьму —
Примчались всадники в корчму.

— Корчмарша, гей! Без проволочки
Налей вина из старой бочки.
Что? Деньги? Будут! Кончим бой
И рассчитаемся с тобой.

Налей вина из старой бочки
Да не вели стесняться дочке.
Целуй, голубка! Кончим бой
И обвенчаемся с тобой.

Так пировали, чередуя
Вино и сладость поцелуя,
Те, чью судьбу решал рассвет, —
Как будто жить им сотню лет!

Где мы — на свадьбе иль на тризне?
Тут холод смерти с жаром жизни!
Любовь и смерть, вино и кровь,
Смерть и бессмертная любовь!

Дебрецен, 1848

ДА И ЧЕМУ БЫ РАДОВАЛСЯ Я . . .

Да и чему бы радовался я,
Коль не со мною милая моя!
Ведь если солнце скрылось — ночь темна!
И только память о тебе одной
В ночи судьбы моей взошла луной,
И бледный, скорбный свет дарит она.

Вокруг меня и тут и там — цветы.
Смотрю на них, а видишься мне ты,
На лепестках заискрилась роса,
И сердце разрывается мое,
Как будто вижу я лицо твое,
Твои слезами полные глаза!

Да, обо мне ты плачешь без конца!
Не сходят слезы с милого лица,
Которое ласкал я столько раз . . .
Где был огонь, теперь — потоки вод,
И на беззвездный, хмурый небосвод
Вуаль дождя накинута сейчас.

Рыдай, рыдай! О, если б ливень слез
Хоть каплю облегчения принес!
Хотя бы капля скорби унеслась!
Рыдай! Вот я мужчина, я стою

В предверье битв, и все ж я тоже лью —
Бывает это! — слезы лью из глаз!

А что же слез стыдиться буду я,
Когда огнем объята грудь моя?
Разлуки пламень не отбушевал!
Но выстою в бою и в этот раз —
Быть может, лев страшней всего в тот час,
Когда скорбит, что львицу потерял!

Дебрецен, 1848

ЛЮБЛЮ...

Люблю я, милая!
Как я люблю тебя!
Люблю твой тонкий стан,
Люблю твои глаза,
И голос твой люблю,
И волосы люблю,
И алость этих щек,
И мягкость этих рук.
Я пальцы этих рук
Беру с волнением
И наслаждаюсь их
Прикосновением.
Я вижу, как высок
Полет души твоей,
Я вижу, как широк
Простор твоих страстей.
Будь ты веселая,
Будь ты унылая, —
И смех я твой люблю,
И слезы, милая!

Твоя улыбка мне —
Луч среди полночи,
Твой гнев мне кажется
Затменьем солнечным.
Люблю я, милая!
Как я люблю тебя!
Люблю, люблю тебя
С великой силою.
Когда б не ты — весь мир
Вдруг для меня исчез,
Не стало бы земли,
Не стало бы небес!
И я тебя зову
Во сне и наяву.
Ты — это жизнь моя,
И лишь тобой живу!
Добуду для тебя
Любую славу я;
Захочешь — откажусь
Тебе во славу я
От славы от любой,
Чтоб только быть с тобой.
И жертвы нет такой,
Которую тебе
Не мог бы принести
Я, полон радости.
И каждой мелочи
Растет значение,
И превращаются
В мои мучения
Твои малейшие
Огорчения.
Люблю я, милая!
Так люблю тебя,
Как никогда, нигде,

Никто не мог любить!
Ведь это смерть почти!
Не может это быть,
Что можно так любить,
Что можно воплотить
Все, все в лице одном:
Быть мужем, быть отцом,
Любовником и сыном —
И все в лице едином.
И ты — в одном лице;
Сестра моя, жена
И дочь любимая.
Люблю душой тебя,
Люблю и сердцем я,
Любовью ясною,
Но и безумною!
И если за любовь
Награда быть должна,
Не мне ее иметь,
Получишь ты одна!
Тебя одну — хвалить,
Все, все тебе дарить
За то, что той любви
Сумела научить!

Дебрецен, 1848

ОСЕНЬ ВНОВЬ...

Осень вновь, опять чаруя,
Красит мне мое житье.
Не пойму, за что люблю я,
Но люблю, люблю ее.

Утоплю глаза в просторах;
С косогора средь травы
Сяду слушать тихий шорох
Опадающей листвы.

Солнце на землю с улыбкой
Смотрит, с кротостью светя,
Словно мать, качая зыбку,
На уснувшее дитя.

У земли на самом деле
Сонный, а не мертвый вид.
Нет, она в своей постели
Не кончается, а спит.

Снявши платье дорогое,
Положила на кровать,
Чтобы было под рукою,
Как придется надевать.

Спи, красавица природа,
Спи до первых дней весны.
Пусть тебе до их прихода
Снятся сладостные сны.

Кончиками пальцев трону
Лиру тихую свою.

Легкий звук скользнет к затону,
Призывая к забытью.

Сядь, дружок, со мной в прохладе.
До тех пор молчи, пока
Смолкнет звук над водной гладью,
Словно шопот ветерка.

Если целоваться станем,
Чуть коснись губами губ,
Чтоб не разбудить касаньем
Дремлющих древесных куп.

Эрдед, 1848

ГИБНЕТ САД...

Гибнет сад вблизи развалин замка,
Гибнет замок, громоздясь над садом...
Смутно-грустные воспоминанья
И туман осенний бродят рядом.

Помню все, что сердце получало,
Помню все, что родина теряла:
Этот замок — храбрецов могила,
Этот сад — моей любви начало.

Здесь, в саду, качал я на коленях
Милую голубку... А когда-то
Там, вверху, орлов шумела стая —
Там ютились Ракоци солдаты.

Сладость страсти... Славные герои!
Вновь пройду я этими местами.

Нынче здесь я, а наступит завтра —
Может быть, навек расстанусь с вами.

Сад! Пройдет ли по твоим аллеям
Кто-нибудь вот так же, с наслаждением?
Поглядит ли кто-нибудь, о замок,
На твои руины с уваженьем?

Эрдед, 1848

КОСОЛАПЫЙ ПАРЕНЬ

Плохо, плохо девкам стало!
Я страдал по ним, бывало,
А теперь за мной их — стая.
Вот так так, нога хромая!

Тех парней, что поудалей,
На войну от нас забрали.
Я просился, да куда там,
Где хромоту быть солдатом!

Помнишь, Ката, как когда-то
Умолял я: сжался, Ката!
Но смеялась ты, гордячка.
Ты смеялась — так поплачь-ка!

Кто смеялся — всем отвечу:
Не взгляну на них, как встречу,
А взгляну, так непременно
Я взгляну на них надменно.

Кто красивей всех, лишь с тою
Я пройду, коль удостою,

Но чтоб я назвался мужем,
Пусть попросит — мы не тужим.

И в хромом об эту пору —
Верно, девки? — нет зазору.
Хоть нога-то и хромая,
За меня пойдет любая.

Дебрецен, 1848

ЛУК МОЙ СЛАВНЫЙ...

Лук мой славный, дорогой,
Грянем в трон разок-другой!
Прямо в бархат бей, стрела,
Чтобы тучей пыль пошла!
Учиним с тобой расправу
Мы республике во славу!

А теперь, второй стрелой,
С короля венец долой!
Много чести — на осле
Ездить в бархатном седле!
Учиним с тобой расправу
Мы республике во славу!

А теперь я подыщу
Место красному плащу, —
Он назначен у меня
На попону для коня!
Учиним с тобой расправу
Мы республике во славу!

А теперь мы выбьем, лук,
Скипетр у него из рук!

Заступ я ему даю,
Чтоб могилу рыл свою.
Учиним с тобой расправу
Мы республике во славу!

А теперь мораль моя:
Дураки вы все, друзья!
Сколько лет прошу, молю:
Дайте в морду королю!
Учиним скорей расправу
Мы республике во славу!

Дебрецен, 1848

БОЕВАЯ ПЕСНЯ

Трубит трубач, бьют барабаны!
Вперед, друзья, на подвиг бранный,
Вперед, мадьяры!
Пуля поет, палаш сверкает,
Все нас на подвиг вдохновляет.
Вперед, мадьяры!

Пусть развевается над нами
Все шире, шире наше знамя.
Вперед, мадьяры!
Написано на нем «Свобода».
Пусть это видят все народы!
Вперед, мадьяры!

Мадьяр — так, значит, он бесстрашен,
Бесстрашен — значит, родич наш он!
Вперед, мадьяры!
Мадьяр и ты, небесный боже,

Замыслили одно и то же!
Вперед, мадьяры!

Травы побагровела зелень:
Увы, друзья, там друг застрелен!
Вперед, мадьяры!
Он умер, этот храбрый витязь!
Как смерч, сквозь смерть, живые, мчитесь!
Вперед, мадьяры!

Раскинув руки, наземь грянем,
Но отступить теперь не станем.
Вперед, мадьяры!
Кто уцелеет? Я не знаю!
Но не умрет страна родная.
Вперед, мадьяры!

Дебрецен, 1848

ВЕСЬ МИР СРАЖАЕТСЯ СЕЙЧАС...

Весь мир сражается сейчас.
В сраженьи мировое
Лишь я не вышел, — тот, кто пел
Всегда о жажде боя.

Нет, верен я своей мечте,
Она во мне — как пламя,
Но я остаюсь принужден,
Нет, не пойти мне с вами!

И вот вдвойне я слезы лью —
От срама и от боли,
Мне боль жестоко сердце жжет,
Но срам терзает боле.

Мое дитя! Мой милый сын!
Еще твоё рожденье
Я только жду, а ты уж мне
Приносишь посрамленье.

Когда ты вырастешь большой,
Деяньями своими
Сотрешь ли срам, который ты
На наше бросил имя?

И так как раньше я умру,
Чем вырастешь ты, милый,
Не ставьте имя вы мое
На камне у могилы.

Пусть только к нам придет весна!
Как лес, как луг, весною
И имя доброе мое
Покроется листвою.

Дебрецен, 1848

НА ВИСЕЛИЦУ КОРОЛЕЙ!

Нет больше Ламберга — кинжал покончил с ним.
Латура вздернули. Теперь черед другим.
Все это хорошо, прекрасно — спору нет!
Народ заговорил — и вот залог побед.
Но мало двух голов! Смелей, друзья, смелей!
На виселицу королей!

Косарь скосил траву — но завтра вновь она
В полях расстелется, свежа и зелена.
Садовник обрубил деревья — через год

Их ветви новые дают и цвет и плод.
Когда корчует лес — не оставляй корней.
На виселицу королей!

Когда же, наконец, о глупая земля,
Возненавидишь ты и свергнешь короля?
О, неужели я в народ мой не волью
Неисчерпаемую ненависть мою?
Клокочет, как прибой, она в груди моей.
На виселицу королей!

Природа яд взяла, чтоб кровь его создать,
Преступной подлостью его вскормила мать,
В позоре он зачат, и жизнь его — позор,
Чернеет воздух там, куда он кинет взор,
Гниет земля, как труп, вокруг его костей.
На виселицу королей!

Война свирепствует во всех концах страны,
Пылают города, деревни сожжены,
От воплей в воздухе немолчный гул стоит, —
Довольна жатвой смерть, один король не сыт —
Виновник столько бед, убийств и грабежей.
На виселицу королей!

Напрасно льешь ты кровь, о мой народ-герой!
Корону с головы, и голову долой!
Не то чудовище поднимется опять, —
Тогда придется все сначала начинать.
Покуда время есть, о жертвах пожалей.
На виселицу королей!

Всем — наша дружба, всем — прощенье и привет.
Одним лишь королям вовек прощенья нет.

И если некому повесить их — добро!
Я саблю отложу, оставлю я перо,
Сам стану палачом, — но только бы скорей!
На виселицу королей!

Дебрецен, 1848

КОНТ И ЕГО ТОВАРИЩИ

Венгрия моя родная,
Ты от горя чуть живая,
Вся в слезах, сочатся раны...
Что с тобой, мой край желанный?

«Тяжело мне, боже правый!
Сжав меня рукой кровавой,
Чудище сидит на троне,
Сеет зло и беззаконье.

Жигмонд, изверг человеческий,
Не дави мне так на плечи:
Подогнутся мои ноги,
И свалюсь я на пороге.

Для того ли я вручила
В черный час тебе кормило,
Чтоб меня ты, лютый дьявол,
Истерзал и обесславил!

Всё, куда я взор ни кину,
В злую ввергнуто пучину,
Всюду скорбь, нужда и смуты...
Будь ты проклят, дьявол лютый!

Сыновья мои, придите,
Мать-отчизну защитите!
Где ж вы, где, мои герои?
Почему вас нет со мною?»

Ой, напрасно, мать, вздыхаешь,
Сыновей зовешь, скликаешь:
Разбрелись они по свету,
Им путей обратных нету.

Лишь в лесной глуши Баконя
Иштван Конт, как зверь в загоне,
Притаился ночью длинной
С поредевшею дружиной.

Вот он, думою объятый,
Под сосной сидит мохнатой.
Все черней ночные тени,
Все сильнее в душе смятенье.

И когда созрела дума,
Он друзей созвал угрюмо,
Оглядел их и сурово
Молвил им такое слово:

«Все погубло, все пропало!
Нас осталось очень мало,
Нас осталось только тридцать,
Нам победы не добиться.

Родина, господь с тобою!
Мы повержены судьбою.
Нам одно осталось ныне:
Приготовиться к кончине.

В Буду! К Жигмонду с повинной!
Кончим, други, спор с судьбиной:
Палачу сдадимся в руки,
Но спасем детей от муки».

И, потупившись в печали,
Витязи ему внимали.
Будь, что будет! — В стремя ногу,
И отправились в дорогу.

Едут молча, стремя в стремя,
Ночь, идет к рассвету время.
Едут чащею дремучей
Тихо, молча, туча-тучей.

Наконец в рассветном блеске
Замок вырос королевский.
В замке сумрачном старинном
Конт предстал пред властелином.

Стал он с гордой головою:
«Вот мы здесь перед тобою.
Можешь нам грозить могилой.
Но детей, детей помилуй!»

И мятежники вздохнули,
Молча сабли отстегнули,
Молча с ними попрощались,
Будто с сердцем расставались,

В кучу жалкую сложили...
«Хорошо вы нам служили,
Полежите, горемыки,
Как рабы, у ног владыки.»

Образ кроткий и печальный
Родины многострадальной,
Что лежит, вздохнуть не смея,
Под пятою у злодея.

И король, довольства полный,
Оглядел отряд безмолвный,
Глаз прищурил и, помешкав,
Выдавил со злой усмешкой:

«Ну, бесстрашные герои,
Отшутились — вон из строя!
И поджали хвост, вояки,
Как побитые собаки.

Ах, скажите, уж не вы ли
Власти короля грозили?
Уж не ваши имена ли
В страх и дрожь его вгоняли?

Что ж, — добавил он надменно, —
Раз, как нищие, смиренно
Вы простерли руки к трону, —
Так и быть, я вас не трону!»

Тут у витязей во взорах
Ярость вспыхнула, как порох,
Обожгло сердца их пламя,
Мир качнулся пред глазами.

И усы свирепо дернув,
Конт обрушил, словно жернов,
Гневом налитое слово
На властителя лихого:

«Замолчи, во имя бога!
Чести война не трогай!
Сам ты был бы нищим, вором.
Если б не был живодером.

Нам, познавшим муки ада,
Милости твоей не надо!
Мы пришли, чтоб наши дети
Не были за нас в ответе...

Дети... Но такому зверю
И младенца я не вверю.
Кровь течет с твоей короны,
Провались ты в ад бездонный!

Если крови тебе мало,
Можешь нас казнить, пожалуй.
Только знай: к тебе, тирану,
Обращать мольбы не стану».

Речью разъярен такую,
Онемел король... Рукою
Вдруг махнул он в диком раже,
И вошел палач со стражей.

Все готово для расправы...
«Стой! — вскричал король кровавый, —
Тем, кто станет на колени,
Обещаю я прощенье».

Он тревожно оглянулся:
Ни один не шевельнулся,
И в ответ на обещанье —
Лишь презренье и молчанье.

«Жизнь постыла? Смерти ждете?
Приступай, палач, к работе!
Пусть зарюют в грязной яме
Спесь их вместе с головами!»

Вот уже лежат во прахе
Головы, скатившись с плахи,
За кровинкою кровинка
Капает на камни рынка.

И тридцатым тут по счету
Конт подходит к эшафоту.
Конт — последний луч свободы
В царстве тьмы и непогоды.

Он взошел и стал без страха,
И под ним качнулась плаха.
На врагов в священной злобе
Посмотрел он исподлобья;

Он на короля воззрился,
И король поник, склонился,
Пригвожденный гордым взором.
Словно божьим приговором.

Крикнуть бы, прервать молчанье,
Но язык прилип к гортани...
Грудь ногтями он терзает,
Губы бледные кусает.

Мастер смерти наготове...
Вдруг нагнулся Конт и крови
Зачерпнул рукой нежданно
И плеснул в лицо тирана.

И сквозь вой придворной знати
Разнеслось его проклятье:
«Ты, проливший крови реки,
Проклят, проклят будь навеки!»

Тут блеснул топор точеный,
И, как солнце с небосклона,
Конта голова скатилась...
Луч погас, и все затмилось.

Злой был Жигмонд, как собака, —
Королей других, однако,
Не страшней: ведь их различье
Только в кличках да в обличье.

Слушай, мир: ты болен с детства...
Лишь одно осталось средство:
Нож возьми и вырежь сразу
Самовластия проказу!

Дебрецен, 1848

НА РОЖДЕНИЕ МОЕГО СЫНА

Ну, дайте мне сынка! Я жарко, крепко
Хочу его к груди своей прижать.
Как будто выросла из сердца ветка,
Как будто сам я родился опять.

Приветствую тебя, побег мой нежный!
Младенец мой, как ты мне сладок весь!
И вот, в твой скорбный плач, в твой крик
мятежный
Счастливая моя ворвалась песнь.

О милый мой малыш, как сердце радо!
Я в личико твое гляжу любя.
Мне для крестин твоих попа не надо —
Слезами счастья окрещу тебя.

Как звездочет, я зорко наблюдаю
За драгоценной звездочкой моей.
Я по чертам лица твоим гадаю,
Что ждет тебя чрез много, много дней.

На дерево цветущих упований
Льет звездочка сиянье с высоты.
И лишь бы заморозок, иней ранний
Не погубил бы нежные цветы.

Ты, смерть, не торопись хватать рукою,
Не надо трогать сына моего.
Учти, он не останется со мною:
Для родины готовлю я его.

Когда, склонясь пред старостью смиренно,
Я не смогу уже стоять в строю,
Сын встанет в строй, придет отцу на смену
И, верю, превзойдет меня в бою.

И пусть промолвят у моей могилы:
«Он здесь лежит пред нами, не дыша,
Но сын его живет и полон силы,
И в сыне здравствует его душа».

Дебрецен, 1848

СТЫД ПОРАЖЕНИЙ, БЕГСТВ ПОЗОР...

Стыд поражений, бегств позор
Везде, куда ни кинешь взор!
Известья что ни день то хуже!
Как будто камень брошен в лужу
И грязь летит — так с поля битв
В твоё лицо позор летит.
О нация моя! Куда же
Ушла из дрогнувших сердец
Уверенность, что иго вражье
Ты можешь сбросить наконец!
Кто скажет, что боюсь я битв,
И в малодушьё обвинит?
Но из загадочного мрака
Неведомых грядущих дней
Летят и на меня, однако,
В обличии нетопырей
Сомненья, сердце мне тревожа.
В ушах звенит их подлый визг,
И холодею я до дрожи,
И ужас надо мной навис!

Страна венгерская моя,
Иль проклята твоя земля?
А если так, хотел бы знать я,
Чем заслужила ты проклятьё?
Зачем желанная свобода
Быть вечно странницей должна:
Придет — и сразу в миг прихода
Вновь изгоняется она!
Так — век за веком! Снять оковы
Стремимся снова мы и снова,
Но ведь ни разу не стряхнули, —
Лишь кровь текла из наших ран,

И наши сабли в ней тонули,
И нагло хохотал тиран!

О, для того ль мы вновь восстали,
Чтоб снова в землю нас втоптали?
Нет! Нынче надо нам, друзья,
Иль победить, иль умереть!
К оружию, нация моя!
Вперед! Победа или смерть!
Нельзя предпочитать бессмертью
Уродливую эту жизнь!
Чем лечь в болото — в гроб ложись!
Тот, кто готов к прекрасной смерти,
Тот победит и не умрет!
Итак, вперед!
Милльоны, вам пора подняться
И выйти из Египта рабства,
Как Моисея шел народ!
Нас Ханаан свободы ждет!
Бог и у нас есть! Знак подаст нам —
Восстанет огненным столпом!
Кровь вражья будет морем Красным,
Которое мы перейдем!

Дебрецен, 1848

В КОНЦЕ ГОДА

Старый год, итак уходишь?
Порожнем уходишь? Стой!
Под землею — мрак могильный,
Надо бы туда светильню, —
Песнь мою возьми с собой.

Вновь, испытанная лира,
Службу я тебе задам.
Ты со мной с поры ребячьей, —
Что же нам сказать впридачу
К прежде сказанным словам?

Если славилась ты звуком,
Оправдайся пред молвой.
Заслужи былое мненье
И торжественность мгновенья
Звука важностью удвой.

Ну, а вдруг последний вечер
Это на твоём веку?
Может быть, потрогав струны,
В угол я тебя засуну
И назад не извлеку?

Я в солдаты записался
И на поприще большом
Распрощусь с тобой покуда
И стихов писать не буду —
Или только палашом.

Ну, так разбушуйся, лира!
Выйди вся из берегов.
Пасть струна с струною сцепит
Смех и стон, и плач и лепет,
Спутай жизнь и смерти зов!

Будь как буря, пред которой
Дубы с корнем — кувырком,
Или расчеши полоску
Еле слышным, как расческа,
Бороздящим ветерком.

Будь как зеркало, и в лицах
Жизнь мою восстанови
С первым возрастом начальным
На глубоком дне зеркальном
И бездонностью любви.

Душу вывори, лира!
Вспомни солнца мотовство
И обеими руками
Сей слабеющее пламя
В час захода своего.

До последних замираний
Звуков сдерживай раскат, —
И в горах времён, пожалуй,
Твой аккорд, как гул обвала,
В будущности повторят.

Дебрецен, 1848

В НОВОГОДНИЙ ДЕНЬ 1849 ГОДА

...И вот в сорок девятый год
Вступает Венгрия, в борьбе изнемогая.
Зловещей тьмой закрытый небосвод
Не погасил звезды родного края.
Пускай моя изранена рука, —
Она сжимает рукоять клинка.
И каждый мой удар оставит след —
Кровавую печать на много лет.

Да будет этот след клеймом стыда.
И пусть, когда настанет час великий —
Последний час небесного суда, —

На лбу злодея будет он уликой.
Пусть, черные дела запечатлев,
Он на убийц обрушит божий гнев,
Чтоб не избегли справедливой кары
Те, чьей рукой задушены мадьяры!

Но мы суда господнего не ждем.
Когда еще он будет — неизвестно.
И столько раз мы слышали о том,
Что милостив и благ отец небесный,
Так бесконечна к нам его любовь,
Что он простит проливших вашу кровь.
И потому над бешеными псами
Последний суд вершить мы будем сами!

Мы сотворим такой последний суд,
Что дрогнет мир. Со страстью беспредельной
Мы будем осыпать их там и тут
Хворобою ужасною, смертельной,
Дабы остался лишь один из них
И рассказал, дрожа, в краях своих:
Не избежать последнего удара
Всем, кто не хочет уважать мадьяра.

Для нас теперь и Бога мало. Свят
И добродушен, этот Бог сегодня.
Тверд недостаточно. Кромешный ад,
Тебе молюсь я утром новогодним:
Весь гнев свой нынче в наши влей сердца
Затем, чтоб без пощады до конца
За эту землю мы могли сражаться
Чтоб ни один злодей не смел на ней топтаться.

Дебрецен, 1849

НЕМЕЦКИЙ ФЛАГ ОПЯТЬ НАД БУДОЙ ВЬЕТСЯ

Немецкий флаг опять над Будой вьется.
Как яростью душа не захлебнется!
Мы все краснеем, — то стыда румяна,
То горький стыд наш, но не кровь тирана!

Рука у нас в оковах, ну и что же?
Пусть закуют вторую руку тоже?
Пусть, миру на позор, для нашей муки
Опять польются старой песни звуки?

Свободы саблю тем и брать не стоит,
Кто ржавчину стыда с нее не смоем,
Кто, вновь унижен деспотом упрямым,
Ее клинок покроем новым срамом.

Смотри, мадьяр, — оружие стало лишним.
Не для сражений создан ты всевышним!
Скорей беги и где-нибудь в подвале
Прислушивайся, бледный, к звону стали.

Придет хозяин — кинься на колени
И кнут целуй в почтительном смиреньи!
Велят — умри, — и жди, чтобы могила
Тебя из списка наций исключила.

О, не страшна ли будущность такая?
Встань, мой народ, моя страна родная!
Спишь — так проснись, а если умерла ты,
Восстань из гроба требовать расплаты!

Клянусь, не трусость мощь твою сломила,
А злого рока пагубная сила.

Но если не отчаялась, то веруй, —
Ты счастье вновь получишь полной мерой.

Смелее в битву с кликою проклятой!
Ведь с нами бог, и наше дело свято!
Взмахнем освобожденными клинками!
Нет бога в небе, если он не с нами!

Вперед, мадьяр! Пусть гордо сердце бьется,
Тебе победа скоро улыбнется!
Пылай, лицо, не от стыда краснея,
Но лишь от крови короля злодея!

Дебрецен, 1849

ТИХА ЕВРОПА

Тиха Европа, вновь тиха, бои
Всех революций отгремели.
Презренье ей! Она затихла, и
Свободу взять народы не сумели.

И одного оставили, бежав,
Венгерца, — трусы, все ослабли,
На всех руках уж цепи дребезжат,
В руке венгерца только блещет сабля.

Так что же нам — впадать в отчаяния мрак?
Печалиться, что вышло так с другими?
О родина, пускай все это так, —
Уверенность как раз твой дух подымет!

Пускай подымет наш венгерский дух
То, что мы свет единственный для прочих:

Когда все спят — наш светоч не потух,
Горит во тьме непроходимой ночи.

Когда бы свет наш не светил с земли,
Здесь, в бесконечной ночи без просвета,—
На небе, там, подумать бы могли,
Что вымерла печальная планета.

Свобода! Ты взгляни, на нас взгляни,
Узнай, что твой народ выносит, —
Те слез пролить не смеют в эти дни,
А мы тебе всю в жертву кровь приносим.

Иль нужно еще больше, чтоб твое
Нам заслужить не зря благословенье?
Когда вокруг предательство встанет,
Мы лишь одни тебе верны в служенье!

Дебрецен, 1849

ГРЕМЕЛА КАНОНАДА...

Гремела канонада
Подряд четыре дня.
Меж Визакной и Дэвой
Красна была земля.

Был мир красивым, белым,
Когда мела пурга,
Но кровью обагрились
Глубокие снега.

В таком бою мы бились,
Какой за жизнь свою

Не видело и солнце, —
Четыре дня в бою!

Но бились что есть силы,
Как требовала честь.
Был этот бой неравным, —
Мы проиграли здесь.

И нас господь и счастье
Покинули совсем.
Один лишь вождь остался —
Лишь ты, наш славный Бем!

Величием душевным
Нас всех ты поражал,
О Бем, наш вождь отважный,
Наш храбрый генерал!

Чтобы тебя прославить,
Я слов не нахожу,
И лишь с немym восторгом
Я на тебя гляжу.

И если б человека
За бога я признал,
То, преклонив колени,
Перед тобой бы встал.

Горжусь я грозной славой,
Что я с тобой служу
И это поле битвы
С тобой я обхожу.

С тобой скакал я рядом
В отчаянных боях,

Где гибло все живое,
Где зрела смерть в полях.

Ты многими покинут,
Отважный старец мой,
Но я тебя не бросил,
Ведь я-то здесь, с тобой!

Пусть скажут, что с тобою
До смерти я шагал,
О Бем, мой вождь отважный,
Мой славный генерал!

Дебрецен, 1849

ГАЛСТУК

Хочешь без галстука ты за любимую родину биться?
Что за ужаснейший вздор ты затеваешь, осел!
Храбрость и патриотизм — все чепуха! А в солдате
Главное, чтоб у него галстук на шее висел!
Месарош Лазар, герой, мне военную мудрость
преподал.

Он-то уж наверняка знает, что — в галстуке суть
Всех героических свойств самых отважных героев,
Ибо все войско его было при галстуках в час
Храброго бегства с полей грозно проигранной битвы.
Все, кто без галстука, — прочь вы убирайтесь из
войск!
Месарош, слава тебе! И — да здравствует галстук на
шее!

Дебрецен, 1849

В БОЮ

Разгневана земля,
Разгневан небосвод —
Кровь льется по земле,
И солнце пламень льет.
Вечерняя заря
Вся в пурпуре встает.
Вперед, венгерцы, в бой!
Вперед, войска, вперед!

Закат глядит на нас
Из диких облаков.
И видится в дыму
Мерцание штыков.
Медлительная мгла
Клубится и ползет.
Вперед, венгерцы, в бой,
Вперед, войска, вперед.

Ружейная пальба
Гремит и там, и здесь,
Орудия ревут,
И мир трясется весь.
Не рухнут ли сейчас
Земля и небосвод?
Вперед, венгерцы, в бой,
Вперед, войска, вперед.

Отвагой боевой
Свирепо возбужден
И дымом опьянен,
И кровью опьянен,
Останусь ли в живых,

Иль смертный час мой бьет?
Вперед, венгерцы, в бой,
Вперед, войска, вперед!

Меддеи, 1849

Я ГОВОРЮ, ЧТО ПОБЕДИТ МАДЬЯР...

Я говорю, что победит мадьяр:
На зло земле и небу наш удар!

Лишь потому не шли к победе мы,
Что были розны души и умы.

Сейчас едины все, мадьяр, поверь!
Когда ж победа, если не теперь?

Все как один, чтоб жизнь в бою сложить,
И потому, народ, ты будешь жить.

И будешь жизнь всех краше и светлей,
На зависть всем живущим на земле.

Я смело встал среди войны огня
И знаю, пуля не пронзит меня.

Судьба меня от смерти сохранит
И знает: я не должен быть убит, —

Затем, что в день, когда враги умрут,
Я должен быть поднявшим песен труд,

Чтобы воспеть свободу до конца
И память о священных мертвецах,

Чьей кровью ты, отчизна, крещена, —
Рожденья песней прозвучит она!

До этого дожить я должен дня,
Чтоб нас могла свобода осенять,

Чтоб смыть годов проклятых, темных грязь,
От радости и плача и смеясь,

Чтоб звук разбитых навсегда цепей
Звучал молитвой родины моей.

Нет, должен я дожить до дня того, —
Мой меч и лира бились за него!

Марошвашархей, 1849

ВНОВЬ ЖАВОРОНОК НАДО МНОЙ...

Вновь жаворонок надо мной.
Чуть от него я не отвык.
Пой, вестник дней весенних, пой,
Ликуй, что так простор велик.

О господи, как этот звук
Мне после шума битвы мил!
Он кровь мне с обагрённых рук
Своею чистотою смыл.

Пой, милый, не жалея рулад.
Ты мне напомнил в их пылу,
Что я не только ведь солдат,
Но твой собрат по ремеслу.

Твой щебет оглашает синь
Во славу музыки и любви.
Во имя этих двух богинь
Безумствуй и в лазурь зови.

Воспоминанье и мечта,
Проснувшись, прерывают сон
И, как два розовых куста,
Цветут во мне под твой трезвон.

К возлюбленной лететь мечтой —
Наверно, счастья предел,
И этой счастья полнотой
Я всех бы наделить хотел.

Могу сказать, как на духу:
Создав ее, признался бог,
Что рай небес не наверху,
А здесь, внизу, у наших ног.

Пой, жаворонок. Ты — призыв,
Чтоб вышли из земли цветы.
Пой, вешний вестник, пробудив
Души дремавшие пласты.

Бетлен, 1849

ДЯДЯ ПЕТЕР

По двенадцать парней от селенья
Объявили нынче в ополченье.
Ни к чему аркан — по доброй воле
Под знамена стали вдвое боле.

«Пусть сидит калека да недужный,
Ну, а мы пойдем, раз это нужно,
Потому что не король проклятый —
Родина нас призвала в солдаты.

Мы идем на короля тирана,
Что, как зверь, терзал нас неустанно.
Пусть его постигнет божья кара
От руки восставшего мадьяра!

За страну, за счастье, за свободу
Мы готовы и в огонь и в воду!
Двадцать пять нас, но пойдут и сорок,
Все пойдут, кому народ наш дорог!»

Вот они собираются к отходу.
А народу собралось, народу!
Все — от стариков и до младенцев —
Провожали храбрых ополченцев.

Матери (но тут сказать не лишне,
Что такими создал их всевышний,
И винить их станет кто едва ли),
Матери всех больше горевали.

Плакали, как тучи дождевые,
Оттого, что сыновья родные

На войну уходят, прямо в сечу,
Смерти неминуемой навстречу!

Стон стоял кругом и причитанье,
Словно хоронили их заране.
И промок до нитки фартук рваный
У старушки доброй, тети Панны.

Сыновей у тети Панны трое,
Как один — красавцы и герои.
Все пошли, как будто им привычно...
Как же ей не плакать, горемычной?!

И, склонившись к ней, убитой горем,
Дядя Петер проворчал с укором:
«Хватит, мать, поплакала — довольно.
Мне, отцу, ты думаешь, не больно?»

Или дети — мне уже не дети?
Но к чему мне нынче слезы эти?
Я доволен, что родному краю
Трех сынов на битву снаряжаю.

Сыновья, зовет вас дело чести!
Свидимся — порадуемся вместе.
Если же погибнуть суждено вам,
Поминать вас буду добрым словом.

Я скажу вам: это честь большая
Умереть, свободу добывая.
Испокон веков судьба героя —
Голову сложить на поле боя.

Так на смерть идите без сомнений!
Мой завет вам и благословенье:

Бейтесь так, как нас учили деды,
И не возвращайтесь без победы!»

Разобрав оружие, кружки, ранцы,
В строй походный стали новобранцы
И пошли, простившись, в путь тяжелый,
Как на праздник, как на пир веселый.

Дядя Петер, что ж ты, человече!
Сгорбился, подрагивают плечи,
Смотрит вслед, качает головою,
И слеза струится за слезою!

Значит, всё? Конец словам всем, значит?
Ведь шумел, божился, что не плачет!
Одобрял и приводил резоны —
Да и стал вдруг мокрою вороной.

Все смеялись: это, мол, не диво,
Что болтал он: старость-то болтлива...
Но старик насупился сурово
И в ответ соседям хоть бы слово.

Брел обратно и, досады полон,
Сам с собою речь такую вел он:
«Все ушли, а мне остаться надо...
Старость — не великая отрада.

И война, конечно, не забава.
Но не быть на ярмарке кровавой,
Дома ждать готового товару
И бесплатно — стыдно мне, мадьяру!

Мой народ теперь других не хуже,
Уж не цепи носит он — оружие!

Все ж мне лучше в землю провалиться,
Чем чужой работою гордиться.

Старичок я жалкий и убогий!
Я б себе отрезал руки-ноги.
Если б мог их заменить другими
И пойти с сыночками моими!»

Салонта, 1849

ЭРДЕЙСКАЯ АРМИЯ

Мы ли дрогнем? Старый Бем ведет нас,
Вольности испытанный солдат.
Мстительным багрянцем нам сияет
Остроленки гибельный закат.

Вот идет он, вождь наш седовласый,
В наступленье первый, как всегда.
Точно символ мира в день победы,
Белым флагом вьется борода.

Вот идет он, вождь наш седовласый,
В ногу с ним — наш юношеский строй.
Так, бушуя, волны океана
Спорят в беге с бурей седой.

В нас две нации соединились,
И какие две! Мадьяр, поляк!
Кто их превозможет, если оба
К общей цели свой направят шаг!

Цель у нас одна: разбить оковы.
Родина, мы скоро сбросим их!

Мы клянемся в том священной кровью
Незаживших старых ран твоих.

Слышишь, коронованный разбойник?
Шли своих наемников на нас!
Мостом в ад тебе их трупы будут,
Близок, близок твой последний час!

Мы ли дрогнем? Старый Бем ведет нас,
Вольности испытанный солдат.
Мстительным багрянцем нам сияет
Остроленки гибельный закат.

Банфихуняд, 1849

КТО Б МОГ ПОДУМАТЬ...

Кто б мог подумать, мог сказать,
Что битва здесь была,
Что несколько недель назад
Здесь кровь рекой текла?

Вот здесь сраженье началось,
Здесь враг нас окружил,
Смерть впереди, смерть позади...
День этот страшен был!

Тогда померкли небеса
От тягостных невзгод, —
Теперь, как детские глаза,
Лазурен небосвод.

Тогда старухою седой
Была в снегах земля, —

А нынче, как мечта юнца,
Тут зелены поля.

Здесь пели пули нам свою
Убийственную песнь, —
А нынче жаворонка трель
Звучит над нами здесь.

Здесь были груды мертвецов,
Повсюду стыла кровь, —
Сейчас, где были мертвецы,
Горят венцы цветов.

Кто б мог подумать, мог сказать,
Что битва здесь была,
Что несколько недель назад
Здесь кровь рекой текла?!

Сасшебеш, 1849

В ВАЙДАХУНЯДЕ

1

Привет тебе, седой старинный замок!
Прими меня, свидетель славных лет!
К твоим стенам, где жил герой когда-то,
Пришел с поклоном радостным поэт.

Когда-то здесь жил Хуняди великий!
Вот почему и кровь во мне горит,
Уста дрожат, сказать не в силах слово,
И только сердце, сердце говорит.

Ведь, может быть, с вершины этой башни,
Откуда я в прошедшее смотрю, —
О родине несчастной размышляя,
Увидел он грядущего зарю.

И здесь сидел он, отдыхал усталый,
Уже тогда, когда бои прошли,
Которые над башнями Стамбула
Надменный полумесяц потрясли.

Какое место для уединенья!
На дне долины сонный полумрак,
И замок спит, и ветер не колеблет
На шпиле башни потускневший флаг.

Здесь притаился он, почти незримый,
Как будто одиночеству он рад.
Лишь вдалеке блестит белоголовый
Прапращур гор зубчатый Ретезат.

2

Воскликнул замок в радостном волненье:
«Не ты ли это, Хуняди родной?!
Как много лет я без тебя томился,
Но ты вернулся, ты опять со мной!

Я верил, что тебя увижу снова,
И с этой верой, время поборов,
Не рухнул я под ношей непосильной
Тоски и горя четырех веков.

И ты пришел... Привет тебе, хозяин
И славный гость, кого я долго ждал!

Одно мне больно, что не плачут камни,
А то бы я от счастья зарыдал».

И гость сказал: «Мне жаль тебя, но должен
Я омрачить твое веселье тем,
Что я не тот, кого ты ждешь издревле:
Меня зовут не Хуняди, а Бем.»

Ответил замок: «Мне не все равно ли,
Какое имя носишь ты теперь!
Все имена теряются в столетьях,
Лишь дух не знает смерти и потерь.

Нет, не по имени, а по деяньям,
По духу вечному тебя я узнаю.
Ты тот, кем был назад четыре века:
Ты спас отчизну милую мою!»

Вайдахуняд, 1849

СЕКЕИ

Не говорю вам: секеи, вперед!
Ведь вы и так сражаетесь как львы.
Туда, где гуще дыма пелена,
Где громче бой, отважно рветесь вы.
Иль стала кровь у секея не та?
О нет, как жемчуг, эта кровь чиста!

Навстречу смерти вы идете так,
Как на веселый пир идет другой.
На шляпу прикрепляете цветы
И с пеньем устремляетесь вы в бой.

Иль стала кровь у секея не та?
О нет, как жемчуг, эта кровь чиста!

Кто сердцем тверд, как секеи, в бою?
Кто против них сумеет устоять?
Летит, как ветер, секей по степи,
Как ветер — пыль, врага он гонит вспять.
Иль стала кровь у секея не та?
О нет, как жемчуг, эта кровь чиста!

Караншебеш, 1849

ОДНОМУ ГРУБОМУ ГЕНЕРАЛУ

Себя я не считаю, генерал,
Гигантом, но не столь я невелик,
Чтобы такие карлики, как вы,
Не сняли шляпу, говоря со мной.
Вы, генерал, сказали грубость мне,
Такую дерзость, что я покраснел,
Но покраснел отнюдь не за себя —
За армию венгерскую, что в ней
Бывают генералы вроде вас!
Врагов у нас в достатке, генерал,
К ним обращайтесь дерзостную речь.
А патриотов нужно уважать!
Не то на ум придет, пожалуй, нам,
Что патриотов хочется вам гнать
Из армии! И если это так —
То обвиненья тяжелее нет!
Вы грубость изливаете на мне.
Вы не бойтесь ли, что наколю
Я вас на кончик моего пера?
А это очень острое перо —
Острее совести, острее копья!

Кто им уколот — ощущает боль
Даже тогда, когда могильный червь
Его останки гложет под землей.
Я ваше имя бы ославить мог.
Но то, чего не сделал ваш клинок,
Пером своим я сделать не хочу —
Бессмертия я вам не подарю!
Лишь об одном предупредить могу:
Коль будем мы несчастье иметь
И снова повстречаться где-нибудь, —
Повежливей прошу вас толковать
И вообще не забывать прошу
О том, что я хоть и не так велик,
Но все же и не так я невелик,
Чтобы такие карлики, как вы,
Не сняли шляпу, говоря со мной!

Дебрецен, 1849

НА СМЕРТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Вот и состоялось,
Наконец, свиданье.
Нету в нем отрады,
А одно страданье.
Не отца родного, гроб его я видел,
Крышку гроба видел помутненным взглядом, —
Видел — опускали мать мою родную,
Мать к отцу в могилу, чтоб лежали рядом.

Нет вас, нет, родные,
И не будет вечно.
Как бы вас я обнял

В горести сердечной,
След ваш на дороге целовал бы плача,
Потому что вскормлен был я вашей кровью,
Потому что был я, как земля лучами,
Обогрет священной вашей любовью.

Почему, родные,
От меня ушли вы?
Знаю, сон могильный —
Сон для вас счастливый.
Но блаженство ваше — для меня проклятье,
Мука, от которой сердце разорвется.
Если от любивших так я настрадался,
Что ж от нелюбивших ждать мне остается?

Навсегда, навеки
Разлучен я с вами.
Оболью могилу
Горькими слезами.
Вы теките, слезы, ручейком горячим,
Омочите, слезы, мертвые их щеки,
Расскажите, слезы, им о горе сына,
Как он над могилой плачет, одинокий.

Нет, уйду отсюда,
Чтоб моей печали,
Слез моих горячих
Вы не увидали.
Если бы, о боже, вы могли проведать,
Как меня жестоко горе надломило,
Вы бы потеряли и покой, и счастье
Даже в жизни вечной, даже за могилой.

С богом! До свиданья!
Обниму, бессильный,

Обниму еще раз
Этот крест могильный, —
Крест, который руки распростер широко,
Словно все на свете разом обнимая,
Словно вы, родные, поднялись из гроба,
В милые объятия сына принимая.

Песня, 1849

ЯВИЛАСЬ СМЕРТЬ...

Явилась смерть, чтоб нас смести бесследно
С лица земли. Повальный этот мор
Из сатанинской гнилостной утробы
Злодей корольдохнул на нас в упор.
Смертельный вихрь летит со страшной силой,
Как будто в день последнего суда.
И гнемся мы, как лес во время бури,
Но — живы! Не сломить нас никогда!

Венгерец жив! Стоит еще отчизна.
Заговорили сабель голоса,
И отзвук их летит по всей Европе, —
Венгерец, сотворил ты чудеса!
Кто прежде знал, что где-то на Дунае
Живешь ты, унижаясь и скорбя.
А вот теперь первейшие из наций
Взирают с изумленьем на тебя!

Кто из венгерцев не считал проклятьем
Того, что был венгерцем он рожден?
Кто из венгерцев нынче не гордится,
Что божьей милостью венгерец он!
Венца из самых драгоценных лавров,

О Венгрия, заслуживаешь ты,
Где я найду, священная отчизна,
Твоей главы достойные цветы!

Однако не закончена работа,
Которую должна ты завершить —
Наполовину лишь разрублен узел,
Который ты решила рубить,
И в день, когда его ты перерубишь,
Страна моя, окрепшею рукой,
Уже не мне венчать тебя придется, —
Венчать тебя придет весь род людской.

Вперед же, нация! Остановится
Ты разве можешь здесь, на полпути!
Да, тяжек путь! Но ты идешь к вершинам.
Легко бывает только вниз идти.
Вперед, вперед, венгерский знаменосец,
Пойдет Европа следом за тобой!
Страна моя, ты нынче вождь народов!
О, вдохновись великою судьбой!

Пешт, 1849

ГУСАР

Ах, я, бедный парень,
Для нужды родился!
Сердца — и того нет:
Отдал, как влюбился.

Жизнь? И жизнь отдам я:
Весь остаток жизни
Принесу я в жертву
Дорогой отчизне.

Что же мне осталось?
Честь! Ее, святую,
Я возьму с собою
В яму гробовую.

Салонга, 1849

ГОНВЕД

За божьим именем идет гонведа имя!
О как мне не желать
Иметь такую честь, носить такое имя —
В ряды гонведов стать!
Страну родимую я сердцем и душою
Оберегать готов.
И поддержать ее, и за нее бороться,
И поражать врагов!

Разбили многих мы, но, может быть, и снова
Враги на нас идут.
Так пусть являются, пусть ломаются все сразу —
Всех наши сабли ждут!
Идите же скорей, вы, палачи свободы,
Война так уж война!
За злодеяния суровую расплату
Получите сполна.

Мою отчизну вы опустошали жадно,
Убийцы и жулье,
И три столетия вы тягостным проклятьем
Ложились на нее.
Она же что ни год — щедрей и плодородней.
И это оттого,
Что льется ваша кровь по ней, как прежде — слезы
Народа моего!

Знакомцы старые! Идете? Иль бежите
От сабель и штыков?
Мы гоним вас, как ветер гонит с неба
Обрывки облаков.
На сабли посадить сердца дурные ваши
Нам хочется давно!
В могиле не забыть вам будет это имя —
Гонвед звучит оно!

Когда я говорю о том, что стал гонведом, —
Чего уж там скрывать, —
Горит в моих глазах заслуженная гордость.
И как ей не пылать!
Ведь я один из тех — из сыновей народа,
Народа, что восстал!
Ведь с короля сшибить корону золотую
Я тоже помогал!

Эй ты, король! Куда войска твои девались
И где твой блеск былой?
Гонведы-бедняки, — ой, как они жестоко
Расправились с тобой!
Да, это я, гонвед, оборванный и босый,
Отправился в поход, —
Но это я, Гонвед, сильнее и отважней
Сиятельных господ!

И я в большой чести теперь у всех на свете
И даже заслужил
Признание у тех, кого громил нещадно,
Кого стрелял, рубил!
А если даже враг сегодня признается,
Что я его честней,
То можно ли теперь мне не в чести остаться
На родине своей!

На том я и стою! И, не расставшись с честью,
Погибну я в бою,
А если буду жив, так донесу до дома
Я эту честь свою.
Вот будет хорошо, когда домой вернусь я
К семейству своему, —
В порыве радости в горячие объятия
Всех близких я приму!

Да! Это будет день! Но все же, я не знаю,
Чего бы я хотел —
Вернуться ли домой, иль тут навек остаться
Меж бездыханных тел!
Свидетельствуют лица у погибших
В отчаянном бою,
Что нет счастливей доли, чем погибнуть
За родину свою!

Пешт, 1849

УЖАСНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА!

Ужаснейшие времена!
Кошмарами полна страна...
Быть может, был
Приказ небес,
Чтоб все это случилось,
Чтоб отовсюду кровь лилась?
О, так и есть! Ведь против нас
Полмира ополчилось!

Лицом к лицу стоим с войной.
Но разве горе в ней в одной?
Война — войной,

А за спиной
Ужасный призрак мора!
Сплеча господь отчизну бьет,
Двумя руками гибель жнет —
Всё на ее просторах!

Погибнем все? А может стать,
Кто выживет, чтоб написать
Рассказ
Про самый черный час
На белом свете?
Вот только бы хватило слов,
Чтоб был рассказ его толков
Про злодеянья эти!

А если хватит слов, так все ж
Ему ответят: «Это ложь!
Ведь это бред,
Чтоб столько бед
Наваливалось разом!»
И, выслушав рассказ такой,
Подумают, махнув рукой,
Что помутился разум!

Мезеберень, 1849

ПОЭМЫ

СЕЛЬСКИЙ МОЛОТ

(Героический эпос в 4-х песнях)

Песнь первая

Меня ужасно любят боги,
С отчаянною силой любят,
Поэтому и сотворили
Они красавца Фейенадя,
Чтоб я
Своей могучей глоткой
На зависть всем заправским певчим
Достойным образом поведал
О потрясающих событиях,
Воспел геройские сраженья!
И вот
Встает он перед вами,
Герой, дарованный мне свыше
По милости властей небесных,
Герой, достойный восхваленья, —
Муж ражий, широколадонный,
Кузнец венгерский, деревенский,
Тот Фейенадь Большеголовый,
Которого односельчане
Именовали «Сельский молот».
Придумало название это
Великое воображение
Народа — лучшего поэта.
Итак,
Кто смел, кто духом крепок,
Не бойтесь боевого шума,
Прислушайтесь к повествованью
А вы,

Чьи слабые сердечки
Готовы даже при рассказе
Не столь ужасном и кровавом
Туда в испуге закатиться,
Откуда вырастают ноги, —
Вы
Повесть слушать не рискуйте!

* * *

«Аминь», — сказал благоговейно
Слуга небес — священник сельский,
И вслед за этим свод церковный
И все четыре стенки храма
По древнему обыкновенью
Прощальный возглас повторили.
Аминь! Конец богослуженью.
Благонамеренные люди,
Вечернюю прослушав мессу,
Уже убрались восвояси,
Чтоб дома или же в трактире
Вино посасывать спокойно
И славить бога втихомолку...

И храм был заперт.
Воцарилась
В нем тишина, которой даже
На берегах болотца нету,
Когда уже заснули цапли
И дремлют чибисы и жабы.
Вот тишина пришла какая
Под своды храма. Только двое
Голодных пауков церковных
Дрались не на живот, а на смерть
За ножку мухи, разжиревшей
От долгого употребления

Сладчайших косточек от сливы,
Но — злобен рок! — вдруг уронили
Два великана мышью ножку,
Добычу подхватила мышка,
И за алтарь она умчалась,
В священничьей укрылась рясе
И принялась там мышью ножку
Уписывать столь аппетитно,
Что чуть не выкатились злые
От зависти
Паучьи очи.

Но что это за звук ужасный
Нарушил вдруг безмолвье храма?
Быть может, то раскаты грома
Покой могильный взволновали?
А может быть, кипит похлебка?
Нет! Человек храпит! Но вот он
Очнулся и зевнул лениво,
Протер глаза и оглянулся,
Как будто заподозрив что-то
Умом язычески невинным.

Он встал.
Взялся за ручку двери,
Потряс ее. Но — все напрасно!
И оценил умом он трезвым
Действительное положенье
Вещей!

Промолвил он: «Закрыли!»
И снова повторил: «Закрыли!»
И вот, как подобает мужу,
Он пригласил к себе на помощь
Тебя, о самообладанье.

«Не покидай меня!» — он молвил,
И ты его не покидаешь,
И под крылом твоим могучим
Вдруг план спасенья зародился
В его башке отнюдь не глупой,
Покуда в позе размышленья
Усаживал он длинный нос свой
На указательного пальца
Вершину...

Как освободиться?
Кричать? Напрасно. Не услышат.
Как пуля из ружья не может
Лететь в пространстве вдвое дальше,
Чем полагается лететь ей,
Вот так и голос человека,
Сколь человек тот ни орал бы,
Не в состоянии домчаться
До слуха жителей селенья,
Коли находится селенье
Так далеко в долине горной,
Что полчаса идти дотуда!

«Не выпрыгнуть ли из окошка?
Ведь мальчуганом часто прыгал
С ветвей черешни прямо наземь,
Коль запах сторожа я чуял!
Но столь давно все это было!
Ведь нынче я уж доживаю
До времени уборки с поля
Картофельного урожая
Сорокового в этой жизни!
И сей сорокалетний возраст
Утяжеляет оболочку
Моей души,
И если прыгну —

Сверну, наверное, я шею!»
Так он варил похлебку мыслей
В кастрюле головы, сей мудрый
И зрелый муж, уже доживший
До времени уборки с поля
Сорокового урожая
Картофеля и кукурузы.
И порешил он, размышляя:
«Я должен выдумать иное,
Иль здесь заночевать придется!
А это — радость не большая!»
И он уставился понуро
В окошечко, совсем как аист
Глядит на дно пруда, упорно
Себе подстерегая жертву —
Лягушечку для угощенья
Птенцов, застывших в ожиданье
В гнезде на отдаленной крыше.

«Ага!» — воскликнул, наконец, он.
Стал ясен лик его серьезный,
Так проясняется природа,
Когда небесное светило
Сорвет с себя усиьем мощным
Туч парусиновые путы.
Так проясняется ночами
Безмолвный мрак господской кухни,
Когда в припадке жутких колик,
Вечерним вызванных обжорством,
Вдруг задрожит хозяйский мопсик
И госпожа кричит служанке:
«О Панни! Встань же поскорее!
Топи плиту! Согрей кирпичик
Живей!» И вот, восстав с постели,
Выходит Панни, спотыкаясь,

На кухню... Высекает искру,
Со вздохом зажигает свечку,
А свечкою — пучок соломы,
А той соломою — подтопку,
Чтоб накалить в печи кирпичик
И положить его на брюхо
Страдающему от обжорства
Прелестнейшему в мире мопсу.

Вот так, я говорю, как ночью
Уходит тьма из барской кухни,
Вот так и тучи размышленья
Уплыли с сумрачной вершины,
С круч носа нашего героя,
Когда «ага» сказал он бодро.

О любопытный мир! Я знаю,
Тебе не терпится, конечно,
Узнать: что наш герой придумал?
Эй, любопытный мир! Вниманье!
Пускай моя бряцает лира
Тебе о том, что он придумал.
И если до сих пор с тревогой
Следил ты за судьбой героя
И, может быть, свои ланиты
Слезами скорби омочил ты, —
Теперь очей твоих ресницы
Пусть озарятся жемчугами
Слез радости и умиленья,
Пусть слезы те засеребрятся
Подобьем пуговиц изящных
На модном черном доломане,
Ввиду того, что преотличный,
Премудрый план освобожденья
Созрел у нашего героя.

«Удастся это мне! Удастся!» —
Воскликнул грозно узник храма. —
Я подымусь на колокольню! —
Он произнес победоносно. —
Через оконце колокольни
Спущусь я с этой колокольни
Вниз по веревке колокольной!
... А если колокол вдруг грянет?
Нет! Мы уж так распорядимся,
Что он греметь отнюдь не станет!
Для этого веревки хватит —
Чтоб язычок связать болтливый!»

И вот пока осуществится
Премудрый замысел героя,
Свидетельствующий блестяще
О ясности его сознания —
Мы с вами отдохнем немного,
А позже, если вам угодно,
Мы на другое поле боя
Переместимся.

Песнь вторая

На живописнейшем пригорке,
Откуда можно ясно видеть
Всю пыль и грязь деревни этой
(Конечно, если позволяет
Пейзаж сей рассмотреть погода), —
Как я сказал — на этом самом
Холме,
Средь зарослей крапивы
И прочих редкостных растений,
Стоит прекраснейшая в мире

Корчма, что милостию божьей,
А также хлопотами мужа,
Которого уж нет в помине,
Досталась в полное владенье
Той самой даме, что зовется
Невинно-чистой Эржок.

Лира!
Дар неба божьего! На помощь
Приди ко мне, чтоб мог воспеть я
Красу невинно-чистой Эржок!

На чудном, дивном, лунно круглом
Лице невинно-чистой Эржок,
На лике этом, на котором
Лишь пятьдесят четыре года
Отражены ; на тех ланитах
Горит зари
Румянец вечный.
Прекрасна Эржок! Правда, надо
Упомянуть о негодях,
Бесстыдно лгущих,
Что на лице прекрасной Эржок
Не целомудрие сияет,
Но горячительных напитков
Пылает отблеск сизо-красный,
Закату осени подобный.
Но это все лишь злые сплетни,
Хотя бы потому, что Эржок
Не пьет вина... А льет она
Его кувшинами в утробу!

О злоба!

О клевета! Она зловредна,
И для нее не существует
На свете ничего святого!

Ведь даже воду, чья прозрачность
Чиста и девственно невинна,
Марает клевета, как тина ;
На снег она бросает копоть
И . . .

Но куда меня умчала
Быстроколесная тележка
Великого воодушевленья!
Итак, назад вези, тележка,
Меня к невинно-чистой Эржок,
На чьих ланитах отразились
Лишь пятьдесят четыре года.

Она была прекрасна, словно
Венок из маков;
Она была великолепна,
Как лунный луч, горящий ночью
На серебристой алебарде
В руках объездчика лесного!
Вот потому и посещался
Дом нежной Эржок столь усердно,
Что никому и не хотелось
Заглядывать в корчму иную.
Хотя в селе, сказать по правде,
Другой корчмы и не имелось.
А что творилось в воскресенье!
Такое было здесь веселье,
Что даже и никто не мыслил
Об окончанье удовольствий
До той поры, пока помощник
Судьи своим авторитетом
И с помощью ударов палки
Не умерял огонь сердечный
И не стучала по сознанию

Та истина, что восвояси
Пора гулякам убираться!

И в этот раз
Все шло как должно
В корчме невинно-чистой Эржок.
Вслед за концом богослуженья
Корчма наполнилась народом,
Как выгон, где пасется стадо,
Бывает полон в полдень знойный
Красноречивыми скворцами.
Среди других
Здесь появился
Мягкосердечный сельский певчий,
Чьим горлом овладела сухость,
Но в сердце было море скорби!
Любовного томленья волны
В груди вздымались.
Жрал человека пламень страсти
К невинной Эржок,
Как ржавчина пожрать стремится
Нам набалдашники на палках,
На тех, которыми мы машем
Во время выборов, а также
Грозим друг другу... Кто посмел бы
Дивиться, что почтенный певчий,
Глядящий в чару
Оком правым,
Глядел упорно
Оком левым
На лик румяный
Своей невинно-чистой Эржок!

Здесь не отсутствовал сегодня
Друг мира господин Шевровый —

Венчанный лаврами художник
По части ловкой изготовки
Мужских сапог и женских туфель, —
Муж крепкого телосложения
И ростиком почти что равный
Своим же собственным усищам.
А рядом с ним, вино вкушая,
Сладчайший Благовест расселся —
Сын церкви, духом изворотлив.
И вскоре господин Шевровый
К нему с вопросом обратился:
«А-а... сударь Благовест. Куда же,
Скажите мне, запропастился
Сам кум коваль Большеголовый?»
И молвил Благовест:

«А там он...»

Он — там, где есть. Не здесь он, то есть,
И здесь он вряд ли нынче будет!»
И, вымолвив не без ехидства
Сию таинственную фразу,
Чертовски тонкою усмешкой
Чуть опушил он уст границы,
Меж тем как господин Шевровый
Сидел, свой тараща очи,
Как их всегда таращат люди,
Не понимая сути дела.

В венце гостей прекрасной Эржок
Еще цветов немало было.

Дверь вдруг разверзлась так широко,
Как певчего уста в то время,
Когда поет он, заглушая
Глас многотрубного органа.
И кто ж он был,

Дверь распахнувший?
Кто?
Пусть же ведают потомки,
Что это был не кто иной, как
Преславный витязь Палко Чепю —
Веселый конюх Палко Чепю,
Водитель двух гнедых поповских;
А вслед за ним ввалилось трио
Пиликателей-музыкантов
В лице кривого цимбалиста
И скрипача косоного, следом
За коими брел, спотыкаясь,
Хромой мучитель контрабаса.

Все три артиста эти были
Остатками геройской рати
В сраженье славном у Надьиды,
Венцом кровавым увенчавшей
Курчавый, черный, жесткий волос
Голов не русых... скажем проще —
То были дети фараона,
Иначе говоря — цыгане.
Вышеуказанное трио
Великолепных музыкантов
В лице кривого цимбалиста
И скрипача косоного, следом
За коими брел, спотыкаясь,
Хромой мучитель контрабаса,
Без промедленья отыскало
Себе удобное местечко
И вмиг вскарабкалось на печку,
В то время как веселый конюх,
Отважный витязь Палко Чепю,
Водитель двух гнедых поповских,

Свою способность к красноречью
Продемонстрировал, воскликнув:
«Вина!»

Невинно-чистой Эржок
Не требовалось размышлений,
Чтобы проникнуться высоким
И мудрым смыслом данной речи,
И, слово превращая в дело,
К бочонку Эржок подлетела.

И вслед за тем как Палко Чепю
Кувшин с вином рукой приблизил
К отверстию пониже носа
И влил в ту дырку пенной влаги
Примерно столько, сколько надо
Влить влаги сусликам в жилище,
Чтоб пять иль шесть зверюшек всплыли,
Застигнутые наводнением, —
Итак, хлебнув примерно столько,
Вдруг поднял конюх очи к небу,
Верней сказать — к вершине печки,
И на эфира колесницу
Взвалил такие словеса он,
Чтоб их катила колесница
До барабанных перепонок
Троих пиликателей честных:

«А ну берись за дело, Пети!
Наяривай, чтоб черти взяли
Твоих и предков и потомков!»
Был Пети не из тех, чтоб мешкать,
И остальные члены трио
Тотчас взялись за инструменты...

О, что это за звуки были!
Та музыка, как будто в сказке,
Перенесла меня в былое —
В прекраснейшее время жизни —
О боже! — в детство золотое.
Мне вспомнилось, как я и братец
Играли с маленькой собачкой.
Братишка отнимал собачку,
А я не отпускал собачку,
И мы, поспорив за собачку,
Друг другу в волосы вцепились,
И в этот миг отец явился,
И что же сделал?
Сделал вот что:
Нас, драчунов, сам драть он начал,
И выронили мы собачку,
И я ей наступил на хвостик,
Она визжала, плакал братец,
И я ревел...
Златое детство!
Вот что напомнили мне трели
Великолепных музыкантов.

И с этой музыкою вместе
В корчме невинно-чистой Эржок
Пошло великое веселье:
Сначала дал сигнал к чардашу,
Пощелкивая каблуками,
Веселый конюх Палко Чепю,
Водитель двух гнедых поповских ;
Его примером соблазнившись,
Вскочили остальные парни
И пригласили деликатно
Каких-то дев, весьма вертлявых,
Тех, что сперва через окошки

Смотрели жадными глазами
На общество, но незаметно
Внутри харчевни оказались,
Впивая алчными ушами
Небесную музыку эту
И ощущая щёкот в пятках
От жгучего желанья пляски.
И в этом наслажденье пляски
Так стали все скакать безумно,
Как будто ягодою волчьей
Обед приправлен был воскресный.
И тут такой раздался топот,
Какому топоту подобен
Лишь топот, что порою слышит,
За библией свою сидя,
Священник и вздыхает тяжело:
«О, этот Палко, Палко Чепю,
Жестокий человек, безбожный,
Опять он мучает обоих
Моих гнедых
Бичом
В конюшне!»
Покуда данные события
Историю обогащали, —
Покуда в заведение Эржок
Гуляли, пили и кричали, —
Мягкосердечный сельский певчий
Сидел и молча любовался
На чары полувековые
Своей невинно-чистой Эржок,
И на лице его почтенном
Попеременно отражались
Все стадии борьбы душевной,
И было ясно, что сегодня
Он что-то хочет и не хочет,

Или вернее — что посмел бы
Он что-то сделать, если был бы
Он смелым, а не столь несмелым.

Когда же Благовест, лукавый
Сын церкви, духом изворотлив,
Увидел явственно, что этот
Мягкосердечный сельский певчий
Есть ни солома и ни сено,
Точней — ни рыба и ни мясо,
Ни то, ни се, сказать короче, —
Когда он убедился в этом,
То подошел к нему и нужным
Счел молвить слово ободренья
Робчайшему из самых робких,
И голосом почти беззвучным,
Таким, как говорят на сцене
Те, кто сидят в суфлерских будках,
Сказал он:

«Певчий! Милый певчий.

Настанет ночь, и солнце сядет,
Цыплята сядут на насесте,
А также воробьи и гуси
Задремлют прежде, чем созреет
Всех наших хитроумных планов
Плод сладостный и драгоценный!
И вы подумайте об этом
Всерьез! Не будьте простофилей!
Поймите: только раз в столетье
Минута может подвернуться,
Чтоб славный замысел свершился.
И разум, если прозорлив он,
С такою редкостной минутой
Умело должен обращаться
И в то же время очень круто,

И в то же время очень скупю,
Примерно так же, как с речами
Своими поступать умеет
Наш господин судья, премудрый
Старик, весьма немногословный,
Скупоречивый по натуре!
Итак, вперед, чтоб этот случай
Не ускользнул подобно рыбке
От рыбака, когда неловко
Ее хватает глупый малый.
Вперед! Вперед, почтенный певчий,
Теперь иль никогда! Поймите!
В груди не место чувству страха!
Ведь вы ж участник Дёрской битвы!»
Так Благовест шептал, лукавый
Сын церкви, духом изворотлив,
И не сумел ему ответить
Мягкосердечный сельский певчий
В волненье ничего другого,
Как то, что ниже излагаю.

«О ты, провидец тайн сердечных! —
Сказал мягкосердечный певчий. —
Я чувствую, что прав во всем ты,
Прав, как священное писанье!
Я это понял, и отныне
Я не имею основанья
С тобою, друг мой, не делиться
Убийственную этой болью
Моей любви глубокотайной,
Но согласишься, что есть причина,
Чтоб я хранил от посторонних
Убийственную эту тайну
Своей любви весьма секретной!
Пойми, коль тайна станет явью,

То получу я оплеуху
От целомудреннейшей Эржок!
Что будет? Что тогда случится?
Тем паче, милый мой, что Марта,
Моя почтенная супруга,
Как всем известно, обладает
Свирепым нравом амазонки!
О я, несчастнейший из смертных,
Увидевших сиянье солнца
Среди безоблачного неба
Порой дневною и ночью!
Душа моя скрипит, как баржа
На волнах бурного Дуная.
Нет! Мечется душа, как будто
Ореховая скорлупка,
Ребенком брошенная в лужу!
Но — смелость! Тот, кто не дерзает,
И выигрыш не получает...
«Не смел — не съел» — как говорится!
О Благовест, не так ли это?
Прошу тебя, скажи на милость!
Пусть бог отвесит столько блага
Тебе и твоему потомству
Здесь, на земле, и в жизни вечной,
Сколь искренен ответ твой будет
На мой вопрос чистосердечный!»

И тут, не покривив душою,
Ответ дал певчему приятель,
Сказав:

«Да! В смелости — спасенье!»

«Ну, если так — иду на приступ!»
Решительно промолвил певчий.
Кувшин он поднял и поставил,

И в миг, когда его он поднял,
Кувшин был полон до предела,
Когда ж назад кувшин поставил —
Кувшин был пуст до основания,
Пуст так же, как мои карманы
Сейчас, когда пою об этом
Я, преисполнен вдохновенья
И в поэтическом восторге...

...Затем мягкосердечный певчий
Себя за край жилета дернул,
И ринулся, жилет одернув,
Он с резвостью почти такую,
С какой отчаянный купальщик
Нырнет в ледяную воду,
К невинной Эржок!

Песнь третья

О публика, в добросердечность
Которой я глубоко верю,
И в частности, вы, цвет отчизны,
О девы Венгрии прекрасной,
Вы, девы юные, которых
Я столь люблю, но от которых
Любви не вижу я ни крошки, —
Я все же на одно надеюсь —
Надеюсь, если хорошенько
Я попрошу вас не сердиться,
Мою исполните вы просьбу
И не рассердитесь за то, что
Вниманье ваше отвлеку я
От пляски посреди трактира,
От певчего, от музыкантов
И от невинно-чистой Эржок

И попрошу вас присмотреться
К церковной дальней колокольне,
Откуда хитроумный узник
С находчивостью колоссальной
Себя спускает по веревке,
Как иногда по паутине
Паук себя спускает тихо
Вниз с потолка в моем жилище.

Спустился он благополучно.
Веревка, правда, домогалась,
Чтоб он оставил в благодарность
Ей кожу со своей ладони,
Но кожа доблестного мужа,
С ним не желая расставаться,
Не согласилась и упрямо
Веревке жадной заявила:
«Нет, нет, тебе я не достанусь,
А если я тебе достанусь,
Пускай достанутся в добычу
Тебе и сестры — эти жилки
Со всеми косточками вместе!»
И, уяснив себе такие
Высокие порывы кожи,
Добросердечная веревка
От всякой дани отказалась.

А время близилось к закату,
И аппетитный пончик солнца
Вдруг сделался алее перца
И впал в сургучную багровость.
О солнце, красное ты солнце,
Скажи: зачем ты помутнело —
От ярости ли, от стыда ли?
И что за ржавчина покрыла

Лучей твоих златые копья,
Как жилки кроют нос пьянчуги?
Нет! То не стыд, не ярость это.
Я знаю, что это такое!
Я, тот, кто волей олимпийцев —
Иль как бишь там они зовутся —
Причислен к лику олимпийцев —
Иль как там бишь они зовутся, —
Я знаю — это признак бедствий,
Готовящихся беспощадно
Обрушиться на мир подлунный,
Как на быка мясницкий обух.

Не только солнце предвещало
Беду, но даже вся природа
Была в ужасном беспокойстве:
Два пса, которые служили
С давнишних пор примером дружбы,
Теперь терзали зло друг друга
Из-за куска овечьей шкуры,
Которую нашли за бойней...
Я мог бы пробряцать на лире
О сотнях предзнаменований,
Что предвещали катаклизмы
И даже гибель всей вселенной.
Но только лишь одно добавлю:
Та женщина, в лице которой
Мягкосердечный сельский певчий
Обрел законную супругу,
В сей вечер выпила лишь четверть
Вина — и ни стакана больше!

Вот что творилось в грешном мире,
Когда святого храма узник

Спасенья отпустил веревку
И так проговорил:

«Как будто

Я на земле! Ну, слава богу!
Теперь я ринусь к нежной Эржок!
О целомудренная Эржок,
О ты, бессрочный арендатор
Всей кузницы моей сердечной,
Томясь, ты ждешь меня, наверно,
С таким же точно нетерпеньем,
Как жду я тщетно две недели,
Что мне священник долг уплатит!
О Эржок, ждать тебе недолго!
Пришпоренный любовной шпорой,
Помчусь к тебе, как поросята
К своим хозяйкам вихрем мчатся,
Когда хозяйки кукурузу
Трясти выходят перед ними!»
И, не закончив этой речи,
Помчался он к невинной Эржок
Быстрее, чем мчатся поросята,
Когда хозяйки кукурузу
Трясти выходят перед ними!
Когда ж с размаху он схватился
За ручку двери,
Его взволнованное сердце
Затикало от сладострастья.
И гордо он в трактир ввалился,
Туда, где танец бесновался.
И первым, кто его заметил,
Был обуви производитель —
Друг мира, господин Шевровый,
Который с радостью душевной
Приветствовал его, воскликнув:
«Явились с помощью вы божьей,

Кум Фейенадь Большеголовый!
(Так крикнул господин Шевровый,
Затем что был великим мужем
Кум Фейенадь Большеголовый.)
Привет вам! С помощью господней
И вы, кузнец, сюда явились!» —
Так крикнул господин Шевровый,
Друг мира, человек хороший.
Но знать, не с помощью господней
Сюда явился Сельский молот.
И не ответил он ни звука,
Да, вероятно, и не слышал
Он доброй речи друга мира.
Какое там! Что мог он слышать?
Он только видел... Только видел!
О, для чего он это видел!
Зачем он не слепцом родился?
И вообще — зачем родился?
О скорбь! Очам его явился
Мягкосердечный сельский певчий,
Что с наглым видом на коленях
Стоял перед невинной Эржок,
Как раб у ног ее прелестных
Пятидесятипятiletних!

При виде зрелища такого
Сто тридцать тысяч самых адских
Мучений, как ножи, воткнулись
В глубь героического сердца,
Горящего любовью чистой.
И гнев поджег его сознание!
И вот тогда, как кошка к мышке,
Кузнец безмолвно и бесшумно
Подкрался сзади к нежной паре,
Чтоб распознать, какие речи

Ведет с невинно-чистой Эржок
Мягкосердечный сельский певчий.
А тот возвышенные чувства
Такими изъяслял словами:

«О целомудренная Эржок,
Венец прекрасной половины
Людского рода! О даритель
Вина и всяческой закуски!
Скажи, найдешь ли для меня ты
В своем прекрасном сердце милость,
Коль вылью я тебе в сердечко
Все, чем мое богато сердце!
А впрочем, мне уж безразлично,
Найдешь ли милость, не найдешь ли,
А выскажу начистоту я
Все, что меня сегодня точит.
Скажу я не высоким слогом,
А на простом наречье чувства.
Внимай: вот здесь, в часовне сердца,
Святым трепещет колыханьем
Свеча любви моей великой,
И верь, что этой свечки пламя
На пол-аршина подлиннее
Бессмертья! И пойми, что ради
Тебя пылает эта свечка,
О целомудренная Эржок.
И если ты не отзовешься
Своей ответною любовью,
То пламя сей свечи угаснет,
А с ним и жизнь моя угаснет!
Здесь жду я твоего решенья.
Пусть этот приговор тотчас же
Из девственных услышу уст;
Или чело мое украсит

Венец любви твоей роскошной,
Или отчаянья дубина
Убьет меня!»

«Вот это верно! —
Загрохотал тут грозный голос. —
Убью! Готовься!» — так воскликнул
Кум Фейенадь Большеголовый.
И был тут беспощадно схвачен
Мягкосердечный сельский певчий
И тотчас был с колен приподнят
Рукою широколадонной,
Да так, что певческие ноги
На дюйм оторвались от пола.
А вслед за этим очутился
Мягкосердечный сельский певчий
К земле так низко и так близко,
Что нос его коснулся пола.

«Убью, убью! — кричал свирепо
Воитель широколадонный. —
А кости в порошок сотру я,
Как жернов — зерна! Как посмел ты!
Но прежде пусть ответит Эржок.
О Эржок! Отвечай мне, Эржок,
Чем ты укутываешь душу:
Сукном неверности чернейшей
Или невинности белейшей
Чистейшим пологом? Ответь же!»

Хоть целомудренная Эржок
Не вымолвила ни словечка,
Но Фейенадь Большеголовый
Прочел с небесным сладострастьем
В аквамаринном сиянье

Очаровательного взора:
«О Фейенадь Большеголовый,
Наш знаменитый Сельский молот,
Лишь ты моим владеешь сердцем,
Как будто бы заветным краном
От самой лучшей бочки винной,
О, как ты можешь сомневаться!
Была и остаюсь —
Невинной!»

И эту речь немую понял
Тот, под рукою чьей могучей
Бессильно замер в ожиданье
Мягкосердечный сельский певчий.
Вздохнув и несколько смягчившись,
Рек Фейенадь Большеголовый:
«Душа души моей, о Эржок,
Прости невольные сомненья,
Что смел я не поверить в стойкость
Железнейшего постоянства,
Которое тебе присуще!
Ну, а теперь, презренный певчий,
Я за тебя готов приняться!
Ты, трепещи теперь, преступник,
Сполна получишь по заслугам!
Пусть помнят внуки певчих внуков,
Что значит соблазнять невинность
И сорняки коварно сеять
Между отборною пшеницей!» —
Так он воззвал. И вслед за этим
Его язык остановился,
Зато пришли в движенье руки
И, как пришепывают свечку,
Чтобы к столу она прилипла,
Так крепко был к земле прилепнут

Мягкосердечный сельский певчий
И снова от земли оторван,
Подброшен ввысь и вновь поставлен.
И от подобных сотрясений
Мягкосердечный сельский певчий
Так заревел, как не ревел он
Ни разу в жизни — ни во время
Служб похоронных, ни во время
Могучего соревнования
С органом многотрубным в храме.
И этот рев привел в смятенье
Всех веселящихся. И танец
Вдруг замер. Смолкли музыканты,
И весь народ столпился кучей,
И все смотрели, рты разинув,
Как Фейенадь, коваль могучий,
Давал пример всему потомству,
Что значит соблазнять невинность
И сорняки коварно сеять
Промеж отборнейшей пшеницы!
И взвыл несчастный сельский певчий:
«О Сельский молот, Сельский молот,
Позволь мне вымолвить словечко,
А там уж дальше, сделай милость, —
Лупи меня, как ты захочешь!»

И Фейенадь, коваль могучий,
Уже порядочно уставший
Злодея люто шлепать оземь,
Всему потомству в назиданье,
Так высказался:

«Ну, уж ладно,
Мягкосердечный сельский певчий,
Оправдывайся! Умной речи

В любое время внять готов я!
Оправдывайся!»

Сельский певчий

Заговорил, повержен наземь:
«Я грешен! Да! Частично — грешен,
Не отрицаю — полюбил я
Могучей пламенной любовью
Высоконравственную Эржок.
Но разве в этом виноват я?
Любовь! Любовь — такая сила,
От коей никаким засовом
Не оградишь людское сердце!
Любовь! Волшебнейшая птица,
Которой и дверей не надо,
Чтоб путь найти в людское сердце.
Об этом знает ваша милость!
Любви бы я не обнаружил,
Унес бы я ее в могилу,
Когда бы чувств моих не понял
Сын церкви, духом изворотлив,
Вот этот Благовест зловредный!
Он пламень мой разжег любовный!
Зачем он сделал так — не знаю, —
Об этом не имею данных! —
Но он меня толкнул на это
В тот самый час, как ваша милость
Спала в объятиях Морфея,
Уставши от богослуженья.
Он посоветовал лукаво
Замкнуть засовом двери храма,
Когда вы крепко там заснули,
И увиваться на свободе
За целомудренною Эржок!
И я, осёл, его послушал!»

Вот что, раскаявшись, промолвил
Мягкосердечный сельский певчий.

Как поворачивает медный
Петух на шпиле колокольни
Свое чувствительное тельце
При первой перемене ветра,
Вот так другое направленье
Внезапно получили мысли
Разгневанного Фейенадя:
«Ну, Благовест, что скажешь, сударь?
Оправдывайся поскорее,
Иль так тебе я двину в ухо,
Что ты оглохнешь безвозвратно!»
Но Благовестом нареченный
Сын церкви, духом изворотлив,
Ни капельки не испугавшись,
Такое тут промолвил слово:
«Что ж! Я оправдываться буду
Не потому, что испугался
Угроз... Пускай портки подтянет
Тот человек, который хочет,
Чтоб Благовест его боялся!
Понятно? Истинная правда
Все, что сказал почтенный певчий,
Который, я скажу вам кстати,
Трус, тряпка, ни к чему не годен,
А сверх того еще — предатель.
Да! Я подучивал мерзавца,
Чтоб соблазнил он вашу Эржок,
Затем, что вас я ненавижу,
Как мамалыгу!»

«Неужели?»

«Да! Так и есть!»

«Но вы-то сами,

Быть может, думаете, сударь,
Что я люблю и уважаю
Кошачью вашу образину?»
«Как?»

«Так! Кошачью вашу морду!»
«Кошачью морду? Еж поганый!
Ты кузнецом себя считаешь,
Хоть в самом деле обучался
Ты у какого-то цыгана!»
«Ах, так! Осмелился ты даже
И ремесло мое порочить,
Сморчок! Церковная ты крыса!
Я молотом тебя расквашу!»

И кулаком, как булавою,
Так крепко стукнул Сельский молот
Противника, что тот лишь крякнул
И кровь изверг из носоглотки.
Но тем не мене, извернувшись,
Сын церкви, духом изворотлив,
Сшиб шапку с головы кузнецкой
И за волосы ухватился
И так божественно их дернул,
Как колокольную веревку!
И это зрелище так сильно
Ударило по нежным нервам
Невинной Эржок, что бедняжка,
Как в пропасть пала без сознания,
И подхватил ее любезно
Друг мира, господин Шевровый,
И возложил ее с заботой
Поверх перин в опочивальне,
Где, как подстреленная утка
Средь озера раскинув крылья,

Она бессильно задрожала.
... А бой лишь только разгорался...

... Когда веселый Палко Чепю,
Водитель двух гнедых поповских,
Увидел, чем тут пахнет дело,
Он тотчас очутился рядом
С Большеголовым Фейенадем
И предложил союз военный.
И это было не случайно,
Поскольку витязь Палко Чепю
Был издавна нежнейшим другом
С Большеголовым Фейенадем
И некогда учился даже
Премудрости его кузнечной,
Пока не предпочел конюшню...
Но тем не мене и поныне
Большеголовый Сельский молот
Учителем ему казался...

«О господин кузнечный мастер! —
Воскликнул витязь Палко Чепю,
Водитель двух гнедых поповских, —
Вы ничего не опасайтесь,
Мой господин кузнечный мастер!
Ведь я-то здесь! Ведь я-то с вами!»
И подскочил он к сыну церкви,
Столь изворотливому духом,
И оседлал его, как будто
Гнедого!

И тогда сын церкви,
Хоть был он духом изворотлив,
А все ж не выдержал и рухнул.
Он рухнул! Но за ним свалился
И Сельский молот, ибо крепко

Держал за чуб он сына церкви.
Прекрасно было то паденье, —
Как будто каменная глыба
С развалин рыцарского замка
Вдруг рухнула в покой долины.

И к драке присоединившись,
Горячие душою парни
Тут на два стана разделились,
И раздавались неустанно
Шлепки, затрещины, удары...
Пошли пинки, затем укусы,
Кровопусканья и так дале...
А все девицы разбежались, —
Так исчезают в небе звезды,
Когда начнется бурный ливень.
А вслед за девушками скрылся
Друг мира, господин Шевровый,
На добрые дела готовый.

Песнь четвертая

Куда, о господин Шевровый,
На беломраморных колоннах
Могучих ног неся свой корпус,
Куда, куда вы устремились
Быстрее кегельного шара?
К лицу ль мужчине с поля боя
Ретироваться столь поспешно,
Взамен того, чтоб увенчаться
Венцом дубовым славы бранной?

Не будем осуждать героя!
Ведь он — избранник провиденья,

Рожденный для того, чтоб гибель
Прочь отвести от всей деревни.
И если б действовал не так он,
То почему бы другом мира
Его прозвали?
И, соответственно прозванью,
Себе он выбрал направленье —
Пошел он прямо в дом судейский,
Перед которым возле входа
Стояла полная значенья
Колода!

А в доме спал судья премудрый,
Старик весьма немногословный,
Скупоречивый по натуре.
Лежал он, важно растянувшись
На ложе, то есть на древесной
Скамье. И полушубок старый
Служил ему подушкой, ибо
Берег он полушубок новый.
Вбежавши, господин Шевровый
Толкнул судью, чтобы рассеять
Туманы мирных сновидений
В очах судьи, но это было
Отнюдь не столь пустяшным делом,
Как многим может показаться
На первый взгляд. Возился долго
Друг мира с непробудным старцем,
И, наконец, с трудом великим
Судейское открылось око,
И вымолвил судья бесстрастно:
«Ну? Что такое там случилось?»
«О господин судья! Несчастье!
Вставайте же! Но поскорее,
Коль не хотите, чтобы наше

Село погибло безвозвратно!
Война! Сраженье разразилось!
И оказалась полем боя
Корчма невинно-чистой Эржок,
Там весь народ друг друга лупит.
Смотреть ужасно! Гибнут люди,
Как мухи падают под осень,
Земля, покрывшись кровью, стала
Красней, чем красное суконце.
Ах, господин судья, поверьте,
Там черные знамена смерти,
Над полем битвы развеваясь,
Затмить хотят луну и солнце!
О господин судья, вставайте
И собирайтесь поскорее!
Лишь вы, один лишь вы способны
Бесстрашно преградить дорогу
Ужасной колеснице смерти!»

Вот что поведал о сраженье
Друг мира, господин Шевровый.
Судья, скупоречивый старец,
Открыл тут и второе око
И даже счел необходимым
Такой вопрос задать неспешно:
«Вставать мне, значит?»

«Да! Скорее!»

«Ну, ладно!» — произнес с привычным
Спокойствием премудрый старец.
Одевшись в новый полушубок,
Он палку взял и в путь пустился,
И, так как рядом жил подсудок —
Судьи помощник, в службе точный,
Дотошно яростный служака, —
Судья и господин Шевровый

Помощника через окошко
Окликнули и попросили,
Чтоб шел за ними. И служака
Послушался беспрекословно,
Хоть и не с радостью великой,
Ввиду того, что в эту пору
Любимым времяпровожденьем
Досуг он заполнял домашний —
А именно: лупил супругу.
Они приблизились к жилищу,
В котором обитал извечно
Мягкосердечный сельский певчий.
Супруга певческая, Марта,
Та самая, что отличалась
Свирепым нравом амазонки,
С соседкой в этот миг ругалась.
Соседка курицу у Марты
Убила, ибо эта птица
К ее, соседкиным, цыплятам
Ходила и ячмень клевала.
Вы можете себе представить
Всю ярость Марты, обладавшей
Свирепым нравом амазонки,
Весь гнев по поводу ущерба,
Еще не слыханного в мире;
Но сможете ли вы представить
Отчаянную ярость Марты,
Когда судья скупоречивый
Ей сообщил немногословно
О шалостях ее супруга.
Она хотела что-то крикнуть,
Но у нее застряли в глотке
Слова, и стали цвета крови
Глаза ее, а лик — лиловым!
И члены задрожали, будто

Телячий студень.
И оглянулась амазонка
И не укрылась
От испытующего взора
Домашней щетки рукоятка.
Ее схватила Марта, крикнув:
«За мною!»

И вот, когда скупоречивый
Судья премудрый,
А также и его помощник,
А вместе с ними и почтенный
Друг мира, господин Шевровый,
И Марта с нравом амазонки,
Спеша, достигли поля боя,
То страшную они картину
Увидели: борьба в разгаре
Была. И господин Шевровый
Преувеличивал едва ли,
Сказавши, что знамена смерти
Прискорбно реют над деревней!

Все было правдой!
Та печь, с которой
Три музыканта
Своею музыкой веселой
Плясать желанье разжигали,
Уютнейшая эта печка
Была разрушена. Руины
Ее торчали, будто это
Руины замка, что разрушен
Был при нашествии татарском.
Столешницы столов разбитых,
Осколки всяческой посуды...
И посредине моря крови

Торчало, точно на мель сев,
И мрачно вслушивалось в крики
Откушенное чье-то ухо!

И тут-то Марта, обладая
Свирепым нравом амазонки,
Вдруг с героической отвагой
Сквозь драчунов толпу пробилась.
И разглядела злобным оком
Супруга, что, забившись в угол,
Стонал и корчился от боли.

О Гамлет, что испуг твой жалкий,
Когда ты тень отца увидел,
В сравненье с тем, как испугался
Мягкосердечный сельский певчий
При виде собственной супруги!
Под сломанный залез он столик
И руки протянул с мольбою
К почтенной Марте, обладавшей
Свирепым нравом амазонки.

Но тут безжалостная Марта
Схватила мужа за штанину,
Из-под стола его рванула
И до тех пор его лупила,
Покуда рукоять от щетки
Не расщепилась на лучинки.
Она за чуб схватила мужа
В том месте, где всего больнее,
И потащила, точно шкуру
Коня купец на рынке тащит,
И утешала:

«Ну пойдем же!

Ведь здесь, при всем честном народе,

Я не хочу тебя позорить,
Но дома ты свое получишь!»
И так как Марта отличалась
Свирепым нравом амазонки
И слов своих была хозяйкой,
То можно и не сомневаться:
Обещанное совершилось!

И в сей же час судья премудрый,
Старик весьма немногословный,
Скупоречивый по натуре,
Не криком, а авторитетом
Пучину битвы успокоил.
Закончилось кровопролитье,
И разбежались все вояки,
Как разбегаются собаки,
Когда выходит их хозяин,
Чтоб крикнуть «цыц»... Вояки скрылись,
Остались же на поле битвы
Сын церкви, духом изворотлив,
А вместе с ним и Сельский молот.
Перед судьей они предстали
И показали все, как было.
Их обругал судья премудрый,
Старик весьма немногословный,
Скупоречивый по натуре,
И повелел, чтоб два героя —
Сын церкви, духом изворотлив,
И Фейенадь Большеголовый —
Как вдохновители сраженья,
Посажены в колоду были
Судьи помощником почтенным,
Служакою до службы рьяным.

Так наш герой в колоде тесной
И посейчас еще томится,
И тем лишь может утешаться,
Что враг его избит жестоко,
А сам он рано или поздно
От тесных уз освободится
И сразу же невинной Эржок
Предложит руку вместе с сердцем!

* * *

А ты, струна певучей лиры,
Теперь иди на отдых, ибо
Велик был труд, и ты сумела
Его блистательно закончить,
И отдыхаю я на лаврах,
Которые на поле славы
Я накопил весьма обильно
Для головы своей косматой.

И если даже и сегодня
Могильщик роет мне могилу —
Мне все равно! Мне безразлично!
Я буду жив, пока не лопнет,
Вселенная, пузырь твой мыльный!

И будешь ты, лампадка славы,
Над чудною моей могилой
Мерцать, как ночью глаз кошачий.

А коль придет нахалка Зависть,
Ловчась похитить лавры эти, —
Она не сможет дотянуться:
Они, как Марци Зельд, высоко
Висят над этою землею.

И коль меня Забвенье сунет
В мешок свой темный, то Бессмертье
Своей блистательною бритвой
Распотрошит мешок тот темный!

ТАБЛИЦА ДЛЯ УКАЗАНИЙ

указывает, что —

в ПЕРВОЙ ПЕСНЕ

проснулся узник и обдумал, как может он освободиться, но не воспето, кто же этот несчастный узник, не сказано, что он стремится лишь для того освободиться, чтоб очутиться в переделке, гораздо худшей, чем темница.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ

заключает в себе уже гораздо больше: воспето — кто корчмой владеет, как целомудренна корчмарша, и что замыслил сельский певчий, и кто его подбил на это.

А в ПЕСНЕ ТРЕТЬЕЙ

говорится, как узник мог освободиться, пришел в корчму, увидел страхи и страхи сам творить он начал. И тут же узнаёт читатель, что узник сей освобожденный и есть герой поэмы этой...

В последней же, четвертой песне все ужасы к концу приходят, герой поэмы — вместе с ними.

Пешт, 1844

ВИТЯЗЬ ЯНОШ

1

Безоблачных небес неистов жар жестокий,
И мучится пастух на солнечном припеке.
Напрасно с высоты так солнце припекает,
Пастух на берегу и без того страдает.

В его груди пожар, он от любви безумен.
Он неспроста пасет овец у сельских гумен.
Пока пасутся овцы под горой в лощине,
Валяется в траве он на своей овчине.

Ромашки вокруг него головками качают.
Внимания пастух на них не обращает.
Внизу течет ручей, бурля и извиваясь,
И на него пастух глядит не отрываясь.

Но взор его совсем не к пене волн прикован.
Он девочкой в ручье прельщен и очарован.
Он восхищен ее тяжелою косою,
И ростом, и лицом, и стана красотою.

Она стоит в ручье и, подоткнувши юбку,
Полощет в нем белье и скатывает в трубку.
И Янчи ослеплен и смотрит в удивленье,
Как белизной горят в воде ее колени.

Задумчивый пастух с заплатанною блузой
Не кто-нибудь иной, но Янош Кукуруза.
А девочка в ручье — его любовь до гроба,
Свет Илушка, его сердечная зазноба.

«Жемчужина моя, свет без тебя затмился, —
Он к девочке в ручье с поляны обратился, —
Голубушка моя, души моей отрада,
Хотя на миг один выдь, ангел, на леваду.

Порадуй душу мне своим лучистым взглядом,
Дай мне обнять тебя и сядь со мною рядом.
Выдь, красота моя, выдь на минуту, любя,
Дай всласть и до смерти нацеловаться в губы.»

«Когда б мне не белье стирать велели, Янчи,
Не надо бы просить, сама б я вышла раньше.
Но горе ведь с бельем, — случись с ним проволочка,
Съест мачеха меня, я ей чужая дочка.»

Так Илушка ему ответила покорно
И принялась опять белье стирать проворно.
Но с шубы встал пастух и, подойдя к потоку,
Сказал еще нежней подруге синеокой:

«Выдь на берег скорей, живее, голубь белый.
Два слова, поцелуй-другой — большое ль дело?
Ведь мачеха сейчас не над душою самой.
Уморишь ты меня, — как быть с тобой, упрямой?»

И выманил пастух любовь свою на сушу,
И с нею говорил, и отводил с ней душу.
И целовал ее раз сто и полтора, —
И знает только бог, как крепко и как часто.

2

Шло время между тем, и золото заката
Румянило ручей и мачехину хату.

Сердилась мачеха: «Где эта тварь дрянная?
Ну, погоди, придет, я девку отругаю!»

Та мачеха была несносной ведьмой злою.
Не знала Илушка от мачехи покоя.
«Небось, баклуши бьет, — так думала старуха, —
Накрою-ка ее, влеплю ей оплеуху.»

Ах, Илушка, беги от мачехи, родная!
Бедняжка, не уйти тебе от нагоняя.
От сладких снов любви, несчастная сиротка,
Ты вдруг пробуждена ее визгливой глоткой.

«Ах, вот ты где, овца, святая недотрога?
Ты вот чем занята? И не боишься бога?
Вот девушкам пример! Любуйтесь ею, люди!
Чтоб с места не сойти теперь тебе, паскуде!»

«Довольно горло драть, вы слышите ли, тетка!
Заткните сами рот, иль мы заткнем вам глотку!
Про Илушку хоть раз скажите слово худо —
Я зубы выбью вам и сожалеть не буду.»

Что говорил пастух, он сам в сердцах не ведал,
Но Илушки-красы своей в обиду не дал.
К старухину лицу он свой кулак приставил
И вот что ко всему для внятности прибавил:

«Смотрите, если вы не станете потише,
Я петуха пущу вам красного на крышу.
И так ведь девочка оттерта на задворки,
Гнет спину день и ночь, не видит хлеба корки.

Брось, Илушка, робеть. Она ведь ясно видит,
Что будет с ней, когда она тебя обидит.

Чем всюду нос совать, вы дома бы сидели,
Да за собой, кума, получше бы глядели.»

Накинув свой тулуп, простился он с подругой
И в поисках овец пошел шагать по лугу.
Он обошел луга, крестьянские уголья, —
Лишь несколько овец паслось кой-где в разброде.

3

Уж стало вечереть, повеяло прохладой...
Овец недостает, нет половины стада.
Где остальные? Где другая половина?
Кто это, вор иль волк в пропаже их повинны?

Чья б ни была вина, раздумывать в печали
Уж было поздно тут, раздумья запоздали.
Что делать Янчи? Он — неробкого десятка.
Погнал овец домой, не глядя на нехватку.

«Ну, Янчи, — думал он, — за новые успехи
Достанется тебе сегодня на орехи.
Ты рос и так, глаза хозяину мозоля,
А нынче... Что уж там, на все господня воля!»

Так думал он, хотя не время думать было:
Отара в ворота хозяйские входила.
Хозяин, как всегда, стоял перед оградой,
Чтоб там пересчитать вернувшееся стадо.

Вот Янчи говорит: «Не буду я лукавить:
Полстада нет. Мой грех. Но дела не поправить.
Я пред тобой стою с повинной головою,
Хоть режь меня, хоть жги, убытка не покрою.»

«Я смеха не люблю, и мы не скоморохи,
Ты, Янчи, не дури, со мною шутки плохи.
Ты дело говори, а то, предупреждаю,
Все ребра я тебе, смотри, пересчитаю.»

Когда ж старик узнал, что это все не шутки,
От гнева он едва не тронулся в рассудке.
Стал бегать он кругом, крича и угрожая:
«Где вилы? Вилы мне! Проткну я негодяя!

Ах, вор, головорез, грабитель незаконный!
Умри! Пусть выключат глаза тебе вороны!
Затем ли подлеца я выходил и холил,
Чтоб висельник меня за хлеб мой обездолил?

Сквозь землю провались, исчезни, скройся, Каин!»
Орал до хрипоты на пастуха хозяин.
Потом, собравшись вдруг с последнею силенкой,
За Янчи побежал с дубиною вдогонку.

Но Янчи удирал, не пред дубиной струсив.
Не испугался б он и потолочных брусьев, —
Он парень был силач, шутя коней треножил,
Хотя до двадцати годов еще не дожил.

Он потому бежал, что должен был признаться,
Что в этот раз старик был вправе бесноваться.
И в драку ли вступать ему с отцом приемным,
Что сжалился над ним, найденышем бездомным?

Вот отчего бежал он, обливаясь потом,
Покамест не пропал старик за поворотом.
Куда глаза глядят пошел он по проселку, —
Так был он сразу сбит несчастьем этим с толку.

Когда вода ручья совсем зеркальной стала
И вся роями звезд несметных засверкала,
Он, к радости своей, негаданно-нежданно
На илушкин плетень набрел среди тумана.

Он стал перед плетнем средь вьющегося хмеля
И грустно заиграл на ивовой свирели.
Вечерняя роса, сверкавшая в бурьяне,
Казалась в эту ночь слезами сострадания.

А Илушка спала в те грустные мгновенья.
Ей летнею порой служили спальней сени.
Проснулась, услышав свирели переливы,
И выбежала вон, одевшись торопливо.

Но Янчи напугал ее своей печалью.
«О Янчи, у тебя глаза и щеки впали.
Скажи мне все скорей, быть может легче станет.
Ведь краше в гроб кладут, и на тебе лица нет!»

«Эх, Илушка моя, я бледен не впустую.
В последний раз тебя я, может быть, целую.»
«О Янчи, перестань! Ты так меня пугаешь!
Побойся бога ты! На что ты намекаешь?»

«Я правду говорю, моя весна и зорька!
В последний раз свирель моя рыдала горько.
В последний раз тебя я вижу, утро мая,
В последний слышу раз, в последний обнимаю!»

Потом, чтоб разъяснить ей страшную загадку,
Он рассказал ей все, как было, по порядку,

От Илушки лицо заплаканное пряча,
Чтоб видом слез своих не огорчить в придачу.

«Ну, Илушка, пора, мой белый ангел в небе,
И думай иногда про мой несчастный жребий.
Когда зимой в буран заслышишь веток стоны,
Пусть вспомнюсь я тебе, твой бедный нареченный.»

«Ну, Янчи, добрый путь, раз такова судьбина.
Господь с тобой, тебя я в мыслях не покину.
Найдешь в пути цветок с головкой отсеченной, —
Подумай о своей несчастной нареченной.»

Прижались, обнялись, рванулись друг от друга.
Заплакали. В сердцах у них завывла вьюга.
Оставив всю в слезах ее вдали на шляхе,
Он шел и утирал глаза полрой рубахи.

Он наудачу шел, шел напрямик от тына
И не глядел вперед, и было все едино.
Кругом паслись стада, звон бубенцов был ласков,
А он не замечал смеющихся подпасков.

Деревня позади уже давно осталась,
И больше по пути костров не попадалось.
В последний раз назад взглянул несчастный Янчи,
И колокольни тень мелькнула великаншей.

Будь рядом кто-нибудь и вздох его подслушай,
Тот понял бы, что он вложил в него всю душу.
Но Янчи был один, лишь журавли держали
Вдоль по небу свой путь и вздохов не слышали.

Он брел все глубже в ночь. Его тулуп овечий
Сегодня тяжелил так непривычно плечи.

Как заблуждался он! Не шуба тяжелила,
А сердце у него надорванное ныло.

5

Лишь только солнце, встав, луну домой услало,
Простерлась степь кругом, как море степь лежала.
Все, все, что видел глаз с восхода до заката,
Все это степь была, все было ей объято.

Ни кустика кругом взор Янчи не заметил,
Но вид травы уж был по-утреннему светел.
Лишь солнце поднялось, в его лучей потоке
Вдали сверкнул песок и озеро в осоке.

Там цапля, не спеша и жерди долговязей,
Ловила лягушат среди камышей и грязи,
И, рассыпаясь врозь и собираясь в стайки,
Летали вниз и вверх на длинных крыльях чайки.

А Янчи брел один с своей огромной тенью,
Не видя ничего кругом от огорченья.
Уже давным-давно под солнцем степь сияла,
А у него в душе разлуки ночь стояла.

В полдневный час, когда палило солнце в темя,
Он вспомнил, что сейчас перекусить бы время.
Такой далекий путь за сутки одолевши,
Он еле шел, с утра вчерашнего не евши.

Он сел и, сумку сняв, доел остаток сала.
Лишь небо с высоты за Янчи наблюдало
Да, громоздя в песках манящие курганы,
В обманчивую даль звала фатаморгана.

Когда он подкрепил иссякнувшие силы,
Он к озеру свернул, — так жажда затомила.
Тут, шляпой зачерпнув воды, стал пить он жадно.
Он сроду не пивал такой воды прохладной.

От озера едва успел он удалиться,
Сонливость налила свинцом его ресницы.
Он вытянулся весь и выбрал изголовьем
Пучок густой травы на холмике кротовьем.

И сон его унес в родимое селенье.
Он встретил Илущку в счастливом сновиденье,
Но чуть ее хотел губами он коснуться,
Гром пробудил его, он должен был проснуться.

Он стал искать кругом: «Где небо голубое?»
Все двигалось над ним, приготавлиаясь к бою.
Как бедствие войны, простерлась тень над краем.
Небесный свод померк и стал неузнаваем.

Степь спрятала лицо под черною одежей.
Трещал небесный гром, разили стрелы божьи.
Разверзлись хляби вод, и в шуме их и гаме
Озерная вода покрылась пузырями.

Встал Янчи, крепче сжал свой посошок пастуший,
Шляпенку поплотней надвинул он на уши
И, вывернув тулуп овчиной наизнанку,
Стал наблюдать стихий небесных перебранку.

Но мимолетный вихрь улегся так же скоро,
Раздорам был конец положен в ту же пору,
Толпою облака валили с места боя,
И радуги цвета раскинулись дугою.

Перевернув тулуп, наш Янчи не сушился,
Но воду отряхнул и дальше в путь пустился.
Уж солнце спать ушло, а Янчи Кукуруза
Все без дороги шел степной травой кургузой.

И вот он вдруг забрел в урочище лесное.
Непроходимый лес кругом стоял стеною.
Там ворон падаль жрал и первым Янчи встретил
И карканьем его у входа в лес приветил.

Но не пугал его ни лес, ни ворон вещей.
Он шел, и мрак густел и становился резче.
Он шел средь темноты и видел на тропинке
Свет месяца, и шел без страха и заминки.

6

Уж время к полночи, наверно, приближалось,
Полоска света вдруг средь чащи показалась.
Взял Янчи на нее и видит — свет в окошке
В дремучей глубине на пешеходной стежке.

«Вот счастье, — думает, — как видно, двор заезжий.
Вот мне ночлег и кров в такой глуши медвежьей.
Наверное, корчма, благодаренье богу!
Переночую в ней и отдохну немного.»

Ошибся Янчи. Дом в густом лесу зеленом
Был не корчмой. Он был разбойничьим притоном.
Дом не был пуст, была полна народу хата, —
Двенадцать человек, как на подбор ребята.

Разбойники, ножи, секиры, пистолеты...
Кто б не струхнул при том? Ведь не игрушки это.

Но Янчи не робел и без малейшей дрожи
Поднялся в дом и стал в разбойничьей прихожей.

«Компании честной почет и уваженье!» —
Сказал он из сеней, помедлив в отдаленье.
Разбойники, вскочив, взялись за ятаганы,
Но удержали их по знаку атамана.

«Кто ты, — спросил вожак, — что дерзко, без тревоги
Переступил порог разбойничьей берлоги?
Родители твои, жена и сестры-братья
Поплачут о тебе, что ты так смел некстати.»

Но сердце не быстрее у Янчи стало биться
От этих грозных слов начальника станицы,
И он ему, при всей по вольнице разбойной,
Ответил не спеша, толково и спокойно:

«Кто жизнью дорожит, тому необходимо
Чураться ваших мест и в страхе ехать мимо.
Я с жизнью не в ладу и крест на ней поставил
И потому к вам путь без трепета направил.

Я все от вас приму, и если захотите,
Мне сохраните жизнь и на ночь приютите,
А если нет, ну что ж, губите невозбранно:
Презренной жизни я отстаивать не стану.»

Так он сказал. Его безмерная отвага
Поставила в тупик разбойничью ватагу.
«Вот это, братцы, хват! Вот это удаль-малый! —
Воскликнул атаман. — Тебя судьба послала.

Бедовый у тебя святой, клянусь я богом!
Природой создан ты, чтоб грабить по дорогам.

Ты презираешь жизнь и смерти не боишься.
Ударим по рукам — ты в нашу рать годишься.

Для нас забава — кровь, убийство, святотатство.
Награда же за труд — несметное богатство.
Вот бочка с серебром, а в этой вот дукаты.
Ну, что, хотелось бы тебе зажить богато?»

Какие б ни были у Янчи втайне мысли,
Но атаману он ответил, поразмысля:
«Согласен, по рукам. Вступаю к вам в дружину.
Сегодня лучший день моей судьбы кручинной.»

«А чтобы этот день еще был много краше, —
Прибавил атаман, — полней нальемте чаши.
Покойный поп знал толк в вине, и всем собраньем
Мы за его помин на дно баклаг заглянем.»

И заглянули так, что память всем отшибло,
Всей братией честной, всей вольницею гиблой.
Но тут, не будь дурак, наш Янчи в общем гаме
Знал меру и вино отхлебывал глотками.

Когда вино глаза разбойникам смежило,
Как раз настало то, что Янчи нужно было.
Разбойникам, кругом валявшимся вповалку
Сказал он: «Добрый сон! Мне вас тревожить жалко.

Усните, больше вам никто мешать не будет,
Пока на страшный суд труба вас не разбудит.
Вы многих жизней свет задули бессердечно.
Я наведу на вас за это сумрак вечный.

Теперь же — к золотым! Набью полну кошелку
И милушке снесу на самый край поселка.

Откупится она от мачехи сварливой,
Не будет больше ей рабыней терпеливой.

Посреди села хороший дом построю,
И милушку введу в него своей женою,
И заживем вдвоем, король и королева,
Как некогда, до нас, в раю Адам и Ева.

Но что я говорю? Не так я опрометчив,
Чтоб счастье строить, жизнь и душу искалечив.
На этих золотых кровавый знак насилья,
На них проклятья след. Мы их не накопили.

Нет, я не трону их, я рад, что голос строгий
Мне не велит их брать, благодаренье богу.
Нет, Илушка, прости, я снять хвалился бремя,
Но, видишь, не могу, неси свой крест со всеми.»

С горящею свечой, совсем не тронув денег,
Он вышел на крыльцо, спустился со ступенек,
Поджег со всех сторон нависшие стропила,
И пламя через миг всю крышу охватило.

Огонь взвивался ввысь и нес клоки соломы,
Лизали языки оконные проемы,
И звезды и луна затмились от пожара,
Все сделалось черно от сажи и угара.

При виде зарева зловещего на тучах
Шарахнулась сова, спугнув мышей летучих,
И стала крыльями над головою хлопать,
То облетая дом, то рушась в дым и копоть.

На утреннем ветру деревья шевелились.
Пожар уж догорал, развалины дымились.

На выжженной земле, свидетели рассвета,
Лежали средь золы разбойничьи скелеты.

7

За тридевять земель уносят Янчи ноги.
Забыл он о лесной разбойничьей берлоге.
Задумавшись, идет он, — глядь, пред ним неожиданно,
Откуда ни возьмись, солдаты, доломаны!

Гусары едут в ряд пред ним по перелеску.
Глядь, сабли наголо, отточены до блеска.
Гарцуют лошади жеманно и красиво,
Небрежно в лад шагам помахивая гривой.

Завидел Янчи их, и сердце так забилося,
Что у него в груди насили уместилось.
«О, если б, — думал он, — нашелся мне ходатай
И спросил бы их принять меня в солдаты!»

Лишь поравнялись с ним красивые мундиры,
Услышал над собой он окрик командира:
«Куда ты прешь, земляк, весь свет забыв в кручине?
Смотри, коней моих не задави, разиня!»

И Янчи отвечал: «Простите, ваша милость,
Мне заслоняет свет моей судьбы постылость.
Когда б я мог служить в команде вашей славной,
Я солнцу бы всегда глядел в глаза, как равный.»

Начальник возразил: «Мы мчим не на пирушку.
Мы едем на войну, а это не игрушка.
Французов турки жмут. Мы, дорожа союзом,
Во Францию спешим на выручку французам.»

И Янчи отвечал: «В столь доблестной затее
Я с вами разделить опасности сумею.
А смерть в бою сто раз я предпочту кончине
От беспокойных дум и горького унынья.

Признаться, до сих пор мне был конем осленок.
Я с детства в пастухах и пас овец с пеленок.
Но я венгерец, а венгерец гнет подковы.
Создав венгерца, бог задумал верхового.»

Речь Янчи, смелый вид, и рост, и живость взгляда
Понравились весьма начальнику отряда,
Он только посмотрел в его глаза живые
И тотчас же его зачислил в рядовые.

Нет слов, чтоб описать, как Янчи Кукуруза
Торжествовал, надев гусарские рейтузы,
Стянувши доломан и ментик перекинув,
И саблю из ножен сверкающую вынув.

Он сел на жеребца, и тот, бока запенив,
Стал искры высекать, как дьявол, из каменьев.
Но Янчи так прирос к седлу, что, взятки гладки:
Землетрясенье не испортило б посадки.

Он удивлял своих товарищей сноровкой,
Осанкою, огнем и выездкою ловкой,
И в деревнях, когда снимались со стоянки,
Смотрели вслед ему и плакали крестьянки.

Но сколько девушек в пути ни улыбнулось,
Все ж Янчи ни одна из них не приглянулась.
Хоть много разных стран объехали гусары,
Не встретил никого он Илушке под пару.

Шла армия вперед с беспечностью гусарской,
Достигнув глубины империи татарской.
Опасности таил гусарам край суровый:
Ту землю населял народ песьеголовый.

Их царь, нагнав гусар в дороге непроезжей,
Приветствовал гостей, как истинный невежа:
«Куда вы сунулись, глупцы и непоседы?
Известно ль вам, что все в краю мы людоеды?»

Их были тысячи, венгерцев очень мало,
И сердце у гусар от этих слов упало.
Добро, на счастье их, тогда в столице ханской
Гостил заступник их, властитель негритянский.

Он не согласен был с такою речью дерзкой,
Он помнил Венгрию и знал народ венгерский.
Когда-то молодым, в прогулке кругосветной,
Проездом в Венгрии он пожил незаметно.

На память о былом он смело и открыто
Взял сторону гусар и стал на их защиту.
Он, надобно сказать, был другом закадычным
С песьеголовым тем насильником владычным.

И он сказал царю: «Я знаю их. Ей-богу,
Все это — добряки. Оставь их и не трогай.
Пожалуйста, уважь меня и, мне в угоду,
Дай пропуск им чрез край для вольного прохода.»

«Всем услужу тебе, — воскликнул повелитель. —
И даже прикажу им дать путеводитель.»

Так он сказал, и в две каких-нибудь минуты
Велел им выписать удобные маршруты.

Хоть знали, что в пути им нечего страшиться,
Как ликовали все, достигнувши границы!
Приелись кушанья им тут одни и те же:
Лишь финики весь год да фрикасе медвежье.

9

Песьеголовую страну давно покинув,
Трусил конница под сенью розмаринов.
Тут были рощи их, Италии пределы,
Италия на них со всех сторон глядела.

Здесь, славы не стяжав для нашего оружия,
Венгерцы бедные боролись с лютой стужей.
В Италии зима всегда без перемены.
Солдаты шли в снегу глубоком по колено.

Но совладал гусар и с холодом и с бурей.
Все было нипочем выносливой натуре.
Чтоб не заоченеть, они с коней слезали
И на спину себе на время их сажали.

10

Дойдя до Польши, в ней гусары не стояли,
Проехали ее и повернули дале.
Хоть Индия лежит близ Франции вплотную,
Не так легко попасть из первой во вторую.

Индийские холмы становятся все круче
И в глубине страны скрываются за тучи.

Поближе к рубежу так вырастают горы,
Что служат небесам надежною опорой.

Понятно, что войска, вспотев на перевале,
Сорвали галстуки и доломаны сняли.
И шутка ли! Места, где так они томились,
В двух милях с небольшим от солнца находились.

Питались здесь одной лишь синевой надмирной,
Откусывая твердь, как леденец имбирный.
Когда ж хотелось пить, ручищами своими
Брались за облака, как за коровье вымя.

Не стало сил дышать. Они достигли гребня.
Стать и передохнуть все делалось потребней.
Бригада шагом шла, преграды попадались.
Все чаще лошади о звезды спотыкались.

И Янчи размышлял об этих звездах в небе,
Что в каждой заключен людской житейский жребий
И если чья-нибудь звезда с небес сорвется,
То жизнь его внизу земная пресечется.

Он думал: «Жалко, я не отличу по виду,
Какая изо всех тут мачехи планида.
С небесной крутизны, без дальних размышлений,
Я сбросил бы ее звезду в одно мгновенье.»

Снижался горный кряж. Свершали спуск по склону.
Воспрянул эскадрон, бодрее шла колонна.
Спадала духота, и легче всем дышалось,
И Франция внизу под ними показалась.

Французский край почти второй обетованный.
Он сущий рай земной и лучше Ханаана.
Вот на него зачем точили турки зубы
И вторглись в этот край своей ордою грубой.

Когда в страну пришла венгерская подмога,
Враг буйствовал вовсю, уже награбив много.
Тащили, что могли, — церковное убранство,
Лохмотья бедняков, имущество дворянства.

Пылали города, людей ловили в поле
И уводили в плен, чтоб посадить на колья.
Они и короля изгнали, низложили
И милой дочери единственной лишили.

В те дни его нашел в степи разъезд венгерский.
Он прятался, страхась расправы изуверской.
При виде короля в какой-то кофте рваной
Заплакали навзрыд гусары-ветераны.

Изгнанник говорил: «Теперь я нищ, как парий.
А я ведь был богат, как царь персидский Дарий.
На свете все пройдет, и я мирюсь, понятно,
С превратною судьбой, с потерей невозвратной.»

«Утешься! — убеждал венгерский полководец. —
Управу мы найдем на этот злой народец.
Резвятся пусть они, пускай оружием машут,
Но завтра у меня еще резвей попляшут.

Мы за ночь отдохнем, раскинемся привалом,
А завтра зададим острастку самохвалам.

И, голову тебе даю на отсечение,
Я край твой отвоюю за одно сражение.»

«Что край! — вскричал король. — Житье ли в одиночку?
Верните дочь мою, единственную дочку!
Ее турецкий князь похитил дерзновенно.
Я дам ее тому, кто дочь вернет из плена.»

Понятно, как от слов таких зажглись венгерцы.
У каждого из них сильней забилося сердце,
И каждый залетал мечтами в поднебесье,
О битве думая и грезя о принцессе.

И, может быть, среди них лишь Янчи Кукуруза
Не слышал этих слов венчанного француза.
Он думал, как всегда, об Илушке с печалью,
И помыслы его в других местах витали.

12

Наутро солнце, вновь взошедши по привычке,
Увидело внизу приготавленья к стычке.
То, что теперь под ним творилось на равнине,
Превосходило все, бывавшее доньше.

Сыграли зорю. Все, кто ночью был в дозоре
Или на койке спал, все оказались в сборе.
Точили палаша, звенели сабель сталью,
Поили лошадей, вели их и седлали.

Король стоял на том, чтобы идти со всеми.
«Оставьте, — слышал он. — Другим сражаться
время.

Повоевали вы, держали с честью знамя,
Пора на отдых вам, а очередь за нами.

На бога и на нас надейтесь. Мы клянемся,
Что к вечеру уже с победою вернемся.
Все возвратим, конец положим беззаконьям,
На трон вас возведем и вон врага прогоним.»

Начальник не любил с врагом игры и жмурок.
Как он сказал, так и повел отряд на турок.
Искать их не пришлось. Гонца к ним отрядили
И с помощью его войну им объявили.

Пришел назад гонец. Раздался клич горнистов,
И битва началась. Был шум ее неистов.
Звон стали, глоток гик и боевые кличи
Перемешались вмиг во всем многоязычье.

Пришпорили коней. Под выездкой военной
Поднялся частый стук подков попеременный,
Как будто это гул начавшийся сраженья,
Волнуя, участил земли сердцебиенье.

Турецкий вождь, паша семилошаднохвостый,
В две бочки толщиной, был небольшого роста.
Его распухший нос был сиз от перепоя,
Как спелый огурец осеннею порою.

Средь подначальных войск заметивши упадок,
Турецкий командир привел ряды в порядок,
Но армия его не двинулась ни шагу,
Увидевши гусар летевшую ватагу.

Атака их была нешуточной и жуткой.
Ряды сошлись лицом к лицу без промежутка.
Противник потерял при этом столько крови,
Что травянистый луг стал кумача багровей.

Мелькали там и сям бегущие фигурки,
И падали с седла зарубленные турки.
Но дрался все еще паша их толстопузый,
Пока не налетел на Янчи Кукурузу,

А тот уже кричал, скача ему навстречу:
«Ах, бочка сальная, ах ты, курдюк овечий!
Приятель, из тебя свободно выйдут двое.
Не хитрый это труд, сейчас я все устрою!»

И саблю с силою на толстяка обрушив,
Рассек он пополам увесистую тушу.
С седла свалились вниз две равных половинки.
Покинул мир паша, убитый в поединке.

Узнав про смерть паши и потому горюя,
В испуге турки прочь пустились врассыпную.
Быть может, до сих пор их пятки бы мелькали,
Когда б гусары их в дороге не нагнали.

Бегущим головы сшибал гусар-рубака,
Как в поле васильки или головки мака.
Все пали, и один лишь мчался без оглядки,
И Янчи припустил за ним во все лопатки.

То несся сын паши. У дерзкого пришельца
Белела пленница на чепраке седельца.
Она лишилась чувств от горести душевной.
Та пленница была французской королевной.

За похитителем гнал Янчи шибче серны
И вслед ему кричал: «Остановись, неверный!
Стой, или я в тебе отверстие пробуравлю
И к праотцам твой дух из тела вон отправлю!»

Не в знак смиренья сын паши остановился,
А потому что конь без сил под ним свалился.
Тут всадник спешился и, павши на колени,
У Янчи стал просить пощады и прощенья.

«Пощады, удалой мой богатырь, пощады!
Я молод, жизнь люблю, мне ничего не надо.
Взгляни, как молод я, и сжался надо мною.
Оставь мне жизнь одну, бери все остальное.»

«Ступай отсюда прочь, трусишка, а не воин!
Ты от руки моей погибнуть недостоин.
Все забирай с собой, своим расскажешь дома,
Какой конец пришел вам, роду воровскому.»

Тут Янчи слез с коня, без хвастовства и спеси
Почтительно шагнул к очнувшейся принцессе.
Она была без чувств ; теперь, придя в сознание,
Сказала, устремив на Янчи глаз сиянье:

«Освободитель мой, кто б ни был ты, бесценный,
Благодарю тебя. Ты спас меня из плена.
Я все тебе отдам, все сделаю, желанный,
И, если хочешь ты, женой твоею стану.»

Кровь, не вода текла в нем, не был он колодой,
В нем встрепелась вся горячая природа,
Но он смирил ее, припомнив ненароком
Об Илушке своей в родном краю далеком.

Он тихо ей сказал: «Мой друг, спешить не будем.
Поедем к твоему отцу и все обсудим.
Пускай поступит он по своему желанью.»
И с девушкой верхом поехал по поляне.

Когда приехали они на поле брани,
Садилось солнце и глядело на прощанье
Опухшими от слез и красными глазами
В пустую даль пространств с лугами и полями.

Была покрыта сплошь земля телами павших
И стаями ворон, покойников клевавших.
И солнце было так потрясено картиной,
Что поскорей ушло на дно морской пучины.

Близ поля прежде пруд блистал красой излучин.
Теперь он был, как кровь, багров и взбаламучен.
Сейчас в его воде проточной, у верховий,
Гусарский полк отмыл следы турецкой крови.

Когда гусары кровь с себя в пруду отмыли,
То в замок короля толпою проводили.
Тот замок, отнятый назад в бою жестоком,
От поля битвы был в соседстве недалеком.

Чуть в замке собрались его однополчане,
Приехал, опоздав, и Янчи на собранье.
Он королевну ввел и с нею стал у входа,
Как туча с радугой у края небосвода.

Не ждав ее в живых, король при встрече с нею
К принцессе бросился без памяти на шею.
Он долго с ней стоял в восторге непритворном,
Потом, опомнившись, сказал своим придворным:

«Чтоб ознаменовать счастливое событие,
На кухню поскорей за поваром сходите.

И этот чародей, умом своим раскинув,
Споровит ужин нам для этих паладинов.»

«Я здесь уж, мой король, — вмешался в общий говор
Случайно в комнату в тот миг вошедший повар. —
В соседней зале все накрыто по-французски.
Там дорогих гостей ждут вина и закуски».

Его слова для всех приятно прозвучали,
И заставлять просить себя они не стали.
Вокруг столов с вином, в чаду мясного пара,
Расселись без чинов немедленно гусары.

Как с турками они расправились нещадно,
Так обошлись с едой и влагой виноградной.
И диво ли, что так они проголодались,
Когда они с таким усердием сражались!

В разгаре пиршества и оживленной встречи
Приветствовал гостей король такую речью:
«Я нечто важное скажу вам в заключение.
Внимайте, речь моя исполнена значенья.»

Гусары, как один, оставили кувшины,
Чтоб вслушаться в слова седого властелина.
А тот отпил глоток, откашлялся немного
И начал речь свою торжественно и строго:

«Скажи, как звать тебя, мой доблестный воитель
И дочери моей достойный избавитель?»
Тот отвечал: «Меня звать Янчи Кукуруза,
И это прозвище ношу я без конфуза.»

Король заметил тут отважному герою:
«Не беспокойся, мы дадим тебе другое.

Мы в дом тебя введем, тебе мы станем тестем
И примем в рыцари и Яношем окрестим.

Ты дочку спас мою. Я думаю, законно,
Чтоб ты венчался с ней, взяв королеву в жены.
Я за тебя ее охотно выдам замуж.
Займи мой трон и мне наследуй, витязь Янош.

Я долго просидел на троне, долго правил.
Давно пора, чтоб я другим его оставил.
Я стар и болен стал в заботах государства.
Прошу, смени меня и с нею сам поцарствуй.

Я дам тебе свою корону золотую,
И ничего взамен ее не попрошу я
Сверх малого угла при замковой палате,
Где мог бы я дожить остаток дней у зятя.»

Так говорил король. Гусары молчаливо
Сидели, слушая, и лишь давались диву.
А витязь Янош встал и, будто бы в угаре,
Смутившись, отвечал седому государю:

«Спасибо, государь, за добрые желанья!
Но я не заслужил великодушной дани.
Хоть редко снится сон такой, когда мы дремлем,
Но для меня твой дар великий неприемлем.

Наверно, ты не ждал, что я его отрину.
Послушай быль мою, она тому причиной,
Что на любезный дар ответил я отказом —
Не буду в тягость я тебе своим рассказом?»

«Рассказывай, мой сын, без всяких отговорок,
Едва ли знаешь ты, как нам ты мил и дорог.»

Так ободрял король простого рядового.
Что Янош им сказал, повторим слово в слово:

14

«Сперва — как получил я имя Кукуруза?
Средь кукурузных гряд нашли меня, бутуза.
Та, что нашла меня и оказала помощь,
Так прозвала меня. Я стал ее приемыш.

Жена сквалыжника, большая сердоболка,
Однажды занялась на огороде полкой
И вдруг подобрала младенца-карапуза,
Который нагишом лежал средь кукурузы.

Я плакал, говорят. Она из состраданья
Решила взять меня к себе на воспитанье.
Любя ребят, она сама была бездетна,
Но муж был скуп у ней. С ним спорить было тщетно.

Как увидал меня, так, стыд теряя всякий,
Стал бедную жену ругать он, как собаку.
«Ты что, с ума сошла? Сокровище! Подкидыш!
Чужого все равно за своего не выдашь!»

А мужу та в ответ: «Еще б недоставало,
Чтоб он остался там, живой ребенок малый!
Когда б он там погиб, как я б могла своими
Губами призывать потом господне имя?»

Да надо рассудить, ведь это не змееныш!
Немного подрастет, окупится найденыш.
Он даровой чабан для вас, для овцевода,
И помощь мне в дому, — вот и вернет расходы.»

Сдавался злой ворчун, но на меня, по злобе,
Смотрел всегда потом он косо, исподлобья,
И если дел своих я чуточку не ладил,
Он батогом меня и так и этак гладил.

Так я и вырос бы среди пинков и брани,
Ничем не скрасив тьмы такого прозябанья.
Но я дружил с одной девчуркой белокурой, —
Мне радостью она была в той жизни хмурой.

Мать умерла давно у ней, у горемычной,
Женился на другой отец ее вторично,
Но умер вскоре вслед и он, и оказалось,
Что с мачехою злой она одна осталась.

Та девушка была мне розаном весенним,
Единственным моим всегдашним утешеньем.
Как я любил ее! Соседи в околотке
Нас звали ласково: приходские сиротки.

За то, чтобы ее увидеть было можно,
Я жертвовал легко ватрушкою творожной.
Как радовался я, когда я в день воскресный
Мог вместе с ней играть средь детворы окрестной.

Так дружно жили мы в ребячестве сначала,
Когда же я подрос, — как сердце заиграло!
За поцелуй ее или прикосновенье
Я был готов весь мир отдать без рассужденья.

Но мачехина злость, пинки и перебранки
Ей отравляли жизнь, — бог не простит тиранке!
Кто знает, что б еще с ней сделала старуха,
Когда б не я. Востро со мной держала ухо!

Но вот и для меня собачья жизнь настала:
Хозяйка наша жить нам долго приказала.
Не стало у меня той матери названой,
Печальницы, меня нашедшей, мальчугана.

Я жизнью закален и нравом не плаксивый,
Слезинку для меня пролить — большое диво,
Но на похоронах я плакал неумно
По доброй той душе, по матери приемной.

А Илушка, кого назвал я розой вешней,
Та плакала еще, быть может, неутешней.
Как было не рыдать? При жизни доброхотка
Старалась обласкать, где чем могла, сиротку.

Покойница не раз твердила перед смертью:
«Не беспокойтесь, я вас поженю, поверьте.
Ей-богу, поженю. Да что за шутки, право!
А пара-то из вас получится на славу!»

Слов тратить попусту бедняга не любила,
И если б не сошла сама от нас в могилу,
То обвенчала б нас, могу сказать наверно,
Ни мужа не боясь, ни той старухи скверной.

Но вот ушла она, и с ней ее обеты.
Для нас настала ночь без всякого просвета.
Как в памятные дни поры первоначальной,
Друг к дружке льнули мы средь этой тьмы печальной.

Но счастья не судил нам бог и отнял тоже
Последний луч надежд и благодати божьей.
Я стадо потерял, хоть овцы — не булавка.
Хозяин разругал меня и дал отставку.

Вернись в свое село, к оставленной невесте,
На эти деньги с ней живи беспечно вместе.

Я б не пустил тебя, но ты не уживешься,
Ступай, ведь ты и так к своей голубке рвешься,
А вы, его друзья, товарищи по роте,
Останьтесь с нами здесь, живите тут в почете.»

Так говорил король, так было в самом деле.
Все мысли Яноша домой в село летели.
Сказал принцессе он и королю: «Простите», —
И на корабль пошел, назначенный к отплытью.

Король и армия стояли у причала,
И свита долго вслед ему с мостков кричала,
Весь двор руками вслед ему махал со взморья,
Покамест не исчез корабль в морском просторе.

16

Шел по морю корабль, в нем Янош находился,
И ветер, в паруса вцепившись, выл и злился ;
Шел по морю корабль, прошедши много за ночь,
Но дальше залетал мечтами витязь Янош.

Он все перелетал, он несся без препятствий.
О встрече думал он, о будущем богатстве.
Он думал так: «Мой друг, тебе во сне не снится,
Кто по морю к тебе на корабле стремится.

К тебе спешит жених, чтоб браком сочетаться,
И больше мук не знать, и больше не скитаться,
И в радости зажить, и ею всех превысить,
И впредь ни от кого на свете не зависеть.

Хотя хозяин мой был скопидом и жила,
Я все простил ему, и все во мне остыло.
Притом повинен он в моем обогащенье.
Я щедро награжу его по возвращеньи.»

Вот Янош где витал своей мечтою смутной,
Покамест плыл корабль и ветер дул попутный,
От Франций вдали, в открытом океане,
От Венгрии ж еще на большем расстоянье.

Раз Янош вечером у вышки корабельной
Взад и вперед бродил по палубе бесцельно.
Матросам шкипер так сказал: «Заря румяна,
Ребята, не было бы завтра урагана.»

Но Янош не слышал, что молвили матросы.
Клин аистов над ним как раз в то время несся.
Шло дело к осени. Наверно, в те недели
Они из Венгрии, с земли родной, летели.

С восторгом он смотрел вослед их веренице.
Скрываясь вдалеке, на юг летели птицы,
Неся ему как бы далекие призывы
Красивой Илушки и родины красивой.

17

На следующий день, как небо предвещало,
С утра поднялся шквал упорный и немалый.
Плетями вихрь хлестал валы нетерпеливо,
Валя их кувырком и им косматя гривы.

Команда видела, что положение трудно.
Волна, как скорлупу, подбрасывала судно.

Крепился экипаж. Он знал — момент опасный.
Спасенья не было, и было все напрасно.

Вот черный смерч нашел, корабль в его капкане.
Бьют молнии, слепит их частое сверканье.
Удар в корму, еще удар, корма пробита.
Пропало все, конец дырявому корыту!

Обломки корабля плывут, куски обшивки,
Всплывают мертвецы, плывут снастей обрывки.
А где ж герой наш? Что предпринял Янош-воин,
Когда в корабль вода вбежала из пробоин?

Ведь смерть уже почти взяла его за горло,
И вдруг спасенья длань судьба ему простерла.
Все выше гребни волн, вода несет все выше,
Он достает рукой край облака нависший.

С какого-то в воде торчавшего осколка
Нацелившись, поймал он облако за холку
И полетел, вися на нем, покамест туча
Не врезалась концом в береговую кручу.

Он на землю сошел. Упавши на колени,
Вознес он господу за все благодаренье.
Что клад его пропал, в том он не видел горя.
Ведь главное, что сам не потонул он в море.

Вот огляделся он: на выступе стремнины
Тень грифова гнезда висела над равниной.
Заметив, что птенцов кормила птица злая,
Подумал Янош: «Вот кого я оседлаю.»

К гнезду подкравшись, он негаданно-нежданно
Одним прыжком вскочил на птицу-великана,

Пришпорил хищника, и тот раскинул крылья,
И горы и моря под ними вдаль поплыли.

Его бы сбросил гриф на дно глубин отвесных,
Когда бы сам в тисках не очутился тесных,
Но Янош обхватил ему бока умело,
И, воле вопреки, с ним птица вдаль летела.

Бог знает сколько стран мелькнуло по дороге.
Случайно солнце раз взошло на холм отлогий
И осветило вдруг внизу подъем неровный,
И колокольни верх, и сельский двор церковный.

Святые небеса! Он чуть не помешался.
То был поселок их. Поселок приближался.
Все ниже гриф летел, — его земля манила,
Он все искал, где сесть, он выбился из силы.

Вот опустился гриф усталый на пригорок.
И витязь Янош слез скорей с его закорок.
Он позабыл про все и, не простившись с птицей,
Шел, глядя на село и церкви черепицы.

«Без золота иду и не доvez подарка,
Но сердцем рвусь к тебе, — оно, как прежде, жарко!
А это, Илушка, всех царств земных превыше.
Сейчас увижу я тебя, сейчас услышу.»

Подобных мыслей полн, прошел он сельский выгон,
Вдоль виноградников околицы достиг он.
Бочонок прозвенел, и въехал воз в ограду.
Он понял: у сельчан день сбора винограда.

Навстречу ехали тяжелые подводы.
Никто не узнавал чужого пешехода.

Вот за угол он взял, где, по его расчетам,
Шла к Илушке тропа, и подошел к воротам.

Перехватило дух от первой же попытки
Открыть затвор, рукой притронуться к калитке.
С волнением справившись и замираньем сердца,
Шагнул он — и чужой народ нашел за дверцей.

«Я не туда попал, тут есть другая тропка», —
Решил он, повернув опять дверную скобку.
«Кого вы ищете?» — его в дверях светлицы
Спросила новая какая-то жилица.

Ответил он, кого. «О милосердный боже!
Простите, ваш загар, обветренная кожа,
Я не узнала вас, — растерянно, негромко,
И вся смутясь, ему сказала незнакомка. —

Прошу вас в дом. Зачем мы топчемся у входа?
Я расскажу вам все, что было в эти годы.»
И с гостем в дом войдя и севши у окошка,
Так продолжала речь, помедливши немножко:

«Неужто вы меня совсем не узнаете?
Девчурка, помните, боялась строгой тети?
В те годы к Илушке ходили часто дети...»
«Где Илушка сама, скорее мне ответьте!»

«Где Илушка? — вздохнув и утерев слезинки,
Переспросила эта женщина в косынке. —
Что, дядя Янчи, мне сказать? Она в могиле.
Не знали разве вы? Ее похоронили.»

Не рухнул на пол он затем, что слушал сидя.
Поник он, ничего перед собой не видя,

Но плакать он не мог. Прижавши к сердцу руку,
Он как бы сдерживал нахлынувшую муку.

Он долго так сидел, без всякого движенья,
И тихо вдруг спросил, как после пробужденья:
«Не замужем она? Нарочно, может, скрыли?
Я б это предпочел. Чтоб только не в могиле.

Я б увидал ее хоть раз еще единый,
И сладкой стала б мне тогда моя кручина.»
Но не дождался он от женщины ответа
И вздрогнул, заключив, что, значит, правда это.

18

И он закрыл лицо, чтоб горя скрыть улики,
И слезы полились рекой у горемыки.
Разбилась вдребезги вся жизнь, вся раскололась.
Он что-то говорил, и прерывался голос.

«Зачем я не погиб в бою от вражьей силы?
Зачем морская хлябь меня не поглотила?
Зачем я в мир пришел? Имело ль смысл родиться,
Чтоб это пережить и с этим примириться?»

И стала боль сдавать, как бы собой пресытись.
«Скажите, — спрашивал крестьянку Янош-витязь, —
Как померла она и по какой причине?»
«От безутешных слез, от долгого унынья.

Пока вас не было, ведь мачеха-ехидна
Вогнала в гроб ее напраслиной обидной.
Замучила совсем, на сиротинке ездя,
Зато сама теперь и мается в возмездье.

Все было Илушке без вас кругом постыло,
И вам она свой вздох последний посвятила.
Она шептала: «Вот я уйду отсюда.
Мой Янчика, не плачь, я там с тобою буду.»

Так перешла она в тот мир легко и просто.
Народу много шло за гробом до погоста.
Никто пройти не мог, не прослезившись, мимо.
Все плакали — она в селе была любима.»

«Скажите, где ее покоятся останки?»
«Пойдемте на могилу», — был ответ крестьянки.
На кладбище, один, расставшись с провожатой,
В безмолвье он упал лицом на холм покатый.

Иные времена он вспоминал и сроки,
Когда в ней все цвело, уста, глаза и щеки.
Нет ничего теперь, все смерти вихрь развеял,
Что он чрез жизнь пронес, что он в мечтах лелеял.

Шло солнце на закат, румяня край дороги,
Потом зарю сменил на небе серп двурогий.
Безрадостно луна смотрела из тумана,
Безрадостно он брел с могильного кургана.

Но он вернулся вновь. Среди трав и повилики
Рос на могиле куст — колючий розан дикий.
Он ветку отломил и с думой невеселой
Засунул черенок за отворот камзола.

«Из праха сироты ты вырос, цветик сирый, —
Сказал он, — будь со мной в путях далеких мира.
Я сохраню тебя в дороге кругосветной,
Покамест не пробьет мой смертный час заветный.»

Два было у него дружка в житейском море,
 Два спутника в беде: булатный меч и горе.
 Сидело горе в нем и грудь тоскою ело.
 А меч сидел в ножках, заржавевши без дела.

Сменилось много лун, валили зимы скопом,
 Пока он шел и шел по неизвестным тропам.
 Весной, когда земля была в цветном уборе,
 Сказал он одному из двух собратьев — горю:

«О горе, для чего всегда меня ты гложешь?
 Ты видишь, что меня ты доконать не можешь.
 Другого избери, других терзай, преследуй,
 Над теми, кто слабей, одерживай победу.

Не гибнут от тоски, — все это бабьи бредни.
 Не от тебя удар я получу последний.
 Неравная борьба, опасность и невзгода,
 У вас молю себе смертельного исхода!

Расстанемся добром, я сам тебя оставлю.
 И ты не мучь меня своей бесцельной травлей.»
 Так он сказал, с тех пор закрыв страданью двери,
 Стараясь вспоминать поменьше о потере.

С терзаньями тоски покончив в это время,
 Он жизни лишь тащил наскучившее бремя,
 Тащил, тащил и раз, весной, в дневную пору,
 Увидел воз в грязи среди густого бора.

Тот воз был гончара, — гончар готов был плакать,
 Что воз так глубоко увяз, ушедши в слякоть.

Гончар стегал коня по морде, дик и злобен,
А возу хоть бы что, — нейдет он из колдобин.

Вот Янош говорит: «Здорово, друг сердечный.»
Но злобно посмотрел ремесленник горшечный:
«Проваливай-ка ты с твоим здоровьем к чёрту!
С телегой я тут бьюсь уж скоро час четвертый.»

А Янош отвечал: «Не злись, мастеровщина!»
«Да как не злиться мне, дорога — что трясина.
С утра хлещу коня, обдергал все поводья,
Знать, приросли к земле колесные ободья.»

«Ну что ж, не унывай, твоей беде поможем.
А что там за большак бежит лесным изложьем?»
«Какой большак?» — «Да вон, мелькает между елок».
«Да это не большак, а так — глухой проселок.»

«Ну что ж, хотя б и он. Вон там, на повороте...»
«Да нет, чур вас туда! Пойдете — пропадете.
Никто не приходил оттуда цел-нетронут.
Там великаний край, там люди камнем тонут.»

«Я сам уж рассужу, — мне, думаю, виднее.
Давай-ка воз тащить. Возьмемся, да дружнее», —
Ответил Янош, сам схватился за нахлестку,
Оглоблю потянул и вытащил повозку.

Глаза у гончара расширились с тарелку,
А Янош это все считал пустой безделкой.
Стоял и вслед глядел горшечник, рот разинув,
А Янош шел уже в пределы испоинов.

Он шел и вдруг достиг границы пресловутой,
Где всем бывал капут, где гибли смертью лютой.

По рубежу земли поток кипучий мчался.
В другой стране бы он большой рекой считался.

У края на часах стоял детина ражий,
Служивый великан из пограничной стражи.
И Янош, вскинув взор, детину мерил снизу,
Как башни городской зубцы или карнизы.

Вдруг тот пробормотал: «Никак ползет разведчик?
А ну-ка поглядим, кто это? Человечек?
Знать, пятки неспроста чесались беспрестанно,
Сейчас я раздавлю его, как таракана.

Но саблю поднял вверх над головой лазутчик.
Не видел никогда жердяй таких колючек.
Ступил он на клинок и, ногу вверх отдернув,
Всею тяжестью в поток обрушился, как жернов.

«Он плюхнулся как раз как надо мне в канаву, —
Подумал Янош, — вот и мост для переправы.»
И, бросившись стремглав к громаде бездыханной,
Через воду перешел легко по великану.

Дозорный не успел еще пошевелиться,
Как Янош был уже на том краю границы.
Он саблею своей взмахнул со всею силой
И жилу разрубил на шее у верзилы.

Уж больше часовой с земли не подымался,
Глазами зоркими вперед не уставлялся.
Нашло на жизнь его внезапное затменье
На вечность целую, наверное, не мене.

Труп запрудил поток, и, хлынувши по телу,
Мгновенно вся вода от крови покраснела.

Что будет с Яношем? Терпеньем запасемся:
В свой срок мы не спеша до цели доберемся.

20

Все дальше Янош шел лесистым буераком,
Ошеломленный всем, и деревом и злаком.
В тех дебрях, что ни шаг, он видел тьмы диковин,
К которым он не мог остаться хладнокровен.

Деревья тут росли, и вширь и кверху пялясь,
Такие, что нигде их ветки не кончались.
А листья были в рост людской, и половины
Листа могло хватить на платье с пелериной.

Большие комары величиной с бугая
Летали тучами, дороги преграждая,
И сабле Яноша нашлось где разгуляться:
Он стаи их крошил, чтоб дальше продвигаться.

Величина ворон... Вот это птички были!
Одну он увидал на расстоянье мили.
Сидела на суку ворона, когти скрюча, —
Он принял издали ее сперва за тучу.

Так витязь Янош шел страной замысловатой,
Вдруг на небо легла косая тень заката.
То замок короля туземного мудреный
Полнеба заслонил зубцами бастиона.

Ворота были в нем — я смею вас уверить —
Такие, что никто не мог бы их измерить.
Но вот чем я могу пытливость успокоить:
Не стал бы великан ворот пустычных строить.

Стал Янош и стоит: «Построен замок ловко.
Наружный вид хорош. Посмотрим обстановку.»
Он по мосту прошел легко и без заминки
И замковых ворот раскинул половинки.

И что ж он увидал! Перед столом накрытым
Изволил их король обедать с аппетитом.
Но знаете, что их величество жевало?
Никак не угадать. Береговые скалы!

Чуть Янош увидал утесистые груды,
Не по душе пришлось ему такое блюдо,
Но великанский царь с улыбкой хлебосола
Стал потчевать его той пищею тяжелой.

«Раз, — говорит, — зашел, тебе не будет спуску,
Садись, не обессудь, и с нами камни лускай,
А то конец твоим всем потрохам-лохмотьям, —
Всего как есть тебя в одежде мы проглотим.»

Нельзя сказать, чтоб рад он был словам царевым,
Но Янош отвечал согласием готовым:
«Признаться, кручи гор глотать мне непривычно,
Но раз на то пошло, согласен я, отлично.

Чем не пожертвуешь для светского общенья?
Но сделайте тогда и вы мне одолженье.
Я — издали, в трудах пути уставший странник.
Прошу мне наколоть помельче ваш песчанник.»

Царь отколол ему на четверть нуда глыбу.
«Закусывай, — сказал, — соленой этой рыбой.
А на второе вот порфиновая груда.
Ее ты с толком ешь. Она — мясное блюдо.»

«Нет, — Янош возразил, — я погожу, а лучше
Ты сам прожуй и съешь свой жребий неминучий.»
И камнем угодил в висок царя так метко,
Что брызнули мозги фонтаном на салфетку.

«Ну, что, не прожевал? Застряло в глотке жадной?
Со смехом говорил он королю злорадно. —
Ты все шутил! Вперед наука зубоскалу:
Другому в рот не суй свои кремни и скалы!»

Тут великаний род был весь охвачен скорбью.
Подперши головы рукой и спины горбя,
Печалились они, тайком шепчась друг с дружкой.
Их каждая слеза была воды кадушкой.

И старший великан взмолился: «Бога ради,
Наш победитель, все мы молим о пощаде!
Будь нашим королем, у царственного стяга
Все в верности тебе мы принесем присягу».

«Он волю выразил и общий голос схода», —
Раздался в зале гул пришедшего народа.
И долго там и сям твердили в перепуге:
«Царь, смилуйся! Мы все твои рабы и слуги.»

И Янош отвечал: «Прослушав, постановим:
Я королевский сан приму с одним условием.
Остаться мне нельзя. Я дальше шаг направлю
И за себя у вас наместника оставлю.

Берите, кто вам люб, на должность запасную,
А я вас вот к чему за это обязую:
Понадобитесь вы, — на мой призыв далекий
Должны явиться вы в одно мгновенье ока.»

«Великий государь, возьми свистульку эту.
Как свистнешь, мы придем хотя бы к краю света!»
Как Яношу сказал из великанов старший,
Униженно припав к его руке монаршей.

Заслуженно гордясь своей победой громкой,
Засунул он свисток в дорожную котомку.
При множестве кивков и теплых пожеланий
Покинул он предел державы великаньей.

21

Как долго шел он, я понятия не имею,
Но чем он дальше шел, тем делалось темнее.
«Я в памяти, и я не сплю, но уж неделю
Не вижу я ни зги. Ослеп я в самом деле?»

Так Янош рассуждал, пришедши к заключенью,
Что наступила ночь иль он теряет зренье.
Он зренья не терял нисколько, и, однако,
Сходилась все плотней пред ним завеса мрака.

То было царство тьмы, и Янош, как незрячий,
Отныне дальше шел на ощупь, наудачу.
Он изредка слышал над головою шорох
Несущихся над ним каких-то стай бесперых.

Не крылья птиц над ним в полете трепетали,
А толпы ведьм верхом на метлах пролетали.
В бессолнечность, в страну беззвездья и безлунья
Слетались испокон на шабаш свой колдуньи.

Сюда на сборища для плясок до упаду
Столетиями они слетались кавалькадой.

Они и в данный миг собрались в сердце пуши,
Где лес непроходим и мрак черней и гуще.

Они теснились тут вокруг костра в пещере,
Как Янош подсмотреть успел сквозь щелку двери.
Потрескивал огонь сухих еловых сучьев,
И свешивался вниз котел с железных крючьев.

Когда подкрался он к собравшейся ораве,
Колдуньи были тут уже во всем составе:
На цыпочках, застыв у скважины замочной,
Смотрел он чуть дыша на сбор их полуночный.

Скача вокруг котла, сестрицы внутрь кидали
Лягушек,дохлых крыс и много всякой швали,
Цветы, кровавый мох с гнилого эшафота,
Людские черепа и пакостное что-то.

Покамест он смотрел на сцену их разгула,
Мысль невзначай одна у Яноша блеснула:
«Наверное, сейчас в пещере этой гадкой
Все ведьмы, сколько есть на свете, без остатка.»

Полез он за свистком, чтоб кликнуть великанов,
Но отскочил назад, взволнованно отпрянув:
Запуталась рука в каком-то колком хламе.
Он стал его впотьмах ощупывать руками.

То были лошади всей этой стаи храброй
У входа под скалу наваленные швабры.
Он их в охапку взял и снес подальше к шуту,
Чтоб ведьмы не нашли их в нужную минуту.

Тогда-то засвистал он в свой свисток карманный.
И только свистнул раз, явились великаны.

«Высаживайте дверь! Вперед, ребята, смело!» —
Скомандовал он им, и с петель дверь слетела.

Ну и галдеж пошел у ведьм и суматоха!
И в довершение бед, в чаду переполоха
Хватились метел — нет! Как мы их вой опишем
При этом бедствии, над ведьмами нависшем?

А великаны той порою не дремали,
Спасаящихся ведьм на всем скаку хватали
И ударили так об землю, взяв за ножки,
Что вышибали дух и плющили в лепешки.

И любопытно: чуть одна из ведьм кончалась,
Так постепенно тьма на небе прояснялась.
Редела мгла небес, лились потоки света,
Лучами солнца вся земля была согрета.

Последняя из ведьм, из чертова отродья,
Вилась между землей и солнцем на восходе.
Кого ж он в ней признал, взглядевшись в чародейку?
Бич Илушки, ее насильницу-злодейку.

«Ну, — вскрикнул Янош, — дай я эту сам
приплюсну!» —
Из великаньих рук рванув ее искусно.
Но ведьма не далась ему так просто в руки
И увильнула прочь проворнее гадюки.

«Чего стоишь, как пень? Лови, дурак, неловкий! —
Он гаркнул. И в момент смял великан чертовку
И, высоко ее подбросивши, как мячик,
Навеки излечил от всяческих болячек.

Труп ведьмы грохнулся, перелетев созвездья,
В родное их село, на улицу при въезде.
Все ненавидели ее и сторонились.
Вороны — даже те не каркали, ленились.

А в царстве тьмы с концом души ее змеиной
Установился день в честь ведьминой кончины.
И Янош, уходя, сжег метлы до единой,
Чтоб более о них уж не было помину.

С дружиною простясь и побежденным мраком,
О долге службы вновь напомнил он воякам,
И каждый великан ему ответил браво,
Потом он влево взял, а великаны вправо.

22

Так Янош двигался, пересекая страны.
Он больше не страдал. Закрылась сердца рана,
И не впивалась в грудь колючею занозой
С могилы Илушки обломанная роза.

Он за подкладкою хранил ее отводок.
В пути, когда на грудь склонял он подбородок
И мельком на нее посматривал украдкой,
Его охватывал какой-то трепет сладкий.

Так он однажды брел. За рощей солнце село.
Недолго полоса заката розовела.
Угасла и она и скрылась с глаз бесследно.
Дорого осветить ей вышел месяц бледный.

Уже зашла луна, когда шагавший Янош
Решил привалом стать на этом месте на ночь.

Не разбирая, где свалила с ног усталость,
Он как попало лег, чтоб отоспаться малость.

Он спал, не ведая, где он расположился,
А он на кладбище забытом находился,
На старом кладбище, где вольно, без ухода,
Царила, буйствуя и одичав, природа.

Как полночь пробило, открылись все гробницы,
И бледных призраков явились вереницы.
Их выдохнула глубь могил во всяких видах, —
В истлевших саванах и простынях-хламидах.

Они пустились в пляс, перелетая ямы,
И затряслась земля от топота и гама.
Ни песен их, ни их прыжков в тиши безлюдной
Не слышал Янош, — так уснул он непробудно.

Вдруг он замечен был одной плясавшей тенью.
«Смотрите-ка, живой! — вскричало привиденье. —
Захватим смельчака, похитим сумасброда,
Посмевшего придти в час нашего обхода.»

И сонмы мертвецов, сдвигая полукружье,
Столпились вокруг него, и кончилось бы хуже,
Когда бы нечисти, теснившейся в тумане,
Не разогнал петух, пропевший ранней ранью.

Проснулся Янош, весь от холода в ознобе.
Дул ветер и качал траву среди надгробий.
Встал Янош, посмотрел на плиты удивленно
И далее пошел дорогой нетореной.

Взобрался Янош раз на горную вершину.
Свет озарил верхи, не захватив долины.
Был дивный мир внизу в рассветной мгле раскинут.
Он ждал, что и туда лучи вот-вот нахлынут.

То исчезая с глаз, то появляясь снова,
Плыла звезда зари средь неба голубого
И скрылась, замерев, как тихий вздох упрека,
Чуть солнце поднялось, свершая въезд с востока.

Вкатившись в золотой, горящей колымаге,
Взглянуло солнце вниз, в простор недвижной влаги.
Казалось, вдалеке теряясь, гладь морская
Была объята сном, сном без конца и края.

Хоть море замерло, не тронутое зыбью,
Местами косяки его рябили рыбы,
Когда они, плещась, выкидывались стаей,
На солнце чешуей алмазною блистая.

На берегу морском была рыбацья хата.
Рыбак был старый дед, седой и бородатый.
Он только что хотел закинуть сеть с обрыва,
Вдруг Янош стал пред ним и вымолвил учтиво:

«Бог в помощь, дед! — сказал. Услуги мне не явишь?
Меня ты за море в челне не переправишь?
Я б щедро заплатил, да деньги буря съела,
Я в ноги поклонюсь, ты даром это сделай.»

«Хоть их имей, хоть нет, — ответил дед толковый, —
Не надо денег мне, на что их рыболову!»

Морская глубина родит довольно рыбы,
А это, сын мой, все, что надо мне, спасибо.

Но сам-то ты сюда, скажи, попал откуда?
Ведь это океан. Вот ты тут и орудуй.
У океана нет конца и нет начала,
И перевоза нет, чем ни дари, ни жалуй.»

Но Янош думал так: «Чем цель недостижимей,
Тем манит и влечет она неудержимей.
Я буду там, на зло преграде ненавистной,
Есть способ у меня: в свисток карманный свистну.»

Едва он просвистал, как тут же по призыву
Явился великан пред ним трудолюбивый.
«Скажи, ты можешь ли, — спросил он великана, —
Со мной успешно вброд пройти по океану?»

«Могу ли? — тот сказал смеясь. — По этой луже?
Взберись на шею мне и обними потуже.»
Послушно Янош влез, тот по земле потопал,
Чуть подвернул штаны и по воде зашлепал.

24

Они недели три уже в дороге были.
И шагом великан отмахивал полмили,
Но сколько он ни шел, при столь великой прыти,
Не видели земли они со дня отбытья.

Раз на заре, когда туман свиваться начал,
«Земля!» - вскричал он. Холм пред Яношем маячил.
Вгляделся великан и говорит: «Возможно.
Но то не материк, а островок ничтожный.»

Стал Янош спрашивать, чей остров в отдаленье,
И великан сказал, что это фей владенье,
Край света тут, конец, а там, за этой гранью —
Страна небытия, край несуществованья.

«Неси ж меня туда, мой преданный служитель,
На остров, к феям тем в волшебную обитель.»
«Ну, что же, — великан сказал, — могу, согласен.
Но ты имей в виду, что вход туда опасен.

Обдумай наперед, что ты себе готовишь.
Ворота стережет там несколько чудовищ.»
«Ты только донеси, а там, войду ли, нет ли, —
Я тоже не дурак лезть на погибель в петлю.»

И великан понес его беспрекословно,
На остров высадил, спустил на берег ровный.
Отвесил Яношу поклон, тепло простился
И тотчас по морю в обратный путь пустился.

25

У входа в царство фей передние ворота
Оберегали три медведя-живоглота.
Он сладил с ними и ушел из лап когтистых.
Недаром Янош встарь служил в кавалеристах.

«Достаточно пока, устрою передышку, —
Подумал Янош вслух, свалив меньшого мишку, —
Здесь на ночь протяну измученные члены,
А завтра дальше вглубь проникну непременно.»

Как и предполагал он по своим расчетам,
Назавтра подошел он ко вторым воротам.

У этих сторожа куда лютее были:
Привратниками тут три страшных льва служили.

У Яноша и тут был разговор короткий,
Он саблю выхватил, бросаясь к загородке.
Как яростно себя ни защищали звери,
Но испустили дух и эти у преддверья.

Гордясь одержанной победой справедливо,
Он далее решил идти без перерыва.
И от своих трудов еще покрытый потом,
Он к третьим подошел таинственным воротам.

Но, приближаясь, что увидел он с дороги ?
Чудовищный дракон валялся на пороге!
Дракон позевывал прожорливо и сонно.
Свободно шесть волов входило в зев бездонный.

Не робок Янош был и был умом не глупый,
Преграды брал судьбы, всходил на гор уступы, —
Увидел он, что тут отвага не годится,
Задумался, какой тут хитростью пробиться.

Понявши, что нельзя и думать о защите,
Решился Янош сам предупредить события.
Дракону прыгнул в пасть, влетел в отверстие зева
И сердце стал искать, вбежав в драконье чрево.

Он сердце саблею проткнул без промедленья.
Дракон рванулся, взвыл и рухнул без движенья.
Тогда возник вопрос, как выбраться из туши
Драконовой, чтоб не погибнуть от удушья.

В драконе просверлить проход был труд не малый,
Чтоб выйти из его нутра, как из подвала,

Но Янош справился, пролез, дыру проделав,
И радостно вступил внутрь островных пределов.

26

Нет ночи в царстве фей, нет ни зимы, ни снега.
Там дышат круглый год одной весенней негой.
Там не слышал никто об осени и лете,
Там алая заря, как утром на рассвете.

Там смерти нет, там дни весенних равноденствий,
Там тонут юноши и девушки в блаженстве.
Там не едят, не пьют, нет ни воды, ни хлеба,
И нежности любви — единая потреба.

Там горе слез не льет, но плачут от веселья,
И слезы фей текут в нутро земли сквозь щели
И образуют там, в глубинах зарождений,
Смарагдов залежи, алмазов отложенья.

От выжатых волос в глуби речного ила
Родятся россыпи и золотые жилы,
И золото течет по всем дорогам мира
В ведро старателя и в лавку ювелира.

Там дети фей плетут цветную ткань для радуг
Из шуток юношей и девичьих оглядок.
Когда достаточной длины навьют плетенье,
Обтягивают край небес для украшения.

Спят феи на цветах, и ветра колыханье,
Укачивая их, полно благоуханья.
От этих запахов все более пьянея,
Лежат и видят сны царицы края, феи.

Весь этот остров фей лишь тень их сновидений.
Еще пышнее их игра воображенья.
Впервые любящего первое объятье
Дает о жизни фей неполное понятие.

27

Сперва для Яноша на острове красивом,
На что б он ни глядел, все было сном и дивом.
Рябило так в глазах от розового света,
Что он не мог смотреть на близкие предметы.

Доверчивей детей, нисколько не робея,
К нему со всех сторон толпой сбегались феи.
Приветливо шутя и весело болтая,
Они его вели все дальше в сердце края.

Чем больше он смотрел на остров небывалый,
Тем больше пелена с глаз Яноша спадала.
Он вспомнил Илушку, и горе охватило
И стало грызть его с возобновленной силой.

«Здесь, средь чудес, в стране любви и единенья,
Брожу лишь я один угрюмой, скучной тенью.
Куда я ни взгляну, везде счастливых пары,
И в жизни только я лишен такого дара.»

На острове был пруд, иль озеро большое,
Он подошел к нему с печальной душою
И, в воду броситься решив у перевоза,
С груди своей достал сухой отросток розы.

«Цветок мой, — он с к а з а л, — мне к милой путь неведом.
Будь мне поводырем. Плыви, я брошусь следом.»

И бросил розу вглубь и сам за нею ныром
Готов был броситься, расставшись с этим миром.

Но что он увидал! Лишь роза погрузилась,
Как в Илушку она в воде преобразилась.
К воскресшей девушке он устремился в воду,
Чтобы спасти ее и вынести на свободу.

То было озеро живой воды, ключ жизни,
И воскрешало все, на что ты ей ни брызги.
Из праха Илушки был розан. Ключ встревожил
Дремавший в розе прах, проснулся прах и ожил.

Ни в сказке ни сказать, ни описать пером мне,
Как Янош ликовал, когда, себя не помня,
Он вынес Илушку в объятиях, волнуем
Трепещущим ее и первым поцелуем.

Как Илушка была прекрасна! Даже феи
Смотрели на нее без слов, благоговая.
И было решено всей островной столицей,
Чтоб Янош был царем, а Илушка царицей.

Так правит Янош там с царицею своею
Прелестным островом, где обитают феи,
Страною неги и любви, чудесным краем,
Балуем счастьем, народом обожаем.

Пешт, 1844

ПРОКЛЯТИЕ ЛЮБВИ

Куда ты, Баранго? О витязь мой, куда ты?
Зачем облекся ты в сверкающие латы
И почему, скажи, глаза твои горят
Светлей, чем сталь меча, и жарче ярких лат?

Далёко Баранго отправился, далёко,
Как будто мщением преследуем жестоко.
Но нет, не мщением, гоним любовью он,
Любовью светлый взор так жарко озарен.

Он любит, он влюблен. Любовью пламенея
К прекрасной Илдико, он полон только ею.
Лицо у Илдико самих небес ясней,
И звезды яркие тускнеют перед ней.

Влюбленный, он любил любовью огневою,
Любя, ее просил он стать его женою.
«Исполни три моих желанья, — так она
Ему ответила, — и я твоя жена!

Ты радуги кусок мне принеси для платья,
Чтоб в церкви под венцом могла бы в нем стоять я,
Ты розы алые сорви в саду зари,
Для брачного венца ты мне их подари.

Телегу Гёнцеля достань, чтоб в ней примчаться
Могла бы в церковь я — с тобою обвенчаться.
Исполни три моих желанья, и тогда
Супругою твоей я стану навсегда.»

Она еще всего и молвить не успела,
А храбрый Баранго уж принялся за дело.

На своего коня вскочил он на бегу
И через час привез ей радуги дугу.

Потом привез он ей багряных роз, которых
В большом саду зари нарвал он целый ворох.
Конечно, не легко к заре забраться в сад,
Но храбрость витязя не ведала преград.

И вот поехал он за Гёнцеля телегой.
С мечом в руках вскочил на небеса с разбега,
Так про себя решив: не отдадут добром,
Телегу славную добудет он мечом.

В прекрасном царстве фей дорожке всех сокровищ
Телега Гёнцеля, и тысячи чудовищ
Вокруг телеги той, разинув пасть, сидят
И, когти высунув, телегу сторожат.

Телегу Баранго просил у них учтиво,
Но все чудовища, вдруг ощетинив гривы,
Не слушая совсем его учтивых слов,
Оскалясь, прыгнули к нему со всех концов.

Сражался Баранго не год, а больше даже,
Пока не истребил чудовищной той стражи,
Пока не победил в упорном том бою,
В котором жизнь едва не потерял свою.

Отважный Баранго в окровавленных латах
В конюшне четырех нашел коней крылатых,
Он взял их под уздцы, спокойно вывел их,
В телегу Гёнцеля запряг всех четверых,

Потом алмазные зажал в кулак он вожжи,
Кнут, свитый из лучей созвездий, взял он тоже,

А своего коня он крепко привязал
К телеге позади и к милой поскакал.

А что же Илдико, прелестная девица?
Так думал Баранго: «Она в тоске томится!»
Так думал Баранго: «Ах, Илдико, мне жаль,
Что я разлукою поверг тебя в печаль.»

Да, по-змеиному печали жалит жало,
Но нам в разлуке быть совсем осталось мало,
В телеге Гёнцеля к тебе, как вихрь, я мчусь
И счастлив, потому что на тебе женюсь.»

Нет, Баранго, она нисколько не тоскует,
Другого милого она сейчас целует,
И муж есть у нее, есть и дитя давно,
А едешь ты иль нет, ей это все равно.

Напрасно верил ты коварной этой деве,
Она уж замужем за проходимцем Кеве,
Ничтожный негодяи владеет ею, той,
Которая всегда была твоей мечтой.

Как с витязем судьба обходится сурово!
Любимую свою в объятьях у другого
Увидел Баранго и словно онемел;
Не в силах говорить, стоял он и смотрел.

Смотрел, а сердце в нем сжималось, разжималось,
И постепенно кровь его разбушевалась,
Он вспыхнул, наконец, и грянул гнев, как гром,
Он выхватил свой меч, и он взмахнул мечом.

От страха вздрогнули и Илдико и Кеве,
Увидев витязя в таком ужасном гневе,

Лобзания прервав, уняв страстей порыв,
Они пустились в бег, объятая расцепив.

И кинул Баранго свой меч. Потом громово
Захохотал. Потом сказал такое слово:
«Не бойтесь, не убью вас этою рукой,
Не удостою вас я почести такой.

Нет, вас не поразит мой гордый меч, мой дерзкий,
Предательница ты, ты соблазнитель мерзкий,
И все, какие есть проклятия, зараз
По воле господы пускай падут на вас.

Да будет ваша жизнь отныне бесконечна,
Чтоб длились тяжкие страданья ваши вечно,
Пока комета вдруг не переломит ось,
Наш древний шар земной проткнувшую насквозь.

Пусть в камне превратит вас бог, чтобы, печалась
И мучаясь, сердца у вас не разорвались.
Ты, Кеве, соблазнил ее страстей огнем,
Так пусть горит всегда огонь в нутре твоём.

А ты, обманщица, лей слезы сожаленья,
И будут течь они до светопреставленья.
Пускай потоки слез текут из глаз твоих,
Пускай твое дитя, твой сын, потонет в них.

Пускай я тоже жить на свете буду вечно,
Чтоб, видя вашу боль, смеяться бесконечно!»
Так витязь Баранго, чтоб горе побороть,
Проклятье произнес. И внял ему господь.

И Кеве с Илдико вдруг сделались горами.
Вулканом Кеве стал и изрыгает пламя,

И вечно корчится от тяжелой муки он,
И вечно слышится его угрюмый стон.

А из другой горы, где Илдико томится,
Поток бурливых вод неистово струится,
И сына Илдико поток тот потопил,
И в дерево господь младенца превратил.

А славный Баранго стал вихрем, и ночами
Он над проклятыми проносится горами.
Рыдает Илдико, вулкан плюет огнем,
Хохочет Баранго в ответ. И это — гром.

Борьяд, 1845

ВОЛШЕБНЫЙ СОН

Я лодочник на бешеной реке.
Взлетает вверх и вниз моя лодчонка,
Как колыбель, которую в тоске
Качает нянька в злобе на ребенка.
Ты — нянька злющая моя, судьба!
Ты лодку без конца мою качаешь,
Ты бурей у причального столба
В неистовстве страстей меня встречаешь.

А я устал. Где берег? Далеко?
Быть может, ближе до водоворота?
Отраден дом, но я б уснул легко
И в омуте с такою же охотой.
Ни берега, ни бездны. Даль небес,
Да волны в лодку хлещут. Неужели
Нельзя ни в омут, ни на волнорез,
Ни умереть, ни твердо стать у цели?

Чей это голос? Что за дивный звук
Вплетается в привычный гул течения?
Чей дух, отбив весь круг геенских мук,
Уходит к небу, получив прощенье?
Ах, это лебедь тянет надо мной
И запекает гимн перед кончиной.
Воспоминанье, задержись, стой,
Как замиранье песни лебединой!

Я вышел из ребячества тогда
И был в счастливом возрасте подростка.
О, как напоминают те года
Рассвета заалевшую полосу!

В младенческой душе еще темно,
Но проблеск чувств уже ее румянит,
Как утром все давно озарено,
Задолго до того, как солнце встанет.

Я веровал, что все мои мечты
Способны сбыться, — и сбылись мечтанья.
Но я мечтал о малом, без тщеты,
Мечтал о друге, верном до скончанья.
Мой друг был верен ; в возрасте таком
Еще не портит нас своекорыстье,
Еще не выедены червяком
В саду души ее цветы и листья.

Мой друг был верен. С ним я осушал
Бокал своей восторженности ранней,
И в эмпиреях, как орел, витал,
Оглядывая сверху мирозданье.
Я всем владел, на что бросал свой взор,
Все, все принадлежало мне по праву:
И богача узорчатый ковер,
И звездная корона громкой славы.

Я в будущее веровал тепло
И думал, что оно уже настало.
Вдруг существо мое переросло
Тот мир, который сердце обнимало.
В действительности мир ли измельчал,
Душа ль моя взаправду углубилась,
Но в ней образовался вдруг провал,
Разверзлась пропасть, трещина открылась.

Она росла, и я уж не парил,
Душою преждевременно увянув.
Я захандрил и без надежд и сил

О будущем не строил больше планов.
Меня уж не манило ничего,
Постылыми мне стали все приманки,
Так потускнеет неба волшебство,
Когда протрутся звезды до изнанки.

На всех я дулся, был на друга зол,
И в тягость стал себе, как посторонний.
И от мирского шума я ушел
Куда глаза глядят, как от погони.
Стоянку сделав далеко в лесу,
Я долго прожил на своем привале.
Как описать прогалины красу
И тех существ, что тут кругом летали!

То были вереницы чудных фей.
Они всплывали где-то по соседству,
Со дна опустошенности моей,
И чем-то мне напоминали детство.
Я их просил помедлить хоть на миг,
Схватить пытаюсь хоть одну из стаи
И удержать в объятиях моих,
Но фей улетали, исчезая.

Они не возвращались никогда
И, словно воздух, были невесомы,
Но в сердце оставалась борозда:
Тоска и жалость, легкая истома.
И чем бесследней было и полней
Исчезновение бледных тех видений,
Тем краше мне казался мир теней,
Тем слаще наше странное общенье.

Я таял и насмешки возбуждал
Во всех своей хандрою беспричинной,

Лишь друг мой с грустью головой начал
И не смеялся над моей кручиной.
«Да что с тобой?» — он спрашивал, а я
И сам не знал причины отчуждения.
Я жаждал ведь, и не было питья,
Которое дало бы утоление.

Оскомину набил мне белый свет,
Земная красота мне надоела,
«Туда, туда, — твердил я, — в круг планет,
Где скрывшихся сестер моих пределы!
Дыша с семьей их воздухом одним,
Залью я жажды той огонь священный,
А если скроются они как дым,
Вдогонку я пушусь по всей вселенной.»

Весна была, и тьмы цветов и трав
Охватывали радугой поляну.
Они грустили, словно угадав,
Что, кажется, я скоро в вечность кану.
Я мимо них взошел на косогор
И загляделся в купол бирюзовый.
Я в синеву небес глядел в упор,
В средину неба, за его покровы.

Прекраснейшее в мире существо
Стояло в глубине. Мне видно было,
Что шепчут губы счастья моего
И как рукой она меня манила.
«Сейчас», — шепнул я, став на край крутой
Внизу зиявшей бездны стосаженной,
Но сзади схвачен чьей-то был рукой,
И навзничь я упал без чувств мгновенно.

Очнувшись, вижу: то же существо,
Что с неба улыбалось за минуту,
Внезапно, ни с того и ни с сего,
Стоит со мною рядом почему-то.
«С земли до неба, значит, только шаг, —
Я заключил, — раз я совсем недавно
Был на земле, и вот — на небесах,
И это предо мною ангел явно?»

Так думал я, но про себя, не вслух,
Боясь, что если разожму я губы,
То небо тотчас разлетится в пух
От одного лишь звука речи грубой.
Из страха потерять ее, с тоской
Я за руку схватил ее, с опаской
Обвивши стан ее своей рукой,
Как пламенем объятай опояской.

Я ею любовался без конца.
Как не ослеп, как сохранил я зренья
При свете лучезарного лица
И глаз ее горящих озаренье?
Глаза переливались, как сапфир,
И брови черной радугой сгибались,
И как нисходит ночь в полдневный мир,
По белой шее кудри рассыпались.

Отмалчивался я, и вдруг понес
О рае, небе, ангелах, Но скоро
Прочел в глазах у слушавшей вопрос.
Ей были чужды эти разговоры.
«Постой, — она сказала, — здесь не рай,
Мы на земле, я девушка земная.
Ты в пропасть бы свалился невзначай,
Не удержи я вдруг тебя у края.»

«Мы на земле! — вскричал я. — Решено.
И объяснений от меня не требуй.
Что небо, что земля, мне все равно,
Но там, где ты со мной, конечно — небо.
Но ближе сядь, позволь тебя обнять,
Чтоб все в тебе ответом мне дышало,
Ты собственность моя, ты — благодать,
Тебя давно мечта мне предсказала.»

Мы сели на вершине крутизны,
Беседуя. Она спросила, кто я.
«Я вздохом был до нынешней весны, —
Ответил я, — и жизнью стал с тобою.
Целуясь, я умру, но не горюй:
Ты воскресишь меня своею властью,
Вернув мне мой смертельный поцелуй.
Я вздохом был — и стал улыбкой счастья.»

Мы обнялись и замерли вдвоем.
Я упросил об этом без усилий.
Зачем в тот день мы бронзовым литьем,
Как статуи, друг с другом не застыли?
Прошли б века, не разлучая нас.
Восторг был несравним, неопишуем!
Как будто небо душу в первый раз
В меня вдохнуло этим поцелуем.

«Смотри, — шепнула, оторвав уста,
Мне девушка, — какие перемены!
Другое небо, и земля не та.
Что поцелуй наш сделал со вселенной!
Синее даль. Не так несносен зной,
Свежей в тени, и солнца свет лучистой,
Нас обвевает ветер неземной,
Нарядней розы, зеленее листья.»

«О да! — я согласился. — Ты права.
Не знаю, мы ль глядим проникновенней,
Иль жизнь неузнаваемо нова,
Но будем благодарны перемене.»
Таи средь простора вольного, одни,
Друг друга прерывая то и дело,
За розовой гирляндой болтовни
Мы не заметили, как солнце село.

Темнело. Солнце, тучи золотя,
Садилось за лиловые предгорья,
Вставал туман и подползал, пыхтя,
Лугами, как по высохшему морю.
В лучах зари утес горел огнем,
Подобно трону под багряной тканью.
Счастливые, стояли мы на нем
Четой венчанной в час коронанья.

Легко простились мы, два мотылька,
Не сомневаясь, что за тьмой унылой
Нам новый день готов наверняка,
Как верят в воскресенье за могилой.
Мы не давали клятв, идя ко сну,
Но поутру оказывались рядом.
Так прожили мы целую весну,
Уста в уста, грудь с грудью, взгляд со взглядом.

Так прожили мы лето. Каждый день
Был нам цветком на олимпийском пире,
И каждый час обозначал ступень
К блаженству, еле мыслимому в мире.
Увы, цветы все эти отцвели.
Будить воспоминанья нет причины.
Развейся, сон волшебный, сгинь вдали,
Как замиранье песни лебединой!

В дни осени поднялся ураган,
Тиранил рощи, оголял деревья,
Гнал листья ворохами вдоль полян,
Ногами их растапывая в гнев.
Вот так и наше счастье растоптал
Тот ветер, как последний из злодеев,
И нас обоих порознь разметал,
В разлуке розы наших щек развеяв.

Расстались мы. Я должен был уйти.
В осенний вечер, сумрачный и строгий,
Я, девочке моей сказав прости,
Взглянул еще раз на нее с дороги.
Я побежал, не видя сам, куда,
Лицо и грудь изранив в кровь о тернья,
Как надает изгнанница-звезда,
Отвергнутая небом в час вечерний.

Давно сошли царапины с лица,
Срослись порезы памяти упрямой,
На теле ни единого рубца,
И даже в сердце не осталось шрама.
Но тем-то мне, быть может, и больней,
Что, первая любовь, блаженство рая,
Волшебный сон тех незабвенных дней, —
Тебя я постепенно забываю!

Салксентмартон, 1846

ПИШТА СИЛАЙ

1

Давно погасло солнце над рекою,
И крепко спится всем в ночном покое,
Весь дом паромщиков затих, молчит,
И только Пишта Силай в нем не спит.

«Скажи мне, Пишта, отчего ты бродишь
И отчего ты ночь без сна проводишь?»
«Да уж какой, помилуйте, тут сон!
Могу ль я спать, когда я так влюблен.»

Луна взошла и встала над обрывом,
И вышел Пишта шагом торопливым,
Он в лодку прыгнул, в руки взял весло,
И к островку ту лодку понесло.

А островок лежит среди Дуная,
Весь словно сад весенний расцветая,
Но нет на нем прекраснее цветка,
Чем молодая дочка рыбака.

Старик рыбак, угрюмый и суровый,
Давно заснул в лачуге тростниковой,
А молодая дочка рыбака
Ждет Пишту на побережье островка.

Вот переехал юноша красивый,
Свою он розу обнял и, счастливый,
Поцеловал... Но тише! Я молчу!
Дразнить завистников я не хочу.

Да, поцелуй, вина он огневее,
Ум от него мешается, пьянея,
И Пиште он рассудок помутил,
И вот что Пишта милой говорил:

«Душа моя, голубка дорогая!
Ты — ландыш мой, ты — рыбка золотая,
Ты — луч звезды. Всю ночь мне подари,
Целуй меня ты насмерть до зари.

Две черных брови, согнутых могуче, —
Как пополам разорванная туча,
В разрыве тучи глаз голубизна,
И звездочка в голубизне видна.

Сплети венок из всех цветов вселенной,
Но все равно: моей любви блаженной
И тем венком обнять не мог бы я.
Так велика она. И вся твоя.

Моей любви конца нет и предела!
Ну, а твоей любви? Ответь мне смело.
И если есть конец или предел
Твоей любви, печален наш удел!

Знай, великан нас ждет в оцепененье,
Тот великан — страстей моих кипенье.
Чуть подойду к пределу, он тотчас,
Проснувшись, разорвет на части нас.»

Вот так паромщик спрашивал упорно,
Но взгляд ее, и нежный и покорный,
Девичий взгляд ему сказал в ответ:
«Моей любви предела тоже нет.»

Их разговорам долгим ночь внимала
И соловьиным щёлком отвечала,
А может, то не соловьиный щёлк,
А просто пылкий стук сердец не молк.

Но вот пора расстаться. Распрощались,
До завтрашнего вечера расстались,
К паромщикам поплыл он ночевать,
Она пошла домой, легла в кровать.

Молчало все. Луна к полям клонилась,
Телеги Гёнцеля оглобля опустилась
С вершины неба к горизонту, вниз,
Зато Наседка залетела ввысь.

Все сонною объято тишиною,
И даже ветер не шумит листвою,
Дуная волны блещут серебром
И тихо-тихо плещут о паром.

2

Веселый день базарный приближался,
И на базар старик рыбак собрался.
«Пойдешь со мной сегодня в город, дочь?»
«Пойду, отец, коль надо вам помочь.»

Впервые Лиди город увидала,
А дело было в пятницу, и знала,
Что пятница — несчастный день, и тем
Она была расстроена совсем.

Но сразу же она забыла эту
Такую нехорошую примету,

Когда увидела, как барчуки
Шутили с девушками у реки.

И к ней барчук какой-то обратился:
«Откуда ты, цветочек, появился?»
«На острове я рождена была,
И посреди Дуная я росла.»

Воскликнул он: «Я этот остров знаю,
Я сам рожден на берегу Дуная.
Скажи мне все. Ты влюблена? В кого?
Нет, нет! Люби меня, а не его!»

Она ему сказала: «Влюблена ли?
Я не хочу, чтоб вы об этом знали.
Но если все-таки вам надо знать —
Цыганка есть, идите погадать.»

Не многого добился он от Лиди.
Барчук надменный отошел в обиде,
Но девушка, не выдержав, нет-нет,
А изредка ему глядела вслед.

Умчались дни, как будто птичья стая,
Опять сидела Лиди у Дуная,
Кругом цветы пестрели без числа,
А Лиди сеть отцовскую плела.

И солнце, постепенно опускаясь,
В кусты береговые погружаясь,
Их красило багрянцем, желтизной,
Румяный плащ раскинув над рекой.

Вдруг — шорох за спиною. Встрепенулась
Мгновенно девушка и обернулась.

Кто это тут? Охотник молодой.
«Ты что здесь делаешь, цветочек мой?»

«Я сеть плету. Какой вопрос нелепый!
Вы сами видите, коль вы не слепы», —
Охотнику она сказала так.
Он к ней приблизился еще на шаг.

Он так ей молвил: «Ты хитра, спесива,
Лицом ты роза, речью ты крапива,
Какой была, такая и сейчас,
Ты жжешь огнем и слов своих и глаз.

А мы встречались, и меня ты знаешь...
Ужели ты так скоро забываешь?
Мы на базаре виделись с тобой.
Ужели я забыт, цветочек мой?»

«Вполне возможно, — Лиди отвечала, —
Что я вас где-нибудь уже встречала,
Но все же не изволите вы быть
Так хороши, что вас нельзя забыть.»

И что бы ни сказал барчук упорный,
На все ответ он получал задорный,
Но вовсе не был этим он смущен,
И на шалунью не сердился он.

Он даже не видал, как солнце село.
Опомнился, когда совсем стемнело,
И вдруг сказал: «Как от тебя уйти?
Мне в темноте дороги не найти!

Уж проводи меня ты, сделай милость,
Чтобы со мной несчастья не случилось.

Хоть до опушки леса проводи,
А там и в комнату мою зайди.»

Все выслушав, так Лиди размышляла:
Хорошего сказал он ей немало.
Зачем же ей невежливой с ним быть?
Неблагодарностью зачем платить?

Неблагодарной ни за что на свете
Она не хочет быть. И мысли эти
Ее спокойно привели к тому,
Что так она ответила ему:

«Идемте, сударь, тропка мне знакома.
Я не могу вас проводить до дома,
Лишь до опушки покажу вам путь,
А то меня осудит кто-нибудь.»

Они ушли. Когда вернулась Лиди,
К ней Пишта кинулся, из лодки выйдя.
«Где ты была? Пришлось мне долго ждать!»
Она не знала, что в ответ сказать.

3

И показалось Пиште вдруг, что странно
Она себя ведет. Страшась обмана,
Он стал внимательно смотреть кругом,
И подозренье зародилось в нем.

Оно так ненасытно, подозренье!
Прожорливое при своем рожденье,
Оно все новой требует еды,
Когда ж оно наестся — жди беды.

Так вот какое он задумал дело:
Залег в кустах тихонько, чуть стемнело,
И начал ждать. Чего же там он ждет?
Он сам не знал. Что случай принесет.

Недолго ждать пришлось. Барчук явился,
Поток речей сладчайших заструился,
И Лиди расцвела, похорошев,
И в сердце Пишты пробудился гнев.

Ах, если б только уговоры, речи!
Но барин обнял девушку за плечи,
Взял за руку, потупив нежно взгляд...
И сердце Пишты провалилось в ад.

Он выскочил, напал на господина.
«Убийца, жулик, негодяй, скотина!
Чужих невест, бесстыжий пес, крадешь!..»
И выхватил он из кармана нож.

Над барином занес он нож без страха,
Но тот прикладом со всего размаха
Соперника хватил по голове,
И Пишта растянулся на траве.

Когда же он в конце концов очнулся,
Тихонько поднялся и оглянулся,
Уже их не было. Подумал он:
«А вдруг все это только страшный сон?»

Какой там сон! Он весь в крови! В кромешной
Полночной тьме он горько, безутешно
Рыдал, и слезы с кровью пополам
Струились долго по его щекам.

Охотник заходил все чаще к Лиди,
Препятствий больше никаких не видя,
Не чувствуя ни страха, ни стыда.
Исчез бедняга Пишта без следа.

Где он теперь? В каких краях он бродит?
Нигде себе он места не находит.
Беднягу вихрь несчастья подхватил
И далеко от дома опустил.

Шел долго Пишта горестный, скорбящий,
В Баконьский лес вошел, дошел до чащи
И, от усталости не чуя ног,
Под старым дубом отдохнуть прилег.

Но отдыхало в чаще только тело,
Душа рвалась и отдыхать не смела.
Что тело? Пруд. Душа как рыбка в нем.
Спит пруд, а рыбка мечется кругом.

«Как видно, создан был я для разбоя.
Украшу виселицу я собою.
Счастливей у меня не будет дня,
Чем славный день, когда казнят меня.»

В душе мечту о гибели лелея,
Стал у дороги ждать он богатея.
У богатея золото одно,
А сердце Пишты храбростью полно.

Глядь, словно вихрь, летит из-за пригорка
Коляска, запряженная четверкой,

В коляске — господин, и двое слуг
Сидят на козлах: кучер и гайдук.

«Стой! — крикнул Пишта. — Стой! Пускай
хлопочет
О бегстве тот, кто скорой смерти хочет!»
Но смерти не хотелось никому.
Остановясь, они сдались ему.

На вид спокойный и неторопливый,
Он всех троих обшарил терпеливо,
Карманы их обчистил он до дна
И не оставил на стакан вина.

И крикнул: «Трогай!» — Но через мгновенье
Вновь кучера остановил в смущенье.
И кучер дернул вожжи, поражен.
«Не для разбоя, видно, я рожден.

Вот, получайте ваши деньги, барин!»
Был сбитый с толку барин благодарен,
Но думал, подозрением томим,
Что злой разбойник просто шутит с ним.

Нет, вот и деньги. Значит, не шутил он.
А после спину к ним поворотил он
И в темный лес, в глухую степь унес
И справедливый гнев и горечь слез.

Где он ходил, в каких краях бродяжил,
Об этом он и сам не ведал даже,
Судьба гнала его из края в край,
Но, наконец, он вышел на Дунай.

Вот к дому он паромщиков явился,
Который над протокою склонился,
А за протокою, невдалеке —
Рыбачья хижина на островке.

«Как ты мне изменить могла, как смела!
Но, может быть, потом ты пожалела
Того, который так любил тебя,
Который столько выстрадал, любя.

А если ты и вправду пожалела,
Я тоже позабуду это дело.
Будь мне верна теперь — и я прощу,
Ведь я люблю тебя, ведь я грущу.»

Подумав так, он в лодку стал садиться,
Чтоб в плаванье на островок пуститься,
Чтоб все скорее Лиди рассказать,
Чтоб думы все словами передать.

Но только лишь успел войти он в лодку,
Как кто-то сзади крикнул во всю глотку:
«Земляк, свежи-ка нас через Дунай,
И мы за то дадим тебе на чай.»

Он поглядел назад. Охотник, Лиди!
Чуть не упал в Дунай он, их увидя.
Он их узнал, хотя уже давно
Закат погас и сделалось темно.

Он постепенно овладел собою.
Они, полны довольства и покоя,
Садятся в лодку весело. И вдруг
Пред ними Пишта. О, какой испуг!

Налег на весла Пишта в иступленье.
Охотника и девушки мученья
Душевные нельзя и передать.
Они не знали, что ему сказать.

А Пишта греб, над веслами склонялся,
И остров постепенно приближался.
Вдруг Пишта начал в сторону грести,
Как будто сбился невзначай с пути.

«Куда? — спросил барчук, когда заметил. —
Назад?» — «Нет, барин, — он ему ответил. —
Я вас везу в речной простор, вперед,
Чтоб там у вас потребовать расчет.»

И лодка мчалась, воду раздвигая,
И посреди могучего Дуная
Весло, уже ненужное ему,
Он выбросил и прыгнул на корму.

«Мне жизнь моя, признаться, надоела,
Из жизни этой ухожу я смело.
Но вы всему виной, и в мир иной
Придется вам последовать за мной.»

Он опрокинул лодку, и все трое
Мгновенно оказались под водою.
И Пишта, девушку обняв, затих,
Чтоб вместе улетели души их.

Вдруг видит он, что уплывает барин.
«Нет, не уйдешь живьем», — подумал парень.
Догнав его и за него схватясь,
Он вместе с ним пошел на дно, борясь.

Салксентмартон, 1846

ШАЛГО

Меж Гёмёром и Ноградом простерлась
Лесистых гор темнеющая цепь
И смотрит вдаль, как ставший у обрыва
Увенчанный косматой гривой лев.
На этой высоте в дни непогоды
Седые караваны облаков
Нередко отдыхают по дороге.
Здесь в мастерской кузнец небесный, гром,
Выковывает молний злые стрелы
Бушующему божеству грозы.
Здесь замок Шалго высился зубцами
И дерзкою рукой, как великан,
Тянулся к небу, похищая звезды.
Но, небо подпирая головой,
Внутри таил он тартар, ад крошечный.
Тяжелые шаги веков давно
Свалили башен каменную кладку.
Лишь там и сям развалины стены
С печальным видом коротают время,
Как после долголетних кутежей
В пустыню удаляется отшельник.
Сюда взошел я летом как-то раз
И сел поразмышлять среди обломков.
Был светозарный, бесподобный день.
Как птица, улетевшая из клетки,
Носился беспрепятственно мой взор
По многоверстным темно-синим далям.
Везде, везде, на пасшихся стадах,
В воде ручьев, на сельских колокольнях
Широкий, ровный солнечный поток
Дробился, ослеплял, переливался.

Но я был полон образов других.
Обрывки незапамятных преданий
Закрыли от меня весь горизонт.
Передо мной роились привиденья
И мгlistой дымкой призрачно мелькал
Кровавый страшный мир средневековья.

Настал четырнадцатый век. Наш край
Покрылся мраком беспросветной ночи.
За Эндре Третьим вымерла вся ветвь
Арпадов. Солнце славы закатилось.
Пошли междоусобья. В вихре смут
Всплыла вся муть со дна, а в мутных водах,
Известно, рыба ловится легко.
Исчезла, вывелась любовь к отчизне.
Святыню потерявшие сыны
Топили Венгрию в потоках крови,
Забыв, что это их родная мать.
Все одичали. Чуть не каждый замок
Был обращен в разбойничье гнездо,
Где пировали, как бы потешаясь
Над стонами несчастных деревень,
Испуганно ютившихся в долинах.
Так отвечает хохот зимней вьюги
На тихий плач осеннего дождя.
Петр Комполти был господином в Шалго.
В округе только на ухо, дрожа,
Произносить решались это имя.
Что приглянулось — он тащил к себе,
А где сопротивлялись — он в отместку
Сжигал дома, стерев с лица земли.
Достойными помощниками были
Отцу в его злодействах сыновья
Иов с Давидом. Не было владений
В окрестностях, где б он не побывал

С потомством, не ронявшим родословной.
И вот они втроем теперь лежат
Пред винной бочкой на медвежьих шкурах,
Которые накинута на себя
При первом кличе боевого рога,
И обсуждают, на кого напасть.
Они лежат и пьют. Вино сгущает
В их жилах без того густую кровь,
Что слепо мечется у них по жилам,
Как мечутся кометы между звезд.
И вот отец орет: «Подыдем кубки!
Здоровье Геде! Да поможет бог,
Мы завтра в ночь к нему нагреем в гости!»
«Здоровье Геде!» — вторят сыновья,
И гулко повторяют своды замка,
Как будто разбудили свору псов
И лай пошел, надорванный, протяжный,
И долго, долго тьявканье стоит,
Покамест псы, охрипнув, не устанут.

Молчит, как вымер, замок Гедевар.
Подобно крышке гроба на усопшем,
Лежит на нем ночная тишина.
Но кто не спит в полночный этот час
В глухих стенах немого Гедевара?
Любовь к стране и женская любовь,
Две лучшие звезды на звездном небе,
Не знают сна. Пусть в целом мире спят,
Заботы об отечестве не дремлют
И прогоняют сон у Геде с век.
Тем временем как он при тусклой лампе
Обдумывает будущность страны,
Стоит в соседнем зале на коленях
В благоговейных думах и слезах
Его жена, красавица Перенна,

И молит бога, чтобы он послал
Земле венгерской радость: ведь покамест
Не будет счастья всей родной земле,
И муж ее не будет ведать счастья.
Но вдруг, услышав близкий лязг мечей,
Она в испуге вскакивает с полу
И входит к мужу, бледная как смерть.
И в тот же миг в другую дверь заходит
Петр Комполти, держа в руке свой меч,
И объявляет: «Добрый вечер, Геде!
Мы в гости, видишь, прибыли к тебе.
Твое гостеприимство безупречно,
И гостю, верно, ты предложишь сам
По доброй воле все свое богатство.
Но наш приход застиг тебя врасплох?
Ты удивлен? А это объяснимо.
Подкуплен твой привратник и открыл
Ворота Гедевара. Нас тут сотня,
Пойми, сто человек, как на подбор.
Твою дружину уложили в лежку.
Ребята спали богатырским сном,
И мы им без труда скрутили руки.
Так не скупись, все подавай сюда!
Но, может быть, ты мне еще не веришь?
Так посмотри!» Он двери распахнул
И показал на сто вооруженных
С Иовом и Давидом впереди.
«Завладевай, разбойник, всем, что сыщешь! —
Сказал с презреньем Геде. — Ну, а ты,
Дитя мое, ступай в свою светелку
И не страшись, я защищу тебя,
Сокровище мое и драгоценность!
Лишь ты мой клад, все остальное прах.
Пусть давятся моим добром мерзавцы!»
Петр с шайкою на розыски пошел.

Все разбрелись по замку, кроме братьев.
У них же, видно, отнялся язык,
А то б они, наверное, спросили:
«Что это значит? Где мы? Это сон?
Что за мечта сошла с небес па землю?
Какая фея из страны чудес?»
И вот прошел столбняк. Как по команде,
Послушные чему-то одному,
Рванулись оба к комнате Перенны.
Но тут им муж дорогу преградил.
Он страшен был, как ангел перед раем
С вращающимся огненным мечом.
«Назад! — предостерег он громко братьев. —
Здесь смерти и отчаянья слуга
Несет охрану этой чистой двери
И стережет священный этот вход.
Назад! Ни шагу дальше! Прочь с порога!»
Но ни взволнованная речь, ни взгляд,
Ничто не удержало негодяев!
«Опомнись! — крикнул яростно Иов. —
Ты мне грозишь? Ты стал мне на дороге?
Когда б держал ты даже сто мечей
И сто смертей оскалилось на каждом,
Я б через них пробился! Берегись!»
И лезвием стуча о лезвие,
Они схватились. Все перемешалось.
Тем временем, пока шел бой, Давид
Пробрался незамеченно к Перенне,
Которая не помнила себя
От ужаса. И в этот миг раздался
Предсмертный чей-то вздох и чей-то вскрик:
Вскрик женщины, предсмертный вздох
мужчины,
Вскрик жертвы у Давида на руках,
Вздох умиравшего ее супруга.

На полдороге между Гедеваром
И Шалго — замок Хайначкё. Была
В глубокий сон погружена природа.
Лишь сторож на дозорной каланче
Старался не дремать, и то вполглаза,
И то с трудом. Песочные часы
Показывали полночь. Тишь. Ни звука.
Но что за шум прорезал тишину?
Он с каждым шагом явственней и ближе.
Перекрестился сторож и глядит
С отяжелевшим сердцем вниз в долину.
Что это может быть, как не возня
Злых духов? Полночь — время привидений.
И вот он видит: золотой парчой
Лежит на замке свет луны, а ниже
Серебряной парчой лежит туман,
И мгла и месяц обнялись друг с другом,
Как будто две влюбленные души.
Дорогою из Гедевара в Шалго
Несется с женщиною на руках
Какой-то всадник. Незнакомка в белом,
С копною черных взвихренных волос,
Рассыпавшихся прядями. А сзади
Им вслед другой какой-то верховой.
Виденье промелькнуло так мгновенно,
Что показалось часовому сном,
Когда он отоспался после смены.

Когда с чудесною своей добычей
Примчался в Шалго наконец Давид,
То пленница лежала без сознания
В седле пред ним. Она лишилась чувств
От горя, быстрой скачки и испуга.
Он снес ее на мягкую постель
И стал за ней ухаживать, как мальчик

За выкраденным из гнезда птенцом.
Ошеломленный этой красотой,
Он говорил: «Когда бы наш творец
Дал вместо головы мне купол неба
Со столькими глазами, сколько звезд,
Я на тебя глядел бы ими всеми,
Глядел и наглядеться бы не мог.
Кто ты? Откуда так до слез знакомы
Твои черты? Где я тебя встречал?
Я что-то вспоминаю, вспоминаю.
Мы виделись. Постой. О, как давно!
Я мал был, сердце обливалось кровью
При виде лани раненой. В те дни
Любил бродить я по дремучим чащам.
Вот, вот когда ты попадалась мне.
Я на траве дремал. Как усыпляло
Ее благоуханье! И сквозь сон
Я видел, как ко мне ты наклонялась,
Склоняясь, словно радуга к земле.
Я узнавал твой серебристый голос,
И руки простирали к тебе в тоске,
И — просыпался. Тут ты исчезала,
Мелькая в чем-то белом вдалеке.
Я в гору за тобой взбегал вдогонку
И останавливался наверху
Как вкопанный: ты на меня глядела
С далекой, беспредельной высоты
Большой звездой вечерней с небосвода.
Но детство улетело навсегда
И тихий мальчик стал головорезом.
Но я тут говорю и говорю
Без умолку, а ты меня не слышишь
И рухнувшей статуей лежишь.
Что, ты жива или мертва? О только
Не умирай! Пусть больше на земле

Не будет никогда цветов и весен,
Лишь ты не умирай! О, наконец,
О, наконец, глаза она открыла!
Но что за взгляд! Что тут? Литейный двор,
Где миру солнца мастерит зиждитель?
Вселенная сгорит дотла, едва
Пойдут вращаться оба эти солнца!»
«Довольно, брат! Довольно, мой черед! —
Иов прервал Давида, — он приехал
Как раз в тот миг. — Мы будем сообща
Владеть с тобой жемчужиною этой.»

Перенна ожила, бросает взор
Блуждающий кругом, зовет супруга:
«Мой муж! Я вижу тут чужих мужчин.
И комната не наша. Все чужое.
Мой друг, не оставляй меня одну!
Мне страшно без тебя! Где ты? Откликнись!»
«Твой муж отсюда очень далеко,
Красавица, — сказал Иов. — Напрасно
Ты б стала ждать его. За этот срок
Увянут прелести твои. Послушай,
Забудь его, предайся лучше нам.
Дай нам вкусить, что муж твой безраздельно
Забрал себе, похитив у небес.»
«Назад, подлец! — воскликнула Перенна.
Прочь от меня! За каждый шаг ко мне,
За каждое мне сказанное слово
Отмстит мой муж, когда вернется он!»
«Да, если он вернется, — возражает
Иов с усмешкой, — но ведь я сказал —
Он страшно далеко. Ему с песчинку
Казаться должен этот шар земной.
Короче, полно ждать, он не вернется.
Мой меч в крови, и эта кровь — его.»

Я сам убил его своей рукою.
Итак, теперь ты освобождена
От рабских уз супружеского долга.
Так пользуйся свободой. Вместо двух
Как раньше, рук теперь хотят четыре
Тебя в объятия страсти заключить.»
Перенна, побледневши, цепенела,
Как мертвой зимней ночью куст в степи
В снегу, без листьев. Неподвижным взором
Она смотрела на преступный меч,
Запятнанный такой родною кровью.
Но был обманчив временный покров
Беспамятства ее и омертвенья!
Как подо льдом замерзшая река,
Рыдала в ней душа, металась, билась,
Стучалась в стенки тела, в сердце, грудь
И — вырвалась! Как столб огня и дыма
Из огнедышащей горы, взвилась
Ее тоска. Проклятье за проклятьем,
Одно другого горше и страшней,
Посыпались на голову убийцы.
Но тот стоял, как под дождем цветов,
И, наконец, вскричал: «Ты не поверишь,
Как хороша ты в гневе! Я б желал,
Чтоб каждый день ты выходила замуж
И мужа у тебя я убивал,
И каждый день купался в водопаде
Твоих ругательств, не боясь того,
Исполнятся иль нет твои проклятья.»
Тогда Перенна бросилась к ногам
Давида и, обняв его колени,
Взмолилась: «Сжался, защити меня!
О юноша, ты смотришь человечней,
Чем этот дьявол. Хочешь, полюблю
Тебя, твоей рабыней верной буду,

Но защити меня от сатаны,
Не отдавай меня убийце мужа!»
«Я защищу тебя, — вскричал Давид,
Ее прижавши к сердцу, — светлый ангел,
Благословенье детских снов моих!
Я защищу тебя ценою жизни
И грудь свою подставлю под удар,
Я — щит и панцирь твой, на них наткнется
Любой, кто лишь приблизится к тебе!
Имей в виду, мой брат Иов, запомни!»
«Как бы не так! — вскричал Иов, сверкнув
Глазами. — Это против уговора!
Всегда добыча общая у нас,
И женщина не будет исключением.
Но если хочешь, вот мой острый меч,
Которым я снабдил ее супруга
Проездом на тот свет. Ну как ? Начнем?»
Сошлись вплотную братья, предоставив
Решающее слово двум мечам,
И в этот миг отец вошел в хоромы.
«Остановитесь! Стойте!» — он вскричал.
«Будь нам судьей, — сказал Иов, — ты видишь,
Брат хочет пленницей владеть один,
А это не по нашему уставу.
Я с ним поспорил. Разве я не прав?»
«Ничтожества! Из-за такого вздора
И в драку? — заорал на них отец. —
И я, по-вашему, судья, посредник
В подобных пустяках? Что ж, хорошо:
Я разрешу ваш спор. Добыча будет
Ничьею — ни твоею, ни его.
Для простоты мою будет баба.
Вы поняли?» И выпали из рук
Мечи у сыновей. Почти с шипеньем
Кровь бросилась в лицо им, как шипит

Вода в реке от попадания молний.
Они ворчали, но отец сказал:
«Что там еще? Кому охота дуться,
Когда Петр Комполти прикажет: «Цыц!»

Приходится дивиться, из чего
Бог создал человеческое сердце.
Как не разорвалось оно от мук,
Постигших сразу бедную Перенну!
Она под стражей в Шалго пять-шесть дней,
Но каждый день казался ей столетьем;
Страданье миг растягивает в век.
То скорбь по мужу ей томила душу,
То дикий страх ей душу леденил,
То поглощали мысли о побеге,
Чтоб подлому убийце отомстить,
И все напрасно: время проходило,
И не было возможности бежать.
Тут подоспел тягчайший из ударов.
Петр Комполти вошел к ней и сказал:
«Ты, несомненно, с сатаной в союзе.
Я околдован, госпожа моя.
Ты с каждым часом нравишься мне больше
И, как там хочешь, будешь мне женой.»
«Согласна», — отвечала так Перенна,
Как будто ангел смерти возвестил:
«Петр Комполти, твой час последний пробил!»
К себе Давида вызвавши тайком,
Она спросила юношу: «Признайся,
Твоя любовь действительно любовь,
Иль ты блуждающим огнем обманут?
И если правда ты меня любил,
Скажи, ты любишь ли меня доныне?»
«Люблю, — ответил юноша, — люблю,
Как любит ручеек свою лощину,

Как любит высь небесную звезда
И червячок — малину! Как добиться
Твоей любви, как мне ее достичь?»
«Есть способ, есть, — ответила Перенна. —
Твой брат — убийца моего супруга.
Отец твой сватается за меня.
Он ненавистен мне, как тот убийца.
Ты любишь, говоришь, меня? Так знай:
Спаси меня от этих двух злодеев,
Обоих погуби, и я твоя.»

Любовь, любовь, извечная загадка!
Ты, как река, уносишь на себе
Красу цветов, и грязь, и муть, и тину
Из омута речного одного,
Тот омут — человеческое сердце.
Ты — океан, которого никто
Не переплыл, ты глубина, которой
Никто не мог постичь, ты великан
Из великанов. Вот, подобно морю,
Ты разлеглась безмерной синевою,
И звезды полным счетом, до последней
Отражены в тебе. И вдруг, смотри:
Все духи ада, схватываясь в драке,
Катаются клубками по тебе.
Любовь, ты всемогуща! Ты всесильна:
Ты превращаешь в ангелов людей,
И в бесов — божьих ангелов, и бесам
Обличье человека придаешь.

Безмолвная, безоблачная ночь.
В венце из звезд спокойно смотрит месяц
На землю, а на ней совершено
Отцеубийство и братоубийство.
В отцову спальню вполз змеей Давид,

Дрожа, откинул полог пред кроватью.
«Он спит. Какая кротость на лице! —
Подумал сын. — А днем, когда проснется,
Не человек, а дьявол, Вельзевул!
Иль мне таким его рисует совесть,
Трусливый сторож мой, незванный гость?
Прочь от меня, я глух к твоим веленьям.
Напрасно поднимаешь ты свой перст.
Оставь! Смотри — раз, два, и все готово.»
Давид за горло спящего схватил,
Сжал с силой, — небольшое содроганье,
Хрип еле уловимый, и — конец.
И прочь пошел Давид, задернув полог.
Но у порога повернул назад —
Увериться, недвижим ли покойник,
Не ожил ли? Он к ложу подошел,
Но полог приоткрыть он не решился.
Едва дыша, он побежал бегом
К Иову, разбудив его шагами.
Но раньше, чем успел очнуться тот,
Кинжал с его стены у изголовья
Уже торчал в его груди. Удар
Был не смертелен. Брат шагнул, шатаясь,
К Давиду, но удар мечом по лбу
Свалил Иова. Обливаясь кровью,
Он рухнул наземь. Бросив меч, Давид
Из комнаты пустился без оглядки,
Как будто сотни тысяч ведьм, чертей,
Всего, что есть ужасного на свете,
Неслись за ним вдогонку по земле
И воздуху. И на задворках замка
Забился в угол и закрыл глаза.
Увы, и сквозь опущенные веки
Он видел их. То бледного отца,
То рядом окровавленного брата.

Они теснились в ярости к нему,
Впивались в грудь, вонзали в тело когти.
Он с криком растянулся на полу.
Когда очнулся он, уже светало
И перед ним была кровать отца.
«Вставай, вставай, — он обратился к труп. —
В дорогу! Улучим удобный миг.
В стране нет короля и — безначалье.
Вставай! Пойдем ограбим Гедевар!
Не надо спать так долго! Погуляем!
Берите все себе, а мне одну
Хозяйку замка. Что ж ты так заспался?
Ну, все равно, проснешься в судный день.
Не вздумай там наябедничать богу,
Что по моей вине ты долго спишь.»
Давид пошел в другое помещенье.
«А это кто? — спросил он, пнув ногой
Труп брата. — Брат Иов, не ты ли?
Ну так и есть. На каменном полу?
Не неженка ты, значит, если ребер
Себе не отлежал! Довольно спать!
Вставай, вставай! Отмой лицо от крови!
Да что вы, сговорились не вставать?
Что тут у вас сегодня в самом деле?
Ну, все равно. Тем лучше. Под шумок
Теперь я удеру с моею милой.»
К Перенне он пошел. «Ты их убил?»
Она спросила. «Что ты, бог с тобою!
Убил? Я никого не убивал.
Они лежат рядком, не шевелясь,
Один бледнехонек, другой весь красный.
Нас не заметят. Торопись, бежим.
Взбежим на башню, а оттуда — к небу!»
«О ужас, да ведь он сошел с ума!» —
Кричит Перенна, пятась, отступая.

Но, на руки легко ее схватив,
Давид бежит с ней через двор на башню.
Ступень, ступень, ступень, — она кричит
В смертельном страхе. «Тише, тише, тише! —
Упрашивает юноша. — Молчи,
Мой ангел, жизнь моя, ты их разбудишь,
Нас схватят, и тогда пропало все.
Теперь летим!» — вскричал он на площадке,
Прижал Перенну крепче и с зубцов
С ней в пропасть кинулся вниз головою.
Кусты по крутизне и край скалы
Окрасились огнем зари и кровью.

Под замком, обойдясь без похорон,
Лежал Давид и рядом с ним Перенна.
Но не нашлось руки, чтоб погребла
Его отца и брата. Род их вымер.
Дворовые при дележе богатств
Друг друга изрубили, так что мало
Кто уцелел. Над трупами весь год
Кружились вороны. И замок Шалго
Ветшал, ветшал. И жители внизу
Шарахались, когда дул ветер сверху.

Демшиед, 1846

СУДЬЯ

Вступительное слово

О безотрадный век! Ты мир наполнил плачем!
Блаженство лишь слепым, и трижды горе зрячим.
Нет, горе им стократ, ведь их сподобит бог
Узреть, как судный день к нам ступит на порог.

Все стало кверху дном, и солнца свет затмился,
Воспрянул духом злой, а честный обленился.
Добро бы разжирел, — так нет, худой, как трость,
Лишь кожа да скелет и кость стучит о кость.

Немало я ночей провел в суровом бденье
И жег без жалости лампаду размышленья.
Все думал: отчего перевернулся мир
И нас терзает злой, а добрый слаб и сир?

Однажды за полночь свалился я устало.
Хмельную брагу сна душа моя глотала, —
Вдруг страшный призрак мне предстал неожиданно тут.
Он, видимо, пришел творить последний суд.

Но был он не из тех, что в саване унылом,
Пугая малышей, блуждают по могилам:
Везде его зовут фригийским колпаком,
И родина его — Париж, не божий дом.

Пурпурный тот колпак, наверно, черти шили:
Он внешностью своей схож с рогом изобилья,
Но льется из него не благодать, а зло,
Что много добрых душ уже с ума свело.

«Прогресс» — теперь девиз на сатанинском флаге.
Страшнее мора он, острее острой шпаги.
«Вступительным словам» уж больше места нет,
На «предисловиях» помешан ныне свет.

Но что для нас язык, литература, книги!
Игрушки для одних, а для других вериги.
Важней, пожалуй, то, что возмутитель-бес,
Везде сующий нос, в политику залез.

Извольте, вот пример попраiania святыни:
Ведь судьи, даже те уверовали ныне
В безбожных болтунов, которые вопят:
«Мы обновим страну на прогрессивный лад!»

Да что и говорить: среди судей есть персоны,
Которым наплевать на старые законы;
Такие, что с своих отцовских париков
Отряхивают пыль священную веков.

О беспросветный век! О времена безверья!
Но слава небесам за то, по крайней мере,
Что между судьями еще такие есть,
В кого лукавый бес не ухитрился влезть.

Вы, славные мужи! Вас ждет награда в небе!
Кого ж из вас воспеть? Пожалуй, брошу жребий,
И тот, чье имя я из шляпы извлеку,
На веки вечные войдет в мою строку.

Вот Сент-Деметерский и Фельше-Киш Калнаи,
Наш Тамаш Федьвереш... Удача-то какая!
Ну, чем он не герой? Его душевный склад
Вполне ответствует твоей поре, Арпад.

§ 1

В народе говорят: «Лиха беда начало».
Премудрость эта мне сейчас лишь ясной стала:
Казалось бы, давно мне начинать пора,
А я все увлечен жеванием пера.

Придумал наконец! Я выведу героя...
Как сразу не пришло мне в голову такое?
Я выведу его... Но попрошу господ
Чуть шляпы приподнять. Ну, а теперь вперед!

С чего бы нам начать? Возьмем черту такую...
Но хорошо, что я пишу, а не рисую:
Ведь Тамаш Федьвереш так бесподобно толст,
Что тяжести его не выдержал бы холст.

И у него та часть достойней уваженья,
В которой заключен процесс пищеваренья.
Вы гору Геллерта видали? Ну, так вот —
Она вместится вся в тот царственный живот.

Не зря он окружен восторгом и почетом!
Боюсь я одного: а вдруг да опадет он.
Нет, упаси господь, ведь сразу вместе с ним
Авторитет судьи растает, словно дым.

Представьте Тамаша пред ратушей старинной,
Когда он за столом ораторствует чинно.
Но прежде, чем начать, с мучительным трудом
Он сервирует стол огромным животом.

И все-таки сложен судья наш превосходно,
Ведь голова его отчасти с брюхом сходна:

Объем у них один, а разница лишь та,
Что голова круглей и более пуста.

Мозг тоже подчинен закону, не капризу:
Ведь тяжесть, говорят, всегда стремится книзу.
Отсюда мнение нередко слышу я,
Что мыслит *глубоко* почтеннейший судья.

Он так хорош лицом, хоть нос немного куцый!
Он носом долго рыл канаву конституций.
Не будем же хулить сей благородный нос,
Который ради нас так много перенес.

Скажите, на кого судья походит с виду?
Толкуют разное и все ему в обиду:
Одни — что буйвол он, другие — что тюлень,
А я вам говорю: все это дребедень!

Защитник истины, взыскательный и строгий,
Я изучил насквозь десяток зоологии
И, наконец, решил, что мой герой на вид
Не буйвол, не тюлень, а настоящий кит.

И все ж он сын земли, ревнивый, непреклонный,
Он телом и душой прилип к земному лону.
И если он хоть раз взовьется к небесам,
То лишь благодаря завитым вверх усам.

И вот портрет готов. Он, правда, не безгрешен
(В чем прямо признаюсь), но я одним утешен,
Что если где-нибудь не дотянул мой стих,
Читатель мой и сам дополнит нужный штрих.

Вы с внешней стороны судью теперь узнали,
Осталось лишь нутро, что, кажется, едва ли

Не самый тяжкий труд: дыханием одним
При всем усердии не справиться мне с ним.

Да будет совесть мне свидетелем суровым,
Чтоб я не согрешил ни помыслом, ни словом.
Ведь я не фарисей, и врать я не горазд,
Я правде послужу, а бог мне силы даст.

§ 2

Бетяры до сих пор у нас не извелися,
Но самый злой бетяр — родная наша Тиса:
Весною не дает ни охнуть, ни вздохнуть —
Куда ей хочется, туда и держит путь.

Хоть русло милях в двух от Фельше-Киш Калнаи,
Но если Тисе вдруг приходит мысль шальная,
Деревню бедную она обнимет так,
Что вылезут глаза и затрещит костяк.

Терпи, о родина! Ты терпишь не за то ли,
Что речку глупую не обучала в школе?
А впрочем, одного я просто не учел,
Что для детей твоих едва ль хватает школ.

Боюсь, страна моя, что, грамотные в меру,
И сыновья твои последуют примеру
Строптивицы реки: набросятся гурьбой
И вмиг, без лишних слов, расправятся с тобой.

Итак, недалеко от речки беспокойной —
Деревня Кално, где живет судья достойный.
О Кално говорят: деревня — хоть куда.
Порядка только нет — вот главная беда!

И впрямь, дома стоят — ни ряда и ни лада.
Точь-в-точь как на лугу пасущееся стадо:
Один глядит на юг, другой — наоборот,
А третий так стоит, что чёрт не разберет.

Лачуги бедняков — коровы и телята,
Меж ними, как волы, — те, что живут богато...
Вернее, их дома. Прошу меня простить,
Я, право, никого не думал оскорбить.

Л сколько тут господ! Не сбиться бы со счета.
Вот Латоци живут, их дом у поворота,
Вот старый Гедерди, а дальше Бадалло...
Короче говоря, изрядное число.

Дом нашего судьи в другом конце деревни,
Меж домиком попа и церковушкой древней.
На лбу его клеймо: «...в шестьсот седьмом году»,
Л надо б дописать: «Сто лет ремонта жду.»

Напрасно ждет старик! Ну, кто проявит рвенье,
Когда хозяин сам противник обновленья?!
От рук своих врагов он лучше примет смерть,
Чем в доме обновит стропило или жердь.

«О стены древние, пусть руки святотатца
Во веки вечные не смеют вас касаться! —
Так молвит Федьвереш, когда лукавый дух
Пытается смущать его судейский слух. —

Пусть пол шатается, пусть крыша горько плачет, —
Все это пустяки и ничего не значит.
Я верю одному, — что если этот свод
На деда не упал, — на внука не падет.»

Пред нами здание (вместилище святыни)
Почти квадратное, с крылечком посередине.
Здесь, пообедавши и в кресле развалясь,
Сам господин судья храпит в полдневный час.

На башенке крыльца — часы чуть выше ската,
И на три стороны глядят три циферблата.
С востока только лишь их стрелок не видать...
История проста, могу вам рассказать.

Судья и Латоци, да будет вам известно,
Извечные враги, которым вместе тесно.
Чтоб насолить врагу, притом от всей души,
Для нашего судьи все средства хороши.

А так как Латоци живут неподалеку
И дом их обращен лицом своим к востоку,
То назло, чтоб часы им не были видны,
Герой наш стрелки снял с восточной стороны...

Направо дом для слуг, сарай огромный слева.
Тут яблоня стоит — несчастнейшее дерево:
Появится на ней пять яблок невзначай,
И все удивлены: «Прекрасный урожай!»

Тыходишь в дом судьи с волнением и страхом,
Тебя вдруг обдает тысячелетним прахом,
Как будто ты попал не в дом, а к чёрту в пасть:
Все стонет, все трещит, готовится упасть.

Из старой мебели древней всего, пожалуй,
Старуха, что зовут все «барышней Борбалой».
Но есть тут и алмаз — взгляни и сам суди:
Пирошка резвая, дочь нашего судьи.

В столовую войдешь, и с ветхих стен сурово
Сто витязей глядят, один страшной другого.
То предки Тамаша, герои напоказ,
Хоть, правда, турки их гоняли столько раз.

Теперь, читатель мой, когда нам все знакомо
Снаружи и внутри описанного дома,
Мне кажется, пора уж перейти к тому,
Что делается в сем таинственном дому.

§ 3

Вот наступил рассвет, пропел спросонья кочет...
Посмотрим, кто сейчас с постели первым вскочит?
Борбала! Кто ж другой? Она в хозяйстве ось,
И в доме без нее все шло бы вкривь и вкось.

От века, думаю, такого не случилось,
Чтоб наша барышня замешкалась хоть малость.
Едва багровый нос покажет свой заря,
Она уж тут как тут — в кладовке, и не зря.

Пусть злые языки безбожно сеют слухи,
Что палинки бутылъ там скрыта у старухи,
Что именно она Борбалу и влекла,
А вовсе не ее домашние дела.

Молва и есть молва! Ни слова правды нет в ней.
И слушать не хочу весь этот вздор и сплетни!
Пусть божий гром сразит, как злейшего врага,
Того, которому честь дам не дорога!

Итак, едва заря покажет нос свой алый,
В кладовке уж цветет, как маков цвет, Борбала.

То в кухню овощи, то к чаю свежий мед
И горничной леща ех tempoге дает.

И поделом тебе, не лезь куда попало!
Смотреть на чернослив тебе, как видно, мало.
Нет, ты еще должна пробить в корзинке брешь, —
Так вот тебе, возьми и на здоровье съешь!

Хозяина все нет, он спит еще в кровати,
Да так, что всем слышать в соседнем комитате.
Мальчишки слышат храп, протяжный и густой,
И думают: «Труба!.. Солдаты на постой!»

Вот вздрогнул он, и храп сорвался на фальцете,
Как будто бы судью тугой хлестнули плетью,
И брови, словно два медведя, разъярясь,
Друг к другу ринулись, и драка началась.

И волосы его свирепым дикобразом
Зашевелились вдруг и выпрямились разом.
Густая сеть морщин расправилась на лбу,
А губы стали дуть в незримую трубу.

Судья открыл глаза, в кровати сел натужась,
В расширенных зрачках застыли гнев и ужас.
Он дико завопил: «Кошмар, какой кошмар!
Меня трясет озноб, меня бросает в жар!

Я должен был писать! Неслыханное дело!
Во мне вся кровь кипит и злости нет предела!
Пускай того в аду проглотит сатана,
Кто на несчастье нам придумал письмена!

А впрочем, чепуха! Я зря забил тревогу.
Ведь это был лишь сон. Прошло — и слава богу.»

Сон? Бедный человек! Скажи, чему ты рад?
Сбываются и сны, старухи говорят.

Тут вспомнилось ему... и, милостивый боже!
Он весь позеленел, мороз прошел по коже,
В глазах его блеснул зловещий огонек,
В гортани высохло, а чуб мгновенно взмок.

Знать, неспроста ему приснилась писанина:
Он вспомнил своего возлюбленного сына.
Ему, свершителю родительских надежд,
Он должен написать в далекий город Пешт.

Он встал, в одежду влез (в халате домотканом
Он был, как контрабас в футляре деревянном),
Позавтракал слегка — два фунта мяса съел...
Чтоб Тамаш натошак да за работу сел!

Затем, кляня всердцах и молодежь и моды,
Взял свежее перо, чернильницу с комода,
Взглянул в нее на свет — все высохло до дна,
И, тяжело вздохнув, налил туда вина.

Он понял, что теперь уж не избежать боя,
И сел писать... Но здесь мы нашего героя
Оставим одного. Конечно, не навек:
Мучительно смотреть, как страждет человек!

Пусть пишет старый дуб, мы ж отдохнем немножко.
Но где же ветвь его, красавица Пирошка?
Лукаво-нежный взор, тугой девичий стан,
Живой румянец щек, что краше всех румян?

Идите вслед за мной по узкой тропке сада.
В беседке старенькой искать плутовку надо.

Там в гуще старых лип, едва забрезжит свет,
Ей солнце каждый день шлет первый свой привет.

Ну, разве я не прав? Вот на скамье, в беседке,
Сидит себе одна, как соловей на ветке.
Но почему она чуждается подруг
И, чуть качнется лист, в глазах ее испуг?

Извольте, я скажу. Внимайте и дрожите!
Ведь я вручаю вам великой тайны нити:
Совсем еще дитя, в глазах такая синь,
А с чёртом водится... Уйди, проклятый, сгинь!

Да, с чёртом знается! Ну, не ужасно ль это?!
Отец ей запрещал, но что ей до запрета!
Она находит путь, чтоб обойти отца...
Сидит за книгами, читает без конца!

В беседке, на заре и даже на закате,
И в прозе и в стихах твердит она заклятья.
Смотрите, сколько книг лежит вокруг нее,
Как жадно пьет она бесовское питье!

Читает, а глаза горят и пышут жаром,
Как окна здания, объятого пожаром.
Нечистый дух совсем ей не дает житья.
Очнись, мне жаль тебя, несчастное дитя!

Но, чу! какой-то шум за садом, у причала,
Вот громче и ясней телега застучала,
Уж слышен свист кнута и ржание коня...
Вскочила девушка и стала у плетня.

Она оторвалась от сладостных мечтаний,
Скорей, скорей узнать ей хочется заране,

Кого там бог несет: знакомый иль чужак?
Знакомый, может быть? А вдруг да это так!

Какой знакомый? Брат! Брат едет по дороге!
И сердце екнуло от счастья и тревоги.
«Ах, Дэже, это ты!» — калитку отперла,
Схватила за руку и в сад его ввела.

Присели на скамье, минуту-две молчали:
«Ну, как живешь, сестра? Как прежде? Без печали?
Румяна, хороша, как в тот далекий час,
Когда твой бедный брат решил покинуть вас.»

«Да, все по-прежнему: покой, как на погосте,
И каждый день ко мне приходит скука в гости.
Но ведьма старая боится книг моих
Не меньше, чем отец, и бегаёт от них.

Я, правда, хоронюсь вот здесь, в зеленой чаще,
Но ты же знаешь сам, что плод запретный слаще.
И я, счастливая, живу в стране чудес,
Как будто надо мной раскрылся свод небес.

Как будто белый свет стал радостней и краше,
И я забыла грусть убогой жизни нашей.
А если в мир чудес ворота заперты,
Я шлю туда свои крылатые мечты.

Вот так я и живу. А ты, мой милый Дэже?
Скажи, твоя любовь и горести все те же?
Сорока твой приезд не предвещала, брат,
Что ж привело тебя в наш старый тихий сад?»

«Что привело меня? Да то же, что угнало, —
Ответил юноша печально и устало. —

Любовь — мой поводырь, жестокий пестун мой!
Она придет, уйдет, но день и ночь со мной.

Я к мужеству взывал и остывал мгновенно,
Я рвался из нее губительного плена.
Но стоило слезе в ее глазах блеснуть,
И я ослабевал и падал ей на грудь.

Я больше не борюсь, хоть горько покориться,
Но пусть меня ведет любви моей десница
К скале решимости... не к жалкому концу...
Вот грустный мой рассказ. Теперь пойдем к отцу.»

§ 4

И сын вошел и стал покорно у порога.
Отец тем временем, призвав на помощь бога,
Как вол, что не привык еще носить ярмо,
Мотая головой, заканчивал письмо.

«Ах, висельник! Злодей! Ползучая ехидна!
Убить меня совсем задумал ты, как видно!» —
Приветствовал сына родитель дорогой,
В порыве нежности о пол стуча ногой.

Но сын от радости не разразился рёвом,
Растроганный до слез таким любезным словом.
Он только вымолвил, слегка пожав плечом:
«Спасибо, батюшка, за ласковый прием!»

«Спасибо за прием?! Вот это очень мило! —
Загрохотал судья и расплескал чернила. —
Не мог же чёрт тебя пораньше принести
На несколько часов иль задержать в пути!

Писал тебе письмо — проклятая работа!
Пока я мучился, с меня сошло три пота.
А что мне пользы в нем, когда ты сам уж тут?
Из-за тебя пропал такой огромный труд.

Признаться, если б мне не жалко было денег,
Прогнал бы я тебя обратно в Пешт, мошенник.
Читал бы ты письмо, в мечтах своих паря,
И я б утешен был, что мучился не зря!

Пишу: вернись домой, я все тебе прощаю,
Мол, нации служить пора тебе, лентяю,
Уж скоро выборы, и если ты не прост,
Сей сад тебе родит весьма доходный пост.»

Но Даже отвечал: «Нет, из такого сада
Ни яблок, ни цветов, признаться, мне не надо,
А что до нации, то без меня, заметь,
Доныне обошлась и обойдется впредь.

Ведь если грех не брать общественное бремя,
Когда призванье есть и сам ты призван всеми,
То во сто крат грешней, вняв суетным речам,
Нести его, когда оно не по плечам.

Отец, я слишком слаб, чтоб выступать открыто.
Найдутся молодцы, лишь было бы корыто.
А мне мои мечты, мой безмятежный кров
Дороже должностей и барабанных слов.»

«С кем говоришь, болван?! — вскричал судья
свирепо. —
Слова мои закон, и подчиняйся слепо!
Скажи, пожалуйста, с каких же это пор
Ты начал отвечать отцу наперекор?!

Я так хочу — и все! Попробуй отступиться,
Из этого окна ты вылетишь, как птица.
В округе я судья, а в доме я король,
И если я сказал, то выполнять изволь!»

Хоть в сыне кровь текла медлительно и вяло,
Но речь отца ему глубоко в грудь запала,
Любви сыновней нить затрепетала там,
Готовая вот-вот порваться пополам.

Но он, сдержав себя, как подобает сыну,
Смирненно отвечал отцу и властелину:
«Отец мой, я готов, когда желаешь ты,
Вступить на торжище житейской суеты.»

Слова его, как песнь, судье проникли в уши,
И на лице его затеплилось радушье.
Но если бы отец мог в душу влезть сынку,
Он голову ему свернул бы, как щенку.

Колто и Пешт, 1847

ГЛУПЫЙ ИШТОК

«Так и есть! Идет по следу
И догонит вот сейчас!
До чего же смертоносно
Злобное сверканье глаз!

Беспощадно он стегает
Лошадей.
Нагоняет, настигает!
Во весь дух летит, злодей!

Ваша милость,
Провалитесь к чёрту в ад!
Не гонитесь, отвяжитесь!
Смилуйтесь, вам говорят!

В этой пушке хватит места.
Неужели трудно нам —
Вам направо, мне налево —
Разойтись по сторонам.

Если это вам угодно,
Я вам низко поклонюсь:
Проходите во-свояси —
Видите — я сторонюсь!»

Так один юнец смиренный
Ливень убедить хотел...
Не свернул с дороги ливень —
С дикой злобой налетел.

А юнец?
Так и стоял он,

Будто Цезарь, увидавший
Брута с блещущим кинжалом.

И, как будто Цезарь, тогой
Он прикрыл лицо свое...
Да, прикрылся бы он тогой,
Если бы носил ее.

Но стоял он величаво,
Не дрожа, не трепеща,
Будто бы имел две шубы
На плечах поверх плаща.

С превеликим равнодушьем
Он промолвил: «Подождем!
Коль не я, так гром небесный
С этим справится дождем!

Всем на свете христианам
Я примером послужу,
Потому что я крещенье
Бесконечно прохожу!

Но крестить меня вот этак —
Все равно, что негра мыть!
Отмывайте, как хотите,
А меня не изменить!

Может дождь, я допускаю,
Смыть одежду мою,
Но никак с меня не смоет
Философию!

Шил сей плащ искусный мастер,
Я другого не хочу.

И — дешевка! Прямо — даром!
А не многим по плечу!»

И при этом рассмеялся
Он так звонко, горячо,
Что ударил в злобе ливень
Беспощаднее еще.

«Побеснуйся, побеснуйся! —
Думал путник молодой. —
Не к лицу мне возмущаться
С неба льющейся водой!»

И умчалась злая туча.
Встала радуга, да так,
Будто в небе ее вывел
Юный путник весельчак.

«Ах ты, радуга-дуга! —
Молвил странник. — Блеск твой пестр,
Как грядущее мое
И как райской птички хвост!»

Радуга, ты словно арка
В честь того, что солнца мощь
Победила
Гром и дождь!

Радуга, ты далека,
Точно ближний городок!
День скончался, ночь близка,
Непролазна грязь дорог!

Не пророк я, но пророчу:
К ночи в город не добраться!

Нынче в городе девицы
Мной не будут любоваться.

Очень жалко мне бедняжек,
Но ведь кто же виноват,
Что не аист я вот этот
И, увы, я не крылат!

Что ж поделать? Вероятно —
У дороги здесь, во мгле,
Мне придется мокрым боком
Присоседиться к земле?

Нет, хоть я и глупый Ишток,
Не такой я простачок!
Заверну-ка я на ближний
Хуторок!

Милый хутор! Может статься,
Воры там приют нашли,
Но бесстрашен тот, чье злато
Не добыто из земли!

Там труба дымиться — ergo
Там на кухне топят печь,
Ergo — высохну и даже
Сытым спать смогу я лечь!

Что за счастье, что за радость,
Что я логику учил!
Vivat школам! Без науки
Я б сего не заключил!»

Хуторочек мрачный,
Очень небольшой,

Притаился в самой
Глубине степной.

Обветшал
И полусгнил
Вроде старых он
Могил.

Как сиротки у надгробья
Мертвой матери грустят,
Несколько деревьев жалких
Возле домика стоят.

Мастером возведено
Это чудное строенье,
Но оно —
Добыча тленья.

Обвалилась штукатурка,
Ставни с окон сорвались
И, быть может, с ураганом
В даль степную унеслись.

В безнадежности тоскливой
Перед дверью пес лежит,
На врага он и на друга
Одинаково ворчит.

На дворе старик батрак...
Шло бы дело ничего,
Если только бы топор
Сам работал за него.

Этот хутор
В пуште мокнет,

Будто
Целым миром проклят.

Подошел поближе Ишток,
И невольно мысль явилась:
«Здесь нашествие монголов
Все еще не завершилось!

Все равно!
Пускай Тимуры, Чингис-ханы здесь таятся,
Но —
Мне их нечего бояться!»

И вошел...
Татар не встретил,
Лишь старушку
Он заметил.

Та старушка угли в печке
Ковыряла кочергой.
И юнец рассыпал бисер
Перед старою каргой:

«Добрый вечер, тетушка!
Как здоровье, матушка?
Здравствуйте, любви голубка,
Бабки моей бабушка!»

Но достойная особа
Прервала: «Иди к чертям!
Ты куда пришел, бродяга?
Не корчма здесь! Видишь сам!

Мы не будем всех бродяжек
На ночь глядя принимать!»

Но юнец ответил нежно:
«О моей прабабки мать,

О любви моей голубка,
Я не выжил из ума, —
Я бы к вам не постучался,
Если б не настигла тьма...»

Так он начал. Только речи
До конца сказать не мог —
Погнала его старуха
За порог.

Закричал он, упираясь:
«Не дури!
Кто хозяин в этом доме?
Говори!»

«Я — хозяин! Что угодно?» —
Чей-то голос прозвучал,
Будто колокол подводный
Глухо в море зазвучал.

Был хозяин сед как лунь,
Лик морщинистый был хладен.
Так он и стоял, старик,
Неприступен, безотраден.

Так стоял он, будто крест
На погосте, одинок,
А вокруг — студёный мрак,
Белый снег лежит, глубок.

И казалось: в сердце старца
Целое кладбище было,

Где могил полно и радость
В первую легла могилу.

Резвости цветной платочек
Живо Ишток с шеи снял
И почтительно
Сказал:

«Сударь! Я — усталый путник
И ночью где придется...
Хоть еще я не замерз,
Но и пот с меня не льется!

Ливень гнался вслед за мною,
Промочил меня слегка.
Разрешите посушиться,
Посидеть у камелька!

Если б и еще кусочек
Доброты могли вы дать,
Я б воспользовался ею,
Чтоб остаться ночевать!»

«Разрешаю», — молвил старец
И ушел невозмутим.
И хотя ответ был краток,
Был юнец доволен им.

И на корточках у печки
Тотчас примостился он,
Гордый и такой веселый,
Как король, воссев на трон.

«Вся вселенная моя! —
Он подумал. — Чуял я —

Выйдет дело! И предвижу:
Будет ужин у меня!»

Думал он о том, о сем,
Кой о чем еще другом.
Что ж! Не зря ведь этот Ишток
Был и прозван дурачком.

Все, что было, что придет
И чему и не бывать, —
Все умел он в голове
Умещать.

И любил свои познания
Выражать посредством речи...
Много новостей старуха
Услыхала в этот вечер.

Не могли бы три телеги
Вздора этого сvezти,
И старуха ухмылялась:
«Врет как, бог ему прости!»

Появился на устах
Редкий гость у ней — смешок,
Заскрипел старушкин рот,
Как заржавленный замок.

Время шло... Я из рассказа
Устраняю ряд длиннот...
Вышло, как и думал Ишток:
Ко столу старик зовет.

«Ну, — подумал Ишток, миску
Наполняя в третий раз, —

Старая Мафусаильша
Постаралась ради нас!

Только жаль: вкушаем пищу
Молчаливо, без бесед.
Дай-ка старца я окликну!
Он ответит или нет?»

«Сударь мой, ваш ужин чуден! —
Молвил Ишток. — Но одна
Намечается оплошность:
Пища мало солона!

И приятна будет соль нам
Не в солонке, не в желудке,
А в застольном
Споре, в шутке!

Мы угрюмы так, что даже
Рыбам сделалось смешно б!
Умерли мы с вами, что ли,
И для нас готовят гроб?

Ведь молчанье — половина
Смерти! Я ее боюсь!
Если вы молчите, сударь,
Дайте — я разговорюсь!

Я художник и поэт,
Знахарь я и агроном,
Звездочет я и юрист
И с историей знаком!

Север, юг, восток и запад
Мне известны! Я бывал

И под кровом жалких хижин
И среди дворцовых зал!

Так о чем начать беседу?»
Но старик ему ответил
(Больше взглядом, чем устами):
«Мне постыло все на свете!»

«Что вы, сударь? — крикнул Ишток. —
Вы грешите против бога,
Отрицая мир вот этот,
Где прекрасного столь много!»

«Здесь прекрасного столь много? —
Отозвался старец строго. —
Да! Но очень для немногих
Здесь прекрасного столь много!»

Вот, когда на сердце ляжет
Груз восьми десятилетий
И воспоминаний сладость
Не украсит годы эти,

И без цвета древо жизни
Высохнет и покосится,
И поймешь ты, что на ветках
Не певала счастья птица,

А, как висельники, висли
На сучках одни страданья, —
Вот тогда, ребенок малый,
Ты оценишь мирозданье!

Молодость была как старость,
Ну, а старости моей —

Уж не знаю даже, право —
Как именоваться ей!

Я любил. Но ангел неба —
Та, которую любил, —
На земле в грязи погибла;
Здесь позор ее убил.

Да! Весна была бесцветной...
Я решил: не унывай,
Будет лето колосисто,
Будет осень, урожай!

Но пришла за летом осень...
Что мне толку от нее?
Ах, послушай, если сердце
Может выдержать твое,

Вот моих мучений долгих
Краткий перечень! Внимай:
Двух детей похоронил я,
Третий сын мой — негодяй!

Мы расстались с ним. И света
Я не вижу десять лет.
Ожидаю только смерти,
А других желаний нет!

Ведь уж я давно покончил
С жизнью счет!
Что ж она в меня вцепилась,
Что ей надобно? Что ждет?

Я давно уж выпит жизнью,
Остается лишь отстой.

Почему ж она не хочет
Бросить прочь стакан пустой?

Проклинаю эту жизнь,
Говорю ей: «Отвяжись,
И не мучь своих рабов,
И над ними не глумись!»

Проклинаю все на свете
И мечтаю лишь о яме,
В глубь которой не посмеет
Жизнь последовать за нами!

Хорошо лежать, и тлеть,
И блаженно забывать
Плаху, что зовется миром!
О какая благодать!»

И, прослушав эту повесть
Долгих лет и долгих бед,
После долгого молчанья
Юноша сказал в ответ:

«Свято чту я все страданья,
Горе старца вдвое чту,
Так прости меня за резкость
И прости за прямоту:

Грешен ты. За это кару
И несешь. А грех не мал:
В том ты, сударь мой, виновен,
Что в отчаянье ты впал.

Это — всех грехов венец!
Выше нет греха того!

Как ты смеешь отвергать
Волю бога твоего?

Отрицанье — голос ада,
Вопиющий к небесам.
Бога нет в тебе, который
Путь указывает нам!

Кто такую речь,
Вот как ты, ведет —
Недостоин тот
Божеских забот!

Ибо есть отец у мира,
Он заботится о нас.
Могут все его увидеть,
Кто не отвращает глаз.

Так умерим нетерпенье!
Ведь у бога тьма забот,
И детей у бога много...
Стыдно забегать вперед!

Ведь закон таков: дождется
Каждый часа своего!
Бог — как солнце! Над землею
Доброта плывет его.

Коли счастья нету нынче,
Жди до завтра! И заметь:
Лишь дождавшись часа счастья,
Смертный волен умереть!

Не опаздывает счастье!
Сей нектар целебен столь,

Что преобразает в сладость
Вод морских сплошную соль!»

Упивался, как младенец
Материнским молоком,
Старец юношеской речью
Поглощен был целиком.

И когда закончил Ишток,
Старец тихо произнес:
«Где ты этому учился?
Кто ты, мальчик? Где ты рос?»

Ну, а юношу серьезность
Вогнала уже в тоску,
И поэтому шутливо
Он ответил старику:

«Где я этому учился?
Все мне это рассказал
Некий филин, в чьей пещере
Я грозу переждал!»

Где я рос? Я не имею
Ни отчизны, ни жилья.
Вольной птичкой перелетной
Бабушка была моя!

Я хожу-брожу по свету,
Нынче здесь, а завтра там,
А дружу я только с тем,
Кто со мною дружит сам.

Чем я больше голодаю,
Чем я больше холодаю,

Тем богаче и прекрасней
День грядущий ожидаю.

А зовусь я? . . . Вот уж вправду
Имя я забыл почти что,
Потому что всем известен
Я под кличкой: глупый Ишток.»

. . . А наутро глупый Ишток
Узелок свой в руки взял
И, хозяина окликнув,
На прощание сказал:

«Бог с тобой! Когда дождешься
Часа счастья своего,
Обо мне ты вспомни! Я ведь
Предсказал тебе его!»

Тут хозяин гостя
За руку схватил
И, глотая слезы,
Так проговорил:

«Бог с тобою, добрый мальчик,
Ты, который... мне... желаешь,
Ты, который... предрекаешь...
Нету слов... ты понимаешь?»

Бог с тобою... Впрочем, нет,
Не скажу я: бог с тобою.
Никуда не уходи,
А останься здесь, со мною!

Станет скучно — и уйдешь
Ты тогда,

А понравиться — останься
Навсегда!

То, что ты сказал вчера мне.
Сотни раз тверди, юнец!
Это так приятно слышать,
Что поверю наконец!

Ты останешься, дружочек?»
Ишток молвил: «Хорошо!
Я обязан здесь остаться,
Если уж на то пошло!

Если рассужденья эти
Душу могут усладить —
Ты не бойся; хоть столетье
Я способен их твердить!»

...Грохот на дворе:
Въехала карета!
Здесь, в степи, карета!
Боже! Кто же это?

«Никого не принимаю!» —
Грозно старец закричал.
«И меня? — приятный голос
Из кареты зазвучал.

Распахнулась дверь,
Девушка вошла...
Как она бледна,
Как она мила!

Бросилась в объятья старца...
Поцелуи... Ливень слез...

И душевное смятенье
Сквозь рыдания излилось.

«Дедушка! Как крест святой
Обнимаю я тебя,
И с восторгом и с надеждой!
Радуюсь и плачу я!

Я пришла за утешеньем!
Защити меня, укрой!
Горе мне, сто раз мне горе!
Мой отец мне недруг злой!

Замуж выдает насильно!
Нет у сердца у него!
Злой! Его не могут тронуть
Муки сердца моего!

Все мольбы мои напрасны!
Он — как статуя из камня.
Дедушка, спаси меня!
Страшная грозит судьба мне!

Все понятно мне. Читаю
Я в глазах твоих упрек.
Хоть и поздно, но решилась
Я ступить чрез твой порог.

Не суди! Пришла давно бы,
Но отец твердил, пугая:
«Дед твой никого не любит!»
Ах! Отца судить должна я.

Все ж пришла! И здесь навеки
Буду с этого я дня.

Да, навеки... если только
Не прогонишь ты меня!»

Многое хотел бы старец
Ей сказать в мгновенье это,
Но ни слова — нет, ни слова —
Не нашел он для ответа.

Только всхлипыванье старца
Раздалось,
Полились из глаз потоки
Сладких слез.

Словно две реки большие,
Чей разлив бурлив, велик,
Прошлое слилось с грядущим
В этот миг.

И грозило это море
Поглотить его бесследно.
Можно было опасаться
За его рассудок бедный.

«Значит, кто-то все же любит
И меня? О, неужели?!
Господи! Мои седины
Будто снова почернели!

Помню я тебя малюткой,
И не виделась с тех пор!
Видишь, юноша, как мил он —
Девичий прелестный взор!

Юноша! Тебе за мудрость
Руку должен я пожать;

Ты сказал, что лишь счастливец
Смертный может умирать!

Внучка! Ты пришла! Останься
И не бойся ничего!
От людей найдешь защиту
И от бога самого!»

И бог знает, что еще
Обещать бы тут он мог,
Все начала и концы
Спутавши в один клубок,

Но раздался снова шум,
Со двора донесся крик:
Прикатил отец за дочкой...
«Прочь, злодей! — вскричал старик. —

Для твоих презренных ног
Не доступен мой порог!
Только через отчий труп
Ты переступить бы мог!

Ты за дочкой? Дочь твоя
Перестала быть твоей!
И зачем ей быть твоей?
Гибель ты готовишь ей!

Ты отрекся от отца,
А ребенок твой теперь
Отказался от тебя!
Это — божий суд! Поверь!

Не хочу благословлять
И не буду проклинять!

Убирайся с глаз долой,
Не хочу тебя я знать!»

Не сказал ни слова сын
И покинул отчий двор,
А взволнованный старик
Руку правую простер.

Неподвижно замер старец,
Величав в своем молчанье
И печален, точно айсберг
В Ледовитом океане.

И послал вдогонку сыну
Только вздох, но вздох такой,
Что на части рвал он сердце...
И пошел старик домой.

Он вошел. И погрузился
В полное безмолвье дом...
Наконец промолвил Ишток,
Вставши перед стариком:

«Сударь! Я теперь здесь лишний,
Мне пора и уходить:
Есть, кто может вас утешить,
И развлечь, развеселить!

Я же, в руки взявши посох,
За своей пойду судьбой.
Добрый старец, бог с тобою!
Девушка, господь с тобой!»

И ушел бы, если б старец
Не остановил,

Если б ласково, но твердо
Так ему не объявил:

«Нет! Останься! Не прошу,
Но приказываю я!
Ты меня узнал в несчастье,
Нынче в счастье знай меня.»

«Я останусь, — молвил Ишток, —
Здесь мне хочется пожить,
Но с условием: вам я буду
За хозяина служить.

Если есть девица в доме —
Дом в порядке должен быть,
А порядок этот надо
В руки твердые вручить!

Я не зря бродил по свету,
Потружусь теперь немного,
Чтобы не был этот хутор
Как звериная берлога!»

И со слугами он вместе
Сразу к делу приступил...
Лежебоки были слуги,
Он их живо подбодрил.

Мыло, метлы, тряпки, щетки
Все пошло тотчас же в ход,
Так что стал на третьи сутки
Хутор вовсе уж не тот.

Все нарядно заблестело,
Словно воинский мундир, —

Старой ржавчины не стало,
Старой грязи, старых дыр.

То-то, Ишток — дурачок!
Это, братец, все — твой труд.
Ты — душевный человек,
Ничего не скажешь тут!

Иштока вы не учите —
Знает, как за дело взяться,
Чтоб красавица могла
Улыбаться.

Вот для этого и в пушту
Направляется чуть свет он,
Возвращается с прекрасным
Полевых цветов букетом.

Девушка
Встает утрами
И любуется
Цветами.

По утрам — цветы; весь день —
Разговор веселый, пестрый.
Внучка хвалит за сердечность.
Дед — за ум живой и острый.

Так проходят, пролетают
И часы, и дни за днями,
И, не ошибусь, пожалуй, —
Это длится месяцами.

Нам не видны эти дни —
В сердце пушты кто ж заглянет? —

Но, что славно шли они,
Отрицать никто не станет.

Ну, а дальше... словом... ну...
Словом, как я ни тяну,
А сказать не удержусь я,
Хоть писать и стыдно... Ну...

Дивная случилась штука...
Впрочем, что за диво в том:
Ишток взял суму и посох
И предстал пред стариком.

Губы двигались, но только
Он ни слова не сказал,
Будто голос
Потерял.

Старец сразу разгадал.
Что юнец сказать стремится,
Это ясно поняла
И красавица-девица.

Поглядел на внучку дед
И заплакал вместе с нею.
Тут и Ишток зарыдал,
Да не так, а посильнее.

И они рыдали хором
Так, что лучше и нельзя,
И хозяин
Поднялся,

И у Иштока с плеча,
Плача, он суму снимает.

Внучка
Посох отнимает.

Здесь тот посох, здесь сума...
Ибо этот человек,
Глупый Ишток — не ушел,
А остался здесь навек.

Хоть и звался простаком он,
Все же был он не дурак,
Чтобы прочь уйти из дома,
Где его любили так!

Все в природе увядало,
Уж ненастье в пуште выло,
Но невесте на веночек
Все-таки цветов хватило...

Муж с женой из церкви вышли,
Давши верности обет,
И, растроганный сердечно,
Вот о чем сказал им дед:

«Нынче счастливы вы, дети!
Будьте счастливы и впредь!
Но теперь, изведав радость,
Я могу и умереть.»

«Умереть тебе нельзя, —
Зять сказал. — Ты должен жить,
Чтобы правнуков своих
В добрый час благословить!»

... И приходят, и уходят
День за днем, за годом год,

Соревнуются: который
Больше счастья принесет?

И... рассказывать ли это?
Ветер гонит облака,
Всюду снег ложится густо...
Степь под снегом... ночь близка.

Лишь один огонь сияет в пуште:
Там, на хуторе, лампадка зажжена,
Льет она сиянье на счастливыхцев,
Радуетя будто и она.

Там, на хуторе, у теплой печки,
Где поленья искрятся, трещат,
Сели старец, муж и молодича,
С ними двое маленьких ребят.

И прядет, и напевает молодича.
Муж и дед с детьми играют. А в окно
Зимний вихрь стучится. Не ворвется!
Песня льется, и жужжит веретено.

Песня, 1847

АПОСТОЛ

1

На мрачный город навалилась ночь,
В других краях луна блуждает,
Смежились
Золотые очи звезд,
Мир темен,
Как подкупленная совесть.

Один единственный заметен луч
Там, в вышине,
Мерцает он устало,
Как чей-то взор мечтательный, больной,
Как чья-нибудь последняя надежда.

Горит под крышей этот огонек.
Кто там не спит в мансарде при лампадке?
Кто бодрствует высоко над землей?
Там две сестры — Нужда и Добродетель.

Огромная, огромная Нужда,
Она едва вмещается в мансарде.
Не больше ласточкиного гнезда
Вся эта поднебесная клетушка.
И пусты стены этого гнезда,
Вернее, были бы они пустыми,
Когда бы плесень не покрыла их
Своим узором незамысловатым
И не исполосатили дожди,
Чьи струйки, проникая через крышу,
Оставили под ветхим потолком

Широкий след,
Весьма похожий
На шнур звоночный в доме богача.

Здесь воздух тягостен от вздохов
И мерзкой сыростью налитан...
Привыкшие к удобным будкам,
Изнеженные барские собаки
В мансарде этой сдохли бы наверно!

Сосновый стол, два стула рядом, —
За эту мебель на толкучке
Никто бы не дал ни гроша, —
Кровать с соломенным матрацем,
Сундук, изъеденный жуками, —
Вот все предметы обстановки.

Кто здесь живет?
В усталом свете
Со мглой борящейся лампадки
Перемещаются фигуры,
Неясные, как сновиденья.

Глаза обманывает пламя,
А может быть, жильцы мансарды
На самом деле столь бескровны,
Столь призрачны?
О бедность, бедность!

Там, на кровати, мать с младенцем.
Сосет младенец с хриплым стоном
Сухую грудь, но в ней — ни капли,
А мать задумалась, должно быть,
О чем-то
Очень невеселом —

Как в оттепель капель с карнизов,
С ресниц срываются слезинки,
Стекают по лицу младенца...
Но, может быть, и не в раздумье
Застыла женщина, а просто
Роняет слезы по привычке,
И льются, льются эти слезы,
Как по камням
Родник струится.
Сын старший, слава богу, спит,
Иль только кажется, что спит,
Там, на соломе у стены,
Дерюгой грубою прикрыт.
Спи, милый, спи!
Пускай тебе приснится хлеб,
Хотя б во сне ты будешь сыт
И сон твой будет королевским!

А у стола сидит мужчина.
Он молод. И темнее ночи
Его лицо,
Как будто сумрак,
Наполнивший мансарду эту,
Спускается с его чела.
Чело мужчины точно книга,
В которой все заботы мира
Записаны... Нужда и горесть
Мильонов жизней отразились
На том челе, как на картине,
И, освещая ту картину,
Пылают два огромных глаза,
Как две блуждающих кометы,
Которым некого бояться,
Но сами вызывают ужас.
И взгляд тех глаз летит все дальше

Сквозь громящиеся тучи,
Покуда, как орел могучий,
Не унесется в бесконечность.

2

Повсюду в мире тишина,
И тишина стоит в мансарде.
Вздыхает ветер за окном —
Вздыхает женщина в мансарде.
Присел в постели старший мальчик,
К стене устало прислонился
И глухо, будто из могилы,
Сказал:
«Отец, хочу уснуть я,
Но мне от голоду не спится.
Отец, найди кусочек хлебца!
Хоть покажи и спрячь обратно,
И это будет хорошо!»

«Мой милый, подожди до завтра!
До завтра. Утром хлеб получишь,
Ты булку сдобную получишь
На петушином молоке!»

«Нет! Нынче черствый, черный хлебец
Дороже мне, чем завтра утром
Любая сдоба, потому что
Могу до завтра умереть!
И я умру. Я это знаю!
Ты день за днем сулишь мне завтра,
Но завтра будет, как сегодня —
Голодное, как и вчера!
Отец, скажи, когда умрем мы,

Когда в могилу нас положат,
И там нас будет мучить голод?»

«Нет, сын мой, если мы умрем,
Мы больше голодать не будем».

«Отец, тогда хочу я смерти!
Прошу тебя — купи мне гробик,
Купи, отец, мне гробик — белый,
Как нашей матери лицо!
На кладбище меня снесите
И там в могилу закопайте.
Отец, ведь мертвецы — счастливы,
Им даже голод нипочем!»

Кому же в голову приходит
Ребенка называть невинным?
Где штык такой, такой кинжал,
Который мог бы беспощадней
Пронзить отеческое сердце,
Чем чистые уста ребенка?
Отец несчастный! Он пытался
Сдержать себя, но слезы градом
Вдруг хлынули! Закрыв руками
Лицо свое отец несчастный,
И показалось, что не слезы,
А кровь из лопнувшего сердца
Своей соленой, жаркой влагой
Покрыла руки!

Он не привык стонать и плакать.
Но тут не мог он удержаться.

«Господь небесный! Почему же
Меня ты не оставил вовсе

В небытии, куда стремятся
Душа и тело возвратиться?!
Зачем, господь, семью ты дал мне,
Раз не могу ее питать я,
Как пеликан, своею кровью?!
Но что я говорю? Наверно,
Господь уж знает, что творит,
И мне, слепому человеку,
Его высокий план неведом...
Мне ль бога призывать к ответу?
Бог плыть меня послал по морю,
Свой компас он вложил мне в сердце,
Плыву, куда укажет стрелка!
...Бери, мой сын, бери и ешь!
Ешь маленький кусочек хлеба
И наслаждайся. Этот ломтик
Хотел я поберечь до завтра.
А если съешь его сегодня,
То лишь господь небесный знает,
Чем завтра утром будешь сыт!»

И с жадностью схватил ребенок
Господень дар — сухую корку,
И ярче светлячков влюбленных
Сверкнули детские глаза.
Когда же он с последней крошкой
Покончил — сразу опустилась
Дремота на его головку,
Как опускается на землю
Туман вечерний в час заката.
И мальчуган заснул с улыбкой.
Что снилось:
Хлебец или гробик?

И мать,
Рыдать уже не в силах,
Двух братцев уложила рядом,
Руками обняла обоих,
Заснула на краю постели.
И встал из-за стола мужчина
И, тихо подойдя к кровати,
Задумался, скрестивши руки.

«Вот, наконец-то, вы счастливы,
Мои родные. С плеч усталых
Снимает сон всю тяжесть жизни,
Ту тяжесть, что влачить должны мы
С утра до ночи... Боже, боже!
Ведь это значит,
Что сон их любит
Сильней меня! Дарит он счастье,
Которого я дать не в силах!
Ну что же! Я и тем доволен,
Что хоть во сне они счастливы!
Родные, спите!
Доброй ночи!»

Затем поцеловал он спящих,
Как будто троицу святую,
И распростер над ними руки
(А сверх того благословенья
Не в силах дать он был ни крошки),
И отошел, на спящих глядя
Нежнейшим взором, чтобы розы
И ангелы всю ночь им снились...
А после, подойдя к окошку,
Он посмотрел во тьму ночную
Так угрожающе, как будто

Поджечь хотело сумрак ночи
Очей полярное сиянье.

3

Где мысли этого мужчины?
Куда стремится дух бессмертный?
Он на таких блуждает высях,
Куда взлететь способны только
Безумцы или полубоги!
Заботы дня, заботы дома
Он сбросил, как птенец скорлупку,
И мчится.
Человек в нем умер,
В нем только гражданин живет.
Кто прежде был привязан к дому,
Теперь привязан только к миру.
Он не троих
В объятьях держит,
А миллионы.

И крылья духа плещут в высях,
Откуда очи видят землю
Такою крошечной, как искра
В бумажном пепле.
И дух крылатый мчится к звездам,
И эти звезды
Трепещут от его полета,
Как пламень свечек!

Миллионы миль в одно мгновенье
Летят светила,
Но дух людской летит быстрее,
И отстают миры, как будто

В лесу от всадника
Деревья!

Когда же он взвился превыше
Скоплений звездных,
Когда уже проник, наверно,
Он в центр вселенной,
Тогда предстал пред ним создатель
Всего живого.
Тот, кто мирами управляет
Единым взглядом,
И свет живет во взгляде этом,
И света этого крупица
Зовется солнцем,
Вокруг которого вращаться
Назначено земле с луною.

И воззвала душа людская,
Купаясь в божьей благодати,
Как лебедь нежится в прозрачной
Воде озерной:

«Господь, мой бог, мое блаженство,
Вот я — одна твоя пылинка!
К тебе взлетел, чтоб распластаться
Перед тобой
И рассказать: я сын твой верный,
Тобою послан в путь жестокий,
Но не ропщу, благословляя
Тебя, отец небесный, ибо
Ниспосланное испытанье
Есть знак любви твоей, о боже!
Я знаю, что тобой я избран!
Земные люди измельчали,
Забыв тебя, рабами стали,

А рабство — всех грехов начало.
В грехах погрязли
Дети рабства,
И человек пред человеком
Склоняется! А кто способен
Вот так склоняться перед ближним,
Тот, господи, есть твой хулитель!
Тебя, господь, позорят люди,
Но так не может длиться вечно —
Вновь обретешь свое величье!
Ты дал мне жизнь, отец небесный.
Я посвящу ее тебе,
И будет ли за то награда —

Не думаю об этом я!
Ведь каждый раб готов трудиться,
Когда награду посулят,
Но без надежды на награду
И без желания наград
Трудился я и снова буду
Трудиться точно так и впредь!
И будет мне вознаграждением,
Что из несчастнейших рабов
В людей вновь превратятся люди...
Хоть грешники они, но все же
Я их люблю. О боже правый,
Дай света, боже, дай мне сил,
Чтоб ради ближних потрудиться
Мне не напрасно удалось!»

Такую речь душа сказала
И возвратилась с небосвода
Обратно в тесную каморку,
Где тело ждет ее, застыв,

И вот мужчина содрогнулся,
Озноб прошел по телу,
Холодный пот блеснул на лбу.
Въявь это было или снилось?
Въявь. Потому что спать хотелось.
Устал летать. И на ресницы
Уселся сон. И человек
Свое измученное тело
Приподнял и понес, шатаясь,
К соломенному тюфяку.

И вот
Тот самый,
Кто недавно
Беседовал на небе с богом,
Теперь валяется на грубой
Подстилке, где-то на полу.
Пал на солому благодетель
В тот час, когда владыки мира,
И палачи, и нечестивцы
На шелковых подушках спят.

В последний раз ночник мигает,
И гаснет язычок усталый,
Рассеивается за окошком
Ночная тьма.
Вдаль уплывают тайны мрака,
Заря, садовница вселенной,
Проснувшись, рассыпает розы
На стекла окон городских.
А вот и солнце. Луч рассвета
Ложится на чело мужчины,
Как золотой веночек,
Как теплый
Блестящий божий поцелуй.

Кто ты, чудесное создание?
Кто ты, мужчина?
Одеянье
Твоей души —
Плащ огнецветный,
Из звездных сотканный лучей,
Но тело у тебя одето
В лохмотья! А в карманах — пусто.
Тебя с семьею мучит голод,
И праздником считаешь ты,
Коль свежим хлебом удается
Украсить непокрытый стол,
Но осчастливить мир ты хочешь
Таковыми благами, каких,
Увы, не можешь обеспечить
И для семейства своего!
Свободный вход имея к богу,
Попробуй-ка явись ты в гости
В господский дом. Тебя не впустят.
Ты вольно с богом говоришь,
Но если богача окликнешь,
Он даже и не обернется...
Есть люди, что тебя сегодня
Святым апостолом зовут,
Другие же тебя готовы
Назвать злодеем, святотатцем.
Кто ты? Откуда приходишь?
Родители тобой гордятся,
Иль от стыда горят их лица,
Коль о тебе заходит речь?
На чем рожден ты? На дерюге?
А может быть, и на парче?
Я мог бы рассказать подробно

О жизни этого мужчины.
Я расскажу... А если б кистью
Изображал я эту жизнь,
Меня преследовал бы образ
Ручья, берущего начало
Среди неведомых утесов,
Текущего через ущелья,
Где стаи воронов ютятся, —
Ручья, который с гор стремится
И спотыкается о камни,
И вечной болью стонут волны...

5

Часы провозгласили полночь,
А ночь была жестокой, зимней,
Ее тираны — Тьма и Холод —
Владычили над целым миром.
В домах таились люди. Кто бы
Стал искушать богов небесных
В такую ночь под вольным небом?
На улицах, где так недавно
Томились и толкались люди,
Все было пусто, точно в руслах
Иссохших рек. И в том безлюдье
Скитался лишь один безумец —
Вихрь...
Он по улицам метался,
Как будто бы оседлан чертом,
Который огненные шпоры
Ему в бока вонзал...
Гневливо
Он вскакивал на крыши зданий,
И в трубы лез,
И мчался дальше,

И выл в простуженные уши
Глухой, ослепшей зимней ночи,
Затем тот вихрь вцепился в тучи,
Когтями разодрал их в клочья;
В испуге звезды задрожали,
И, как утопленник, всплывая
Меж туч, луна заколыхалась.
Но вот уже через мгновенье
Вихрь снова мощным дуновеньем
Укутал в тучи
Луну и звезды,
И на землю с высот небесных,
Как птица хищная на жертву,
Он ринулся,
Но уцепился
Лишь за расшатанную раму
В оконце ветхом,
Встряхнул ее и вырвал с треском
И, наслаждаясь переполохом,
Умчался прочь со страшным смехом.

Был город пуст. Кому охота
Гулять в такую ночь? Но все же
Вот путник... Иль, быть может, призрак —
Его обличие неясно...
Идет... все ближе он... и видно,
Что это женщина. Но только
Останется загадкой мрака —
Кто это — дама под вуалью
Иль просто нищенка в лохмотьях?
Она несмело огляделась
И вдруг увидела карету,
К ней воровским подкралась шагом,
Удостоверилась, что кучер
На козлах дремлет преспокойно,

И тихо приоткрыла дверцу...
Ворует? Нет, наоборот —
Кладет в карету что-то... Дверцу
Захлопнула и исчезает...
И вот открылись двери дома.
Выходят господин и дама,
Они идут к карете. Сели.
Бич свистнул. Лошади помчались.
Но что за крик внутри кареты?
То дама взвизгнула. В карете
У ног ее пищит дитя!

Доехали... Открылась дверца,
Выходят господин и дама,
И тут вознице молодому
Сказала пассажирка так:

«Вот получите деньги эти,
А там в карете вы найдете
Ребенка, малое дитя!
Себе на чай его возьмите —
Великолепный мальчуган!
О нем вы, милый, позаботьтесь —
Ребенок — это дар господень t

И господа ушли смеясь.

Дитя, найденное в карете,
Что ж ты не родилось собакой!
Ведь на коленях этой дамы
Тебе местечко бы нашлось!
Она тебя бы воспитала...
Но так как ты не собачонка,
То знает лишь господь небесный,
Что в жизни станется с тобой!

Почесывал затылок кучер...
Молился он или бранился?
Но ясно было и понятно,
Что этот самый божий дар
Ему пришелся не по вкусу:
«Ведь вот щенок! Что с ним поделывать?
Везти домой? Но мой хозяин
Обоих вышвырнет за дверь!»
И зло стегнул он лошадей
И горестно поехал прочь.
Он улицей окраины едет
И видит, что в одном трактире
Еще не кончилось веселье.
Окно трактира багровеет,
Как пьяницы распухший нос.
«Ну вот и ладно!» — буркнул кучер,
Господень дар к дверям кабацким
Подбросил и погнал коней!

Едва успел отъехать кучер,
Как из дверей кабацких выпал,
Крича ужасные проклятья,
Порядочно хмельной старик.
Через порог переступая,
Споткнулся он и растянулся,
Да так, что носом снег вспахал.
«Вы пострадали, ваша милость! —
Он сам себе промолвил лежа. —
А ты, порог, ты вырос, что ли?
Вчера ты не был так высок!
Ведь если был таким вчера ты,
То я бы и вчера споткнулся,
Но ведь вчера я не споткнулся,
Хотя не меньше пил вина.
Я в этом деле очень точен!

Я пью по мерке. Понимаешь?»
Так он бурчал, с трудом поднявшись,
И прочь поплелся он, твердя:
«Нет, что вы там ни говорите,
А по сравненью с днем вчерашним
Он вырос... И не отступлюсь я
От этого... Я сделал шаг,
А он, проклятый, вырос... Стыдно
Подстраивать такие штуки!
А может быть, подложен камень?
Ведь люди злы! Все может быть!
Всегда хотят подставить ножку,
Дурные люди, злые люди!
Брось под слепые ноги камень,
И человек расквасит нос!
Мол, слепость ног подгадит носу!
Ну ладно! Я хоть тем утешусь,
Что все о камешек споткнутся!
Хе! Полюбуюсь, посмотрю,
Как будут люди спотыкаться...
Ию, впрочем, что я говорю Г
Старик, ты что это задумал?
Достойно ли тебя злорадство?
Нет, старина, вернемся к двери,
Отбросим этот камень прочь!
Я вор, а при нужде — грабитель,
А если надо, я — убийца,
Но все же не допустит совесть,
Чтоб люди спотыкались зря!»

Идет назад старик почтенный,
Чтоб от дверей отбросить камень,
Нагнулся, взял его руками.
«Ха! Что за писк!» И вздрогнул старец
И закричал от удивленья:

«Гром разрази меня, но только
Не видел мир такого камня!
Он — мягкий, и к тому ж визжащий!
Визжащий камень! Это странно!
А ну-ка, поднесем к окошку...
Хо-хо! Да это же — младенец,
Ребенок самый настоящий!
Гу! С добрым вечером, братишка!
Или сестренка? Непонятно!
Ты кто таков? Какого черта
Здесь оказался? Вероятно,
Удрал ты из родного дома,
Злодей малюсенький! Однако,
Что я толкую? Вздор какой-то!
Ведь ты, бедняжечка, в пеленках,
Быть может только что родился.
А кто родители? Я знал бы,
Так вмиг бы им тебя доставил!
Вот это уж злодейство вправду —
Такого малого ребенка
Подкинуть, как башмак дырявый!
На это ведь не только воры,
А даже свиньи неспособны!
В лохмотья жалкие укутан,
Ты — бедной матери ребенок.
Гм... а быть может, и не бедной,
А для отвода глаз она
Тебя укутала в лохмотья,
Чтобы никто не догадался
О знатности происхождения...
Кто знает? Знать никто не может,
Навеки тайна будет тайной...
Но кто займется человечком?
Кто? Я! Ей-богу, я и стану
Отцом твоим, и честь по чести

Тебя я воспитаю. Буду
Красть для тебя, покуда в силах.
Когда ж для этой я работы
Состарюсь, — будешь красть, мой мальчик,
Ты для меня. Уж так ведется.
Рука-то руку моет! Понял?
И воровство мое отныне
Становится вполне законным —
Я на двоих теперь ворую!
Терзать меня не будет совесть!
Однако молоко ребенку
Необходимо. Что ж! Достанем!
Соседка своего младенца
Как раз вчера похоронила —
Теперь тебя кормить возьмется.
Возьмется! Коль почует деньги,
То выкормит она и чёрта!»

Так бормоча, побрел он к дому,
Старик добрейший. Переулки
Вели к жилищу потайному,
К норе в подвале...
И соседку
Он разбудил:

«Соседка, свечку!
Зажгите свечку поскорее,
Не то сожгу я всю трущобу!
Зачем свеча — вы знать хотите?
Зажжете — все вам станет ясно!
Так! А теперь без промедленья
Младенца накормите грудью.
Где взял его я? На пороге
Нашел. Подарок это божий,
Ведь говорил я не однажды —

Меня господь небесный любит!
Да! Любит! И гораздо больше,
Чем это думают попы!
Вот вам сокровище, соседка,
Но, чур, его не уморите,
Как своего дитяню. Ясно?
А все расходы и затраты
Я вам, конечно, возьму!
Ведь мы друг друга понимаем!
Сочтемся! Правда, деньги нынче
Родятся плохо — люди стали
Стоглазы, чёрт их поberi!
Но все ж я уплачу по-царски.
Поможет бог! И повторяю:
Забойтесь о ребенке этом,
Как будто о самой себе!
Ведь старости моей надежда
Найденыш этот!»

Сторговались...
Дитя пригрето. Ротик тянет
Из женской груди жизни горечь.
Лишь день живет дитя, но сколько
Его уж эта жизнь швыряла?!
А что еще случится дальше?!

6

Поутру рано старый грешник
Спросил соседку с любопытством:
«Как чувствует себя ребенок?
Хозяевами гость доволен?
Э, милая моя соседка,
Мне кажется, у вас прохладно!
Вы! Ведьма этакая! Скряга!

Сто раз я повторять вам буду:
Топите печь!.. Ну, ладно, ладно...
Он мальчик или же девчонка?»

«Да, господин сосед, он мальчик —
Он первосортнейший мальчишка!»

«Тем лучше! Лет за восемь-девять
Такой Христос из парня выйдет,
Такого вора воспитаю,
Что прямо прелесть!
В этом деле
Я знаю толк!
Кем, как не мною, был воспитан
Хотя бы Тамаш одноглазый,
Тот самый, что на-днях повешен?
Вот это вор был! Одноглазый
Тысячеглазого он бога
Обворовал! Сынок, не бойся,
И ты не самоучкой будешь!
Но — имя? Надобно, соседка,
Ребенку дать такое имя,
Которое его прославит
На целый мир.
Итак, мой ангел,
Какое имя дать ребенку?
А ну-ка мы заглянем в святцы.
Так... Был вчера сильвестров день!
Прекрасно! За попа я буду,
А вы, соседка, будьте крестной,
Мы окрестим его, чтоб имя
Носил мальчишка по закону
И был бы добрый христианин,
А не язычник, и не смел бы
Его прогнать от двери райской

Апостол Петр...
Итак, приступим...
Есть теплая вода в кастрюльке?
Ребенка дайте мне сюда!
Но — стойте. Я ведь поп. Где ж ряса?
В мешок вот этот облачусь!»

И, облачившись, старый грешник
Схватил кастрюльку церемонно
И, совершив обряд крещения,
Сильвестром мальчика нарек.

7

Прошло четыре с лишним года.
И вот Сильвестр уж не младенец.
Во мгле трущоб, во тьме подземной
Он вырос вместе с преступленьем
И насекомыми. На небо
Он не глядел, и воздух чистый
Он не вдыхал, и красотою
Земли не мог он любоваться.
Он жил, как мертвые в гробах.

Но радовался старый грешник,
Что ум и ловкость могут высечь
Из маленького мальчугана,
Как будто искру из кремня.
Не сомневался он нимало —
Из искры разрастется пламя!..
Таскал уж у торговок фрукты
Четырехлетний мальчуган,
Умел выуживать монеты
Из шляпы нищего слепого...
И свежим хлебом, добрым словом

Платил, нисколько не скупясь,
Премудрый старый воспитатель
Воспитаннику за успехи,
Но бил ребенка, если за день
Ни крошечки не крал Сильвестр,
Хоть так случалось очень редко.
И видел мудрый старый грешник:
Растет его надежда, крепнет!
И множество воздушных замков
На скалах будущего ставил
Старик, покуда не пришлось
Застрясть между землей и небом
Ему в петле, — хоть мудрый старец
Гораздо больше заслужил Г

В минуту вознесенья старца
Соседка не сидела дома,
А видела, как ловкий мастер
На благодетеля накинул
Петлю. И высунул нахально
Старец язык свой, и как будто
Над целым миром издевался
Он на прощанье в этот миг.

Домой вернувшись после казни,
Соседка мальчику сказала
Приветливо и благосклонно:
— Ну вот... Теперь тебя, сыночек,
Чёрт может взять, когда захочет.
Так уходи же с богом к чёрту!
Отныне за тебя не платят.
Не на свои же деньги буду
Откармливать тебя, как гуся!
Я окажу тебе любезность
И провожу тебя до двери,

Но если ты назад вернешься,
В канаву выброшу тебя!

Всего не понял несмышлениш,
Но он повинился молча.
Когда ж за ним закрылись двери,
На этот звук он обернулся
И в путь бестрепетно пустился.
Он брел
По улицам столицы.
Столь далеко зашел впервые,
И все, что видел, было ново:
Дома, ряды нарядных лавок,
Толпа прохожих разодетых...
Раскрыв глаза, стоял мальчишка,
Раскрыв глаза, шагал он дальше,
И если улица кончалась,
Она в другую превращалась,
Как будто город был бескрайным.

От путешествия такого
Устал ребенок. И на тумбу
Взял и присел у перекрестка,
Ребят каких-то увидал.
Любуясь блеском их игрушек,
Он улыбался и как будто
Играл он тоже вместе с ними,
И незаметно задремал.

Спал долго.
Вдруг ему приснилось,
Что два пылающие прута
Из раскаленного железа
В глаза ему хотят вонзиться.
И тут он застонал от страха,

Затрепетал и пробудился.
Была уж ночь. На небе — звезды,
На улицах — ни человека,
И только жирная старуха
Стояла перед ним.
Упорно
Она в глаза ему глядела,
И мальчик испугался больше,
Чем раскаленного железа,
Ее пронзительного взгляда.
И головой припал он к тумбе,
Взглянуть не смея на старуху,
Но и не смея отвернуться.
Погладила его старуха
И ласково проговорила:
«Как звать тебя? Кто папа с мамой?
Где ты живешь? Пойдем. Дай ручку.
Я доведу тебя до дома.»
«Сильвестр я, — мальчик ей ответил. —
Кто папа с мамой — я не знаю.
Меня нашли. Домой вернуться
Я не могу — меня соседка
В канаву бросить обещает!»
«Тогда пойдем, сынок, со мною.
Пойдем! Тебе я буду мамой
Заботливой и кроткой... Хочешь?»

И вслед за страшною старухой
Пошел с тревогою ребенок.
Дрожал, почти терял сознание —
Чего боится — сам не знал.

«Мы здесь живем, сынок. Вот видишь, —
Сказала страшная старуха, —
Мое жильё — каморка эта!

А кухня будет за тобой.
Ты не соскучишься. Тут — песик...
Эй, песик! Правда, милый песик?
Вот с ним и будете вы вместе
Здесь на одной подстилке спать!
Постели лучшей и не надо —
Тебя согреет милый песик.
Не бойся, это — добрый песик!
Гляди, как ласково он смотрит,
Приветливо хвостом виляет!
Вы будете любить друг друга,
Как братцы, я не сомневаюсь!
Ну вот, ложись теперь и спи.
Есть хочется? Дала бы ужин,
Но поздно, спать тебе охота,
Да и к тому ж, на сон грядущий,
Особенно ребятам малым,
Есть не полезно — черти снятся!
Ложись же, мальчик, и усни!»

Затем старуха удалилась,
А мальчик робко к псу поплелся
И лег с ним рядышком несмело.
Но дружелюбно
Прижался пес к спине ребячьей.
Сквозь сумрак ночи очи пса
Сверкнули, и мерцанье это
Таким казалось мирным, братским,
Что мальчик вовсе осмелел.
Они все ближе и все ближе
Во мгле друг к другу прижимались.
Ребенок гладил пса по шерсти,
И в губы пес его лизнул,
И разговаривал с ним мальчик,
А пес в ответ скулил о чем-то,

И такова была завязка
Горячей дружбы...

А наутро
Старуха мальчику сказала:
«Теперь, дитя мое, послушай!
Пойми, пожалуйста, что даром
Я содержать тебя не стану —
Ведь даром даже гроб господень
Не стерегли! Пойми, дружок:
Работать надо!
Так и написано в Писаньи:
«Кто не работает — не ест!»
Тебе придется потрудиться.
Не бойся! Будет этот труд
Не тяжелее, чем у принца!
Труд этот нищенством зовут!
Вот — вся работа. Мне уж стыдно
Просить — я слишком раздобрела.
Меня народ жестокий гонит,
Когда я руку протяну.
А ты для попрошайства годен,
Тебя-то люди пожалеют
И подадут. Ты говори:
«Я сирота, отец мой помер,
А мать лежит больная дома!»
Следить я буду за тобою
Из-за угла, и это значит,
Что ты трудиться должен честно.
В противном случае — заплачешь.
Могу сказать тебе заранее:
Добра я в добром настроенье.
Но очень зла я, если — злая!
И будет лучше, если это
Ты на носу себе зарубишь.

Ты понял?
Значит, будешь клянчить
У всех, чье платье побогаче,
Чем у тебя. Таких — немало...
При виде их ты тянешь руку,
А голову склоняешь набок,
А брови этак вот сдвигаешь,
А губы так вот опускаешь,
А глазки этак вот слюнявишь,
А произносишь вот что, помни:
«Во имя матери и бога!»
Все ясно? Повторять не надо?
Не понял — повторю сначала,
А непонятны объяснения,
Так я науку попрошайства
Вобью в тебя вот этой палкой!»

«Я понял все, — Сильвестр ответил, —
Я ничего не позабуду.»
«Ну, покажи! — сказала ведьма.
Послушала и удивилась. —
Хи-хи! Прекрасно, в самом деле!
Впрямь дно нашла я золотое
В тебе, сынок!»

Тут ухмыльнулась
Старуха пакостная:
«Будем,
Как графы, жить! Совсем, как графы!
Немедленно приступим к жатве.
Есть хочешь? Ну, когда вернемся,
Наешься прямо до отвала.
А, впрочем, много есть не надо,
А то некстати разжиреешь
И вся удача, точно заяц,

Ускачет, а тогда по следу
Хоть палкой бей — не будет толку!
Гроша не стоит
Толстый нищий!»

Идут на людный перекресток.
«Вот здесь и встань!» — сказала ведьма,
Сама идет в кабак соседний,
Поглядывает из окошка.
И каждый раз, когда Сильвестру
Бросает кто-нибудь монету,
Карга стаканчик подымает,
Отхлебывает ухмыляясь.

8

Так проходили дни за днями.
Просил и голодал ребенок.
Заботилась карга исправно,
Чтоб он не разжирел, бедняжка.
Просил и голодал — лишь это
Он знал и ничего иного.
Он видел: сверстники играют,
И думал: «Как бы славно было
Играть вот так, с другими вместе!»
И созревал печальный разум,
И ясно понимал ребенок,
Что он — несчастен!
Уже два года
Он попрошайничал вот этак,
Уж больше и не приходилось
Слезу подделывать слюною —
Глаза слезой блистали сами!

И лишь один был друг, который
Всегда глядел тепло и с лаской
На мальчугана.

Любовь у них была взаимной,
И с этим другом он делился
И тем, что получал от ведьмы,
И тем, что подавали люди.
Была собака
Этим другом!

Сильвестр утрами чуть не плакал
При расставанье с другом верным,
А возвращаясь, ликовал он,
Увидев пса... Старуха ведьма
Уже возревновала к дружбе.
Завидовала, что собака
Ее любила много меньше,
Чем мальчика. И часто била
Собаку, а собака выла,
А мальчик плакал. И старуха
Собаку выгнала из дома,
Но пес тотчас же возвратился.
Сильвестр любил его все крепче,
Старуха гневалась все больше!

Так жил ребенок. Шестилетний,
Он нищету шести столетий
Познал. И радости сиротской
Познал он несколько минут.
Дрожа от холода, стоял он
На улице. Был поздний вечер
Ненастной осени. Над грязью
Висел туман.
В грязи, в тумане,
Сильвестр, босой, стоял без шапки,

Худую маленькую руку
Протягивал к прохожим он.
Просил он. И горячей болью,
И перезвоном похоронным
Его моления доносились
До человеческих сердец.

И вдруг какой-то хмурый барин
Взглянул так пристально и грозно,
И так его сверкнули очи,
Что захотелось убежать.

«Постой! — промолвил хмурый барин.
Сильвестр не смел пошевелинуться. —
Где мать твоя и кто отец твой?»
«Мать...» — Мальчуган хотел начать
Привычное повествованье,
Что мать больна и голодает,
Отец же только что скончался,
Но вдруг решил, что хмурый барин
Не даст ему солгать ни слова.
«Он знает все», — подумал мальчик...
«Родителей нет у меня! —
Он прошептал. — И ничего я
Про них не знаю. Я — подкидыш!»
«Иди за мною», — буркнул барин,
И мальчуган повиновался.
Но ведьма, выйдя из трактира,
«Лжец! — закричала. — Дрянь мальчишка,
Куда ты? Это сын мой, сударь!
Ведь это, сударь, мой сынок!»

«О сударь! — закричал ребенок. —
Не сын я ей! Не верьте, сударь!
Спасите, сударь, защитите,

С собой возьмите, умоляю!
Мне нищенствовать надоело,
Я соберу — она отымет!
Она меня почти не кормит,
Затем, чтоб стал я худ, как щепка,
И мне щедрее подавали!
О господи! Я есть хочу! » —
Так закричал Сильвестр. С мольбою
Он поглядел на господина,
И слезы хлынули как дождь.

«Ах ты, подлец, ах, богохульник! —
Седая ведьма заорала. —
Ах, жёлудь с дьявольского дуба!
Ты, колос лжи, худая морда,
Негодная и на подметки!
Такой-сякой ты, дрянь сплошная!
Ты скажешь, что и подаянье
Мне отдаешь? Стыжусь до смерти
Такого попрошайки-сына —
Не догляжу, а он уж клянчит!
Ведь сколько раз его лупила
За то, что он меня позорит.
Бедна я, но просить нет нужды —
Живу на заработок честный...
Его я голодом морила!
На самом деле от себя
Кусок я лучший отрываю
И прямо в пасть ему сую...
Ну, ладно. Пусть... Но — отречься!
Ах ты, ничтожная душонка,
Неужто можешь ты, негодник,
От матери родной отречься?
Да как же печень, селезенка
Не вырвутся из злой утробы?

От матери своей отречься!
Как смел ты, внучек? Покарает
Тебя господь! Как смел от бабки...
Тьфу, черт... от матери отречься?»
И тут, переведя дыханье,
Карга пошла браниться дальше,
Но хмурый барин вдруг воскликнул:
«Молчать! Комедии довольно,
Не то тебя ударю палкой!
Ишь, ведьма!
Ты ж пьяна, как бочка!
Ну, ладно. С метриками завтра
Приди ко мне, но в трезвом виде
(Живу в большом вот этом доме),
И если метрики покажешь,
Ребенка я отдам обратно...
Ну, прочь иди! А ты, мой мальчик,
Иди за мной!»

За господином
Сильвестр пошел. Ему казалось,
Что ведьма тащится по следу,
За шиворот схватить готова.
Но та, не смея приближаться,
Там и осталась, где стояла,
И только кулаки казала,
Глазами страшными вращая.
Они пылали, как раскаленное железо,
Когда его кует кузнец.

9

Гораздо лучше зажил мальчик —
И воровать теперь не надо,
И попрошайничать не надо —

Что за блаженство! Что за счастье!
Лишь иногда тревоги ястреб
Над ним парил: а вдруг старуха
Придет и метрики предъявит?
Что делать? А порою реял
Над мальчиком печали голубь —
Припоминался верный песик,
Друг и товарищ.
В такие дни к старухе ведьме
Готов был мальчик возвратиться
И попрошайничать, чтоб только
Увидеть пса. Он часто снился.
Сильвестр во сне ласкал собаку,
А та ему лизала руку.
И, пробудившись, мальчик плакал
Так долго-долго, горько-горько.
А барин, приведя Сильвестра
В свой дом, тотчас распорядился,
Чтоб слуги привели в порядок
Несчастнейшего мальчугана.
Его почистили, отмыли
От старой грязи, вместо тряпок
В нарядное одели платье...
Как было все это приятно!
Как будто снова он родился!
Но вслед за этим хмурый барин
Позвал его и молвил строго:

«Вот сын мой! Ты его обязан
Звать «милостивым государем»,
И это будет твой хозяин.
Чтоб ты ему повиновался!
Он будет барин, ты — прислужник.
Ты должен слушаться и только.
Едва успеет оп подумать —

Понять ты должен и исполнить.
И все тогда в порядке будет —
Тебя одену И обую,
А коль не так — тебе на плечи
Навешу я твои лохмотья,
В которых ты сюда явился,
И — уходи, куда угодно,
И попрошайничай, как прежде!»

И молодому господину
Служить подкидыш начал честно.
Сопровождал его повсюду
И сделался хозяйской тенью.
И по движенью губ хозяйских
Угадывал, что хочет барич,
Чтоб выполнить без промедленья.

... Но все ж страдал наш бедный мальчик
По той причине,
Что юный сударь
Таким же был щенком противным,
Как все барчата...
Ежеминутно, ежечасно
Барчонок унижал Сильвестра:
Коль супом обжигал он губы,
То бил он по губам Сильвестра,
И если кто-нибудь при встрече
Не кланялся барчонку злему,
То он срывал с Сильвестра шапку,
А если за волосы дергал
Цырюльник барича, то барич
Тотчас хватал за чуб Сильвестра.
И не было такой издевки,
Какая бы ни приходила
На ум барчонку. Он Сильвестру

Ступал на пятки: «Прочь с дороги!»
Плевался и бросался грязью,
Чтоб посмеяться: «Как ты грязен!»
И бил. И если мальчик плакал,
То барич звал его ублюдком.

Терпел немало бедный мальчик,
Страдал все больше он и больше,
Однако все свои несчастья
Претерпевал он, как мужчина,
В котором дух живет могучий.

А почему не оставлял он
Мучительную эту службу?
О, если б вы об этом знали!

Нет, не харчи и не одежда
Удерживали от соблазна
Бежать отсюда без оглядки!
Он не был гусаку подобен
Иль петуху, что забредают
Далёко, но, почуяв голод,
Вновь возвращаются к кормушке.
Нет! Был на соловья похож он,
На жаворонка походил он,
Которые, едва почуяв.
Что растворились дверцы клетки,
Пренебрегают сытной пищей
И улетают безвозвратно,
Чтоб вольной волей насладиться.

Вот кем он был! Он был, как птица,
Стремящаяся на волю,
Но все ж не покидал он клетки,
Он к этой клетке был прикован

Одним желанием —
Учиться!

Учился он в господском доме:
Стоял он за спиной барчонка,
Заглядывая жадно в книги,
И все, что говорил учитель,
Немедленно запоминал он,
И то, что выучил однажды,
Из головы не вылетало —
Читать, писать он начал прежде,
Чем глупый барич...

Вот так и умножались годы,
Вот так и умножались знания,
Как будто бы рога оленя
Они ветвились.
И мальчуган гордился этим.
И, если барич
Все путал по обыкновенью,
Сильвестр его ошибки видел
И про себя он улыбался.
Все это понимал учитель,
И знал он, что слуга способней
Высокомерного барчонка.
И если тот не знал урока,
Учитель, на позор лентяю,
К слуге с вопросом обращался
И, получив ответ толковый,
Стыдил барчонка.

Но успехи
Сильвестру не сулили счастья.
Наоборот — кичливый барич
Слуге, который был умнее,

Мстил и придумывал обиды
Все оскорбительней, все злее.
А мальчик барские удары
Душою ощущал, не телом.
Краснел не потому, что больно,
А потому, что было стыдно.

Так время шло. И на рассвете
Семнадцатого года жизни
Лучи всходящего светила
Рассеяли туман сознания,
И каждый луч сливался в букву,
И буквы стали письменами.
«Довольно! По какому праву
Здесь бьют меня? Какое право
Один имеет человек
На то, чтоб обижать другого?
И разве создает господь
Того хорошим, а другого
Плохим? Нет! Если справедлив
Господь небесный, то не может
Так делать! Значит, всех людей
Он любит равно! Вот в чем правда!
Я больше не могу терпеть!
Довольно, хватит, будь что будет!
Я получаю пищу, кров,
Но ведь работаю за это.
И за добро я заплатил.
Они меня заставить могут,
Чтоб я работал дни и ночи.
У них на это право есть,
Но нету права на побои!
Пусть тронут только раз еще,
И я не потерплю, ей-богу!»

Так и случилось. И однажды,
Когда барчонок замахнулся
(Ждать этого пришлось недолго),
Сильвестр воскликнул:

«Хватит, барич!

Не смейте! Дам такую сдачу,
Что плакать будете до смерти.
Довольно был я вам собакой,
Которую пинали, били!
Теперь я стану человеком!
Ведь слуги — это тоже люди.
Поймите: то благодееянье,
Что оказал мне ваш родитель,
С меня вы сколотили палкой.
Итак, мы — квиты!»

От этой речи необычной
Остолбенел барчонок. Взвизгнул:
«Ты бунтовщик. Да как ты смеешь?
Подкидыш! Рабское отродье!»

Но голосом презренья полным
Ему в ответ промолвил мальчик:
«Да? Рабское отродье? Если
Уж говорить о родословной —
Быть может, мой отец знатнее
Всех ваших предков вместе взятых.
А то, что он меня подкинул,
Его, а не моя ошибка.
И если все аристократы
Так омерзительны, как вы,
То мой отец прекрасно сделал,
Что бросил он меня. Теперь
Благодаря его поступку
Я стану честным человеком!

Я бунтовщик? Но если бунтом
Считается у человека
Сознание, что человек он
И остальных людей не хуже,
То званье бунтаря приму я
С великой гордостью! И если б
Свои я чувства обнаружил,
За мной бы встали миллионы
И все бы в мире задрожало,
Как Рим дрожал во дни Спартака,
Когда рабы, сорвав оковы,
Хлестали ими стены Рима!
Нет, милостивый государь!
Бог с вами! Мы должны расстаться.
Сегодня с вами говорил я
Как человек. А коль слуга
Подыметя до человека,
То лучше с голода умрет
И лучше он пойдет на плаху,
Но не останется слугой!»

И повернулся он и вышел
Навеки из большого дома,
Где детство, как цветок болотный,
В воде стоячей отцвело.

Пошел куда глаза глядели,
В огромный мир побрел без цели,
И юность загорелась в сердце,
Пылало сердце, будто город,
В котором пламя раздувалось
Орущим великаном
Вихря.
И столько образов чудесных
В пыланье этом возникало,

И закалял тот пламень душу,
Как пламень горна брус железа!
А у заставы
Настиг Сильвестра
Учитель барский.
Едва переводя дыханье,
Добряк сказал:

«На, спрячь подальше
Вот эти деньги... Это за год
Я накопил... Тебе ж, мой мальчик,
Не на год хватит,
Коль будешь тратить
Экономно...
Я говорю тебе, сыночек:
Большим ты станешь человеком!
Я мальчиков тебя достойней
Еще не видывал... И сам я
Твои испытываю чувства,
Но высказать их я не смею.
Я очень за тебя боялся —
Ты поразил меня отвагой!
Благословит тебя создатель
За все слова твои... Совет мой...
Нет, мой приказ... Приказ! Ты слышишь?
Чтоб ты учился, кончил школу!
Я прокляну
За ослушанье,
Да и господь тебя накажет.
Не для себя на свет рожден ты,
А для отечества, для мира.
Вот мой приказ: изволь учиться!
А впрочем,
Сам ты это знаешь,
Ведь ты и так учиться любишь!

Итак, благословит создатель
Тебя, сынок! Живи счастливо
И вспоминай меня порою,
А если мой совет забудешь,
То и меня забудь навек!»

К учителю склонился мальчик,
Хотел поцеловать он руку.
Тот сделать это
Не позволил,
А сам Сильвестра крепко обнял,
Поцеловал и удалился
Он со слезами на глазах...

...Как радовался подросток,
Как радовался бедный мальчик:
Его впервые полюбили!
Шестнадцать лет он жил на свете
И мучился,
Покуда встретил
Человека,
Который оттолкнуть не хочет,
А обнимает.

10

Вот прочь из города он вышел,
Из тесных стен на вольный воздух,
Как из тюрьмы освободившись,
Пошел, вдыхая воздух вольный,
Наиценнейший дар господень,
От коего и ноги крепнут,
И крылья духа вырастают.

И на ходу он оглянулся,
А город был уже далеко,
Дома один с другим сливались,
И поглотил наполовину
Туман коричневые башни,
И, как пчелиное жужжанье,
Шум толп из города донесся,
И подбодрял себя подросток:
«О, дальше, дальше, чтоб не слышать
Тот шум и ничего не видеть,
Чтоб позабылось все, что было
В той жизни, если только жизнью
Все то, что было, звать возможно!»
Как будто бы кнутом гонимый,
Бежал Сильвестр. И город скрылся,
И лишь тогда, в бескрайной дали,
Он ощутил себя свободным.
«Свободен я! — вскричал подросток. —
Свободен я!» Ни слова больше
Не мог он вымолвить, но слезы
Об этом чувстве говорили
Красноречивее, чем речи.
О, что за чувства, что за мысли,
Когда впервой почувешь волю!

Все дальше, дальше шел подросток,
Туда, куда влечет природа,
И с величайшим удивленьем
Глядел он на леса, на горы,
И на луга, и на равнины —
На все, что открывалось взору.
И все это казалось новым.
Впервые видел он природу
В ее красе.
И жадный взор

Блуждал в зеленых дебрях леса
И по вершинам дальних гор,
Где шум ручья звучит, как гром,
А гром звучит, как будто грохот
Во время страшного суда...
И возвращался взор тогда
К безмолвным неизменностям пушты,
Где тихие ручьи блуждают
И кажется великим шумом
Жуков чуть слышное жужжанье.
Повсюду побывал подросток
И восхищенными глазами
Все обошел. И вот, охвачен
Священным чувством восхищенья,
Он опустился на колени
И господу взмолился так:
«Господь! Тебя я обожаю!
Теперь я знаю, кто ты! Часто
Слышал твое святое имя
И сам твердил я имя это,
Не ведая его значенья.
Но вот Великая Природа
Твое величье объяснила.
Теперь я знаю — кто ты! Славься,
Господь, вовеки!»

Куда б он ни взглянул — повсюду
Он видел чудную природу.
Но также видел он, скитаясь:
Везде несчастен человек,
Везде нужда и злодеянья
Его гнетут! Везде, всегда!
И убедился юный путник,
Что все ж не самый несчастный
Среди людей,

И было больно
Понять, что есть на свете люди
И большей жалости достойны,
Чем он. И собственная скорбь
Все меньше делалась, покуда
Не позабыл о ней он вовсе
И ощущать ее не стал.
И, чуя лишь чужие беды,
Сильвестр чело склонил на камни
И зарыдал.

11

И то, что кроткий воспитатель
Ему сказал, вручивши деньги
И обнимая на прощанье, —
Слов этих не забыл Сильвестр.
Он поступил учиться в школу
И обучался в ней прилежно,
И как луна средь звезд, сиял он
Среди товарищей своих.
Товарищи ему дивились,
Но все ж его не полюбили —
На них давило, точно камень,
Величие его души.
Так, на Сильвестра ополчились
И издевательство и зависть —
Летели ранящие стрелы.
Что тут поделаться мог Сильвестр!

«Зачем понадобилось это? —
Нередко с кроткой добротой
К товарищам он обращался: —
Вы обижаете меня!
Зачем, друзья, вам это надо?

Учусь не для своей я пользы —
А ради вас!
Ведь все, что в школе я узнаю,
Поверьте мне, пойдет на пользу
Всем добрым людям в этом мире —
Кому угодно, а не мне!
Когда б вы мне взглянули в душу,
Наверное бы полюбили
Меня вы так же, как сейчас
Вы ненавидите меня!
Когда б вы мне взглянули в душу,
Вы поняли б свою ничтожность
И веток бы рубить не стали,
Где созревает плод для вас!
В тени вот этих самых веток
Когда-нибудь вы отдохнете!
О близорукие ребята!
И вы полюбите меня!
Ей-богу! Я уверен в этом!»

Ребята, слушая, смеялись.
Все уверения Сильвестра
Служили лишь зарядом новым
В ружье насмешки. То ружье
Всегда нацелено на сердце
Сильвестру было. И подросток
Все дальше уходил от мира,
Все глубже уходил в себя.
Всех избегал. И стало другом
Лишь одиночество ему.

Так он и жил... О чем он грезил,
Пустой мечтой считали люди,
Но знал Сильвестр — его виденья
Живыми были существами,

Прообразами дней грядущих.
Они ему глядели в душу.
И как коран магометане,
И словно библию евреи,
Историю он мировую
Читал...

О, как она прекрасна,
Та книга чудная! Ведь каждый
Все в ней найдет, чего он ищет.
И для одних она — блаженство,
А для других она — мученье.
Жизнь для одних она, другим же
Сулит погибель книга эта.
Одним дает она оружие:
«Ступай, борись! Бороться будешь
Ты не напрасно!
Ты человечеству поможешь!»
Другим же говорит: «Довольно!
Слагай оружие!
Бороться стал бы ты напрасно!
Ведь будет мир несчастен вечно,
Как и в былых тысячелетьях!»

Что юноша прочел в той книге,
О чем он думал,
Когда дрожащею рукою
Закрыл он книгу?

«Вот виноградина, — он думал, —
Невелика она, а все же,
Чтоб виноградина созрела,
На это требуется лето!
Земля ведь тоже плод огромный,
Так сколько лет необходимо,

Чтоб этот мощный плод созрел?
Тысячелетья? Миллионы?
Но все же и земля созреет,
Созреет этот плод великий,
И будут лакомиться люди
Им до скончания веков!
...Под солнцем зреет виноград,
И прежде, чем он станет сладок,
Мильоны солнечных лучей
В него вдыхают пламень жизни!
Вот так же и земля! Она
Ведь тоже зреет под лучами,
Но те лучи не солнце льет,
А человеческие души.
Явление души великой
И есть вот этот самый луч,
Но появляются не часто
Такие души на земле.
Так как же можем мы хотеть,
Чтоб этот мир созрел столь быстро?
Я чувствую, я — тоже луч,
И помогаю зреть я миру.
Лучи живут лишь день единый,
И знаю я: когда начнется
Тот виноградный сбор великий,
Я отгорю уже, погасну,
И след моих трудов ничтожных
Затерян будет меж великих
Трудов всего людского рода.
Но все же придает мне силу,
Спасает от боязни смерти
Сознание, что я тоже — луч!

Так принимайся
За работу,

Душа моя!
Пусть ни минуты,
Ни дня потеряно не будет!
Задача велика,
А время
Летит,
А жизни дни — недолги!
А какова цель жизни? Счастье!
А счастье нам дает свобода!
Бороться буду за свободу,
Как многие уже боролись!
Пусть суждено платить мне кровью,
Как с многими уже случилось!
Примите, витязи Свободы,
Меня в ряды свои святые!
На верность знамени Свободы
Я присягаю! Если в теле
Найдется у меня хоть капля
Другой, изменнической крови —
Ее я выжму или выжгу
Из самой сердцевины сердца!»
Такое сделал он признание.
Признанья не слышали люди,
Но бог услышал. И открыл он
Священный фолиант,
В котором
Записаны все жертвы,
И записал в ту книгу имя
Сильвестра.

12

Так вырос в юношу подросток,
Так вырос юноша в мужчину.
И год за годом приходили,

И на земле они гостили
И, не прощаясь, уходили.
Не обошли они Сильвестра —
И каждый год оставить след
Стремился на лице и в сердце.
Сильвестр давно окончил школу,
И шел по жизни он, как будто
В толпе,
Где толкотня такая,
Что от толчков и от ударов
Тускнеет и души разумность
И свежесть юного румянца.

Мир не совсем таков на деле,
Каким рисуется в мечтах,
Он с каждым днем казался меньше,
И все ничтожней были люди,
Которых некогда господь
По своему подобию создал:
Те, кто должны смотреть на солнце,
Теперь клонили очи долу,
Как будто у червей учились
В пыли дорожной пресмыкаться.
Но чем казались меньше люди,
Тем более казался важным
Тот труд, к которому призванье
Имел Сильвестр. И, духом крепок,
Быть может делал он не больше,
Чем муравей, но делал это
Упорно он и неустанно.
Венец трудов роскошным не был,
Но был он целиком охвачен
Души немеркнувшим сияньем!

Познания и добродетель
Прославили его и в школе.
Когда ж прошел он курс наук,
Заманчивые предложенья
Богатой и почетной службы
Он получил от многих лиц:

«Ты поступи ко мне на службу!
Слугой мне будешь, это — верно.
Но ты учти: большая почестъ
Служить такому господину,
Как я! И если преклониться
Передо мной тебе придется,
То тысячи людей в округе
Преклонятся перед тобой.
И будешь только тем ты занят,
Что тысячи людей вот этих
Ты станешь обдирать, как хочешь, —
Разбогатеешь без хлопот.»

Сильвестр ответил: «Благодарен
Я вам за эти предложенья,
Но, чтобы слуг иметь ораву,
Не стану я слугою сам!
Я не желаю, чтобы в ноги
Мне кланялись собратья — люди,
И пусть никто не пожелает,
Чтоб перед ним я спину гнул!
Не знаю никого на свете,
Кто ниже был бы, чем я сам,
Но также никого не знаю,
Кто был бы выше, чем я сам.
А что касается богатства —
Его и даром не возьму!
Тем более — ценой насилья!»

Так отвечал он знатным людям,
Снимая перед ними шляпу,
Но голову не опустив.

Он пренебрег почетной службой,
Но бедняки пришли однажды,
Нотариусом пригласили
В свою деревню. Он пошел.
Он был и радостен и счастлив.
И вот, когда вошел в деревню,
Сказал с горящими глазами
Он бедным жителям ее:
«Народ, будь счастлив! Посмотри же
В глаза мои, чтоб стал я ныне
Тебе наставником, отцом!
Твоих обязанностей тяжесть
В твой мозг вбивали с колыбели,
А я пришел сюда сегодня
Учить тебя твоим правам!»

И он исполнил обещанье,
И не в корчму по вечерам
(Как это исстари водилось)
Крестьяне шли, а шли к нему.
И мог завидовать священник
Нотариусу молодому:
Его речам внимали старцы
И, что нотариус промолвил,
Передавали молодежи.
Сильвестра чтили, как отца.

Но было все-таки два дома,
Откуда не благословенья,
А лишь проклятия летели...
И обитали в тех домах

Помещик и священник местный.
Все ненавистней становился
Для них Сильвестр.
И, наконец, они решили
Сгубить Сильвестра,
Решили твердо, ибо знали:
Коль не погубят —
Погибнут сами!

Но билось и в господском доме
Такое сердце,
Которое всегда болело
За человека из народа;
Нашлась и здесь душа такая,
Что к молодому человеку
Стремилась, как стремились души
Крестьян окрестных.
И если кто хвалил Сильвестра,
То это сердце
Торжествовало,
И горевало это сердце,
Когда порочили Сильвестра.
Но чьи же очи оценили
При самом скверном освещенье
Достоинства картины чудной
И правильно о ней судили?
Кто это был? Не кто иная —
Хозяйка дома молодая!
Да кто другой и быть бы мог?

Прекрасны женские сердца!
Для эгоизма эти двери
Всегда закрыты,
И может он туда проникнуть,
Лишь как насильник или вор.

Но сердце женское открыто
Для радости, для красоты.
И правда, если даже правда
Была гонима отовсюду,
Приют находит в сердце женском...
Прекрасны женские сердца!

Сильвестр и не подозревал,
Что наверху, в покоях барских,
Есть у него такой союзник,
Такой красивый покровитель.
Он видел девушку, когда
Она гуляла по деревне
Иль из дворцового окошка
В упор смотрела.
Чудеснейшее ощущение
В душе Сильвестра возникало,
И будто говорило сердце:
«Ведь человек
Не только гражданин, но все же
И человек... Всегда ль он должен
Жить для других? А для себя?
О, бедный малый, бедный малый,
Когда же будешь, бедный малый,
Жить для себя? Придет ли время?
Своей душой ты всех даришь,
А кто тебе свою подарит,
Хотя бы часть ее, хоть взгляд,
Чтоб понял ты, что значит — счастье?
Ведь сердце жаждет!
Это сердце
Способно выпить целый ливень,
Но, может быть, росинки даже
Не упадет тебе на сердце!
Будь, юноша, судьбой доволен,

Неси спокойно холод жизни;
Даритель счастья, оставайся
Несчастливым! Сделайся землей,
Которая родит пшеницу,
Чтобы ее другие жали!
Будь факелом, который сам
Сжигает собственное тело!»

Судьба, — добра она иль злобна, —
Но порешила, чтоб однажды
Произошла такая встреча...
Свиданье было очень кратким,
Был разговор немногословен,
Но с этих пор встречались чаще, —
Случайно или же нарочно,
Они не думали об этом, —
А только все добросердечней
Их встречи были. Говорили
О чем угодно, об одном лишь —
Лишь о себе не говорили,
Но как-то раз — быть может, это
Спросила девушка из замка,
Или сама душа раскрылась,
Сильвестр не помнил, — но однажды
Поведал он,
Что нет на свете человека,
Который другом или братом
Его назвал бы...
Рассказал он,
Как жил у старикашки вора,
И как попал он к попрошайке,
И как он сделался слугой...
Крал, побирался, был лакеем.
И муки нищенского детства
Все ж были легче мук душевных,

Отяготивших его юность
Еще ужаснее, чем голод...
...И, снова заглянувши в омут
Той жизни, из которой выплыл,
Там, в глубине озерной, черной,
Он муки все свои увидел,
И дрогнула душа, и слезы
Из глаз бежали, как солдаты
Бегут толпою с поля битвы,
Когда проиграно сраженье...
А с ним и девушка рыдала.

13

И в тот же день пришлось Сильвестру
Совсем иные разговоры
Вести с отцом своей подруги.
К себе призвал его помещик
И отчитал: зачем крестьян
С пути он истинного сводит
И чуть не к мятежу зовет.
«Коль этого не прекратите,
То выгоню я вас отсюда!»
Сильвестр с достоинством ответил:
«Почтительно прошу вас, сударь,
Мне лекций не читать. Я вырос
Из школьных лет. И не привык
К нотациям. Коль я преступник
И бунтовщик, то есть законы,
Которые меня осудят!
А коль ни в чем не виноват,
То по какому это праву
Бранитесь вы? Чем вы грозите?
Я увольненья не страшусь!
Ведь я себе на пропитанье

Сумею всюду заработать,
Но я и здесь полезен людям,
И потому я не уйду!
И вы, в своих же интересах,
Не будете пытаться, сударь,
Изгнать меня! Ведь вслед за мною
Пойдет, пожалуй, весь народ,
Иль вынуждены удалиться
Вы сами будете отсюда!
Вам в виде доброго совета
Я, сударь, это говорю!
Я знаю жителей деревни
И пользуюсь у них доверьем,
Они на многое решатся,
Коль я скажу!»
И вышел прочь Сильвестр с поклоном.

А в следующее воскресенье
О нем церковный проповедник
Орал, от гнева содрогаясь.
Так обращался он к народу:
«Нотариус ваш святотатец!
Он богохульник, бунтовщик!
И все, кто с ним имеют дело,
Погибнут для земли и неба.
За то, что с бунтарем якшались,
Король предаст их казни смертной!
Не примет небо после смерти
Тех, кто с безбожником дружил!
Покайтесь же! — зывал священник. —
Исправьтесь же, пока не поздно,
Пока не грянул страшный суд!»
Упрашивал священник слезно
И в этой жизни и в загробной
Не отвергать возможность счастья,

Жизнь предпочесть позорной смерти,
Не выбрать вместо рая — ад!

Гневясь, народ покинул церковь
(Обитель господ и мира),
И ринулся он диким зверем
На молодого человека,
Которого еще недавно
Готов был звать отцом родимым.
Сказали юноше: «Коль завтра
Ты будешь здесь —
Убьем на месте!»
Как мог, старался убедить их
Сильвестр. И с небывалой страстью
Он возражал. Не помогло!
Где поп заговорит, там правда
Тотчас распятью предается,
От страха умирает правда!
Где только рот раскроет поп,
Там чёрт является тотчас же,
А чёрт, хотя и не всеильней,
Но все ж красноречивей бога
И коль не делом победит,
То соблазнит иным манером!
И было так. Народ покинул
Сильвестра с криками и бранью.

И духом пал Сильвестр на миг.
И от отчаянных раздумий
Отяжелела голова —
Насели на нее сомненья,
Как вороны на прах бездушный:
«Вот он каков,
Народ любимый,
Тот, для которого живу я

И кровь свою пролить хочу!
Таким он был тысячелетья
Тому назад. Тысячелетья
Пройдут, пока иным он станет.
Ну что ж! Ребенок он еще,
Его обманывать не трудно!
Но ведь и он когда-то будет
Мужчиной зрелым... А пока что
Дивиться нечему: попы
И короли — земные боги —
На том стоят, что в ослепленье
Людей держать необходимо.
Так для властей необходимо!
Ведь править можно лишь слепцами!
Как жаль народ мне этот бедный!
Всегда я за него боролся,
Теперь с удвоенною силой
Бороться буду за него!»
Спустился вечер. Ночь настала...
Последняя... К утру был должен
Уйти Сильвестр. В тени аллеи
Он встал. Темно окошко замка,
Откуда девушка глядела.
Она к окошку не подходит,
Исчез цветок его желаний,
Но юноша не отрываясь
Глядит. Он превратился в призрак...
Нет — в каменное изваянье!
В печаль и в лунное сиянье
Укутано его лицо.

Вдруг чувствует прикосновенье.
Он этого прикосновенья
Сначала даже не заметил...

Рассеянно он обернулся,
Увидел ту, кого искал!

«Я вашу милость ждал, — сказал он. —
Я вашу милость ждал, надеясь,
Что вы покажетесь в окошке
И перед вечным расставаньем
Я молчаливое прощанье
Пошлю глазами... Так я думал.
Но все ж судьба ко мне добрей!
И не устами, а глазами
Могу я с вами говорить,
И руку милую могу я
Сейчас пожать!
Господь с тобою, дорогое,
Единственное в этом мире
Родное существо! Решилась
Меня ты другом называть,
И мне позволила ты другом
Себя назвать! Воспоминаний
Нет у меня. И в бедном сердце,
Как будто в нищенской лачуге,
Останешься ты, как икона,
Перед которой на коленях
Стоять я буду по ночам!
Но если бы хранил я в сердце
Сокровища ценнейших в мире
Блестательных воспоминаний,
Я выбросил бы их оттуда,
Оставив лишь тебя одну!
Господь с тобой! Коль обо мне ты
Хорошие получишь вести,
Твоей заслугой это будет.
Хорошим стану и большим,
Чтоб ты испытывала радость

И не могла бы пожалеть,
Что приняла меня однажды
В свои друзья...
Господь с тобой!
Прощай, о ангел мой хранитель!»

И юноша во тьму рванулся.
Но девушка не отпустила
Его руки. И, запинаясь,
Сказала так:

«Господь с тобою!
Иди, мой друг! Господь с тобою!
Иди! Ты — самый благородный!
О, если б мне уйти с тобой!
Пошла бы с радостью великой!
Что ж! Не увидимся мы больше?
О ясная звезда, навеки
Ты падаешь с моих небес!
Ведь я люблю тебя. И, значит,
Я все должна сказать сегодня.
Должна сказать! Таить не надо,
А то душа моя извергнет
Всю скорбь, как пламенную лаву
Везувий извергает с громом!
Люблю! Но мне не быть твоей,
И вот, клянусь тебе я богом,
Что если я твоей не буду,
То не достанусь и другому!
Возьми... Вот перстень обручальный,
Пусть сломится алмаз вот этот,
А все ж тебе не изменю!»
И рай на юношу свалился
Со всем своим блаженством райским:
И юноша упал пред нею,

Ее колени целовал.
...Он в путь пустился утром рано,
Он шел и все глядел на перстень,
И снова, снова убеждался,
Что все это не сон безумный,
А явь.

Сильвестр пошел в столицу —
А почему, и сам не знал он, —
Но шел туда, где крал, где кланчил,
Где был у барича слугой.

В предместье
Нанял он мансарду.
Не знал еще он, чем займется...
Вдруг слышит: в дверь к нему стучатся,
И входит дама под вуалью.
Вуаль откинула и молча
Остановилась на пороге.
И бросился Сильвестр навстречу —
Узнал Сильвестр свою подругу.
Сказала девушка ему:
«Поехала я за тобою,
Но коль тебе я буду в тягость,
Скажи — и я уйду отсюда!
Не бойся, милый, не обижусь,
А только сяду на пороге
И так сидеть у двери буду
До той поры, покуда сердце
В груди не перестанет биться!
Я дома не могла остаться,
Шла всюду за тобою следом
И вот теперь дошла сюда...
Скажи, что сделаешь со мной?»

Она ему на грудь склонилась,
И вместе плакали они.

«Меня ты не прогонишь, значит? —
Спросила девушка. — Оставишь
Делить с тобою все, что будет —
Все радости и все печали?
Вот так с тобой я буду вместе
Переносить нужду и горе,
И если я взропщу однажды —
Не верь, что я тебя люблю!»

14

Как муж с женой они остались.
Соединил их не священник —
Любовь и бог соединили.
Они не повторяли клятву
Быть верными друг другу. Клятва
Там, в глубине их душ, осталась,
Где оставаться и должна
Нетронутой, неизреченной
И чистой, как звезда, которой
Дыханье даже не коснулось...

Дни счастья шли, и шли недели,
И мир не ведал,
Что было с ними.
Они не знали,
Что было в мире
И существует ли он даже.
Но, наконец, заговорила
Душа Сильвестра и сурово
Спросила: «Не пора ль проснуться?
Не для себя, а для других ты

Живешь на свете. Неужели
Забыл ты о своем призванье?
Вставай же и берись за дело!»
А вместе с тем еще суровой
Сказал забот домашних голос:
«Берись за дело, а иначе
Придется голодать обоим,
А вскоре и троим, пожалуй!»

И за перо тогда он взялся
И написал достойно, вольно
Все, что душа ему сказала,
И труд к редактору понес.
И тот прочел и так ответил:
«Вы, сударь, человек великий,
Но и безумец вы великий!
Величье ваше в том, что славный
Вы написали труд! Наверно —
Руссо не написал бы лучше!
Но вы безумец потому, что
Воображаете, что это
Вы ухитритесь напечатать.
Вы не слышали
О цензуре?
Поймите, что это такое!
Я, сударь мой, сравню цензуру
С такой чертовской молотилкой,
В которую снопы бросаем,
Чтоб вымолачивала правду
Она, как зерна, и пустую
Солому только возвращала
Для жвачки публике почтенной.
Неправда? Испытайте сами!
За зернышко малейшей правды,
Оставшееся в той соломе,

Согласен проглотить я пулю!
И если нет у вас желанья
Попасть в такую молотилку,
То сейте, сударь, не пшеницу,
А хмель и прочие дурманы!
Все это можете подать вы
Хоть целиком. Скажу я больше —
За это наградят вас щедро!»

Домой пришел он оглушенный,
Как будто головой о стенку
Он стукнулся... Решил он: ладно!
Напишет мягко он, смиренно,
Так гладко, что рука цензуры
Скользнет по бархатным страницам.

Но только, книгу переделав,
Заметил он: еще вольнее
И много горше книга стала.
И много раз писал он снова
И разрывал, прекрасно видя,
Что он идет не той дорогой...
И, наконец, он убедился:
Все то, что годно для печати,
Учить людей, увы, не может,
А то, что годно для ученья, —
Не может выйти из печати.

«Ужасно! — закричал он. — Значит,
Нет способа, чтоб мир услышал
Мои слова! Итак, я должен
Гасить в себе душевный пламень,
Которым мог бы мир поджечь!
Как видно, тот душевный пламень
Меня пожрет! Нет! Жить я должен!

Но где ж возьму на это денег?
Иль мне от принципа отречься
И, изменив ему, святому,
Покорно присоединиться
Ко всяким этим негодьям,
Обманщикам людского рода?
Нет! Лучше с голода подохну,
Уж лучше так я жизнь окончу,
Как начал — буду красть и кланчить, —
Чем напишу одну хоть букву,
Которая б не изливалась
Из чистого истока духа!
Нет! Не набью фальшивой марки
На помысел, пусть самый малый!
О помыслы мои! Бог с вами!
Как узники вы в каземате!
Пусть будет гробом и темницей
Для вас мой ум!

Нет! Так не будет.
Не допущу, чтоб вы погибли!
Настанет день, настать он должен,
Когда раскроются темницы
И вы всю землю обойдете,
Тепло и свет неся с собою,
Как солнца летнего лучи!»

Так
Отдых дал своим он мыслям,
А чтобы не лишиться хлеба —
Чужих творений перепиской
Оп занялся. О труд тяжелый!
Ведь и с работой дровосека
Он не сравнится!

С утра работая до ночи,
Нередко видел переписчик,
При свете лампы,
Как ночь проходит
И новый день сменяет ночь.
Но этот день был так же беден,
И на окне узор мороза
Был все затейливей и ярче,
И даже замерзали слезы
В глазах у женщины, но все же
Ее любовь не остывала.

А годы шли. И год за годом
Росла семья. Их стало трое,
И четверо. И четверилась
Нужда в мансарде поднебесной,
Где стены дождь исполосатил,
Где сырость порождала плесень,
Где на кровати спало трое,
А на полу, у изголовья,
Спал на соломенной подстилке
Глава семьи...

Лучи рассвета
Ложились на чело Сильвестра,
Как золотой венец,
Как теплый,
Блестящий божий поцелуй.

15

Вот пробуждается семейство.
Сначала — муж, хоть спал всех меньше,
Затем — жена и старший мальчик.
А младший? Все еще он спит.

Каким он сном заснул глубоким!
На цыпочках все ходят тихо.
И разговаривают тихо —
Пусть спит младенец. Пусть он спит!
Родители и добрый братец,
Оставьте этот тихий шепот!
Теперь гремите, грохочите —
Младенец не услышит вас!
Ведь мертвые не слышат шума...
Ведь с голоду ребенок умер!

Что может чувствовать родитель,
Что может испытать отец,
Увидев, что ребенок умер,
Особенно — когда он умер
От голода?!

Когда б господь
Влил в руку мне всю силу правой
Руки своей, едва ли все же
Я мог бы описать мученья,
Которые когтей миллионом
Тут в сердце женское впились!

О, дайте ей,
Припавши к тельцу,
О, дайте плакать, плакать, плакать,
Бросать из самых глубочайших
Водоворотов лютых мук
В недостижимый лик господень
Весь гнев души, все богохульства!
Не трогайте в священном буйстве
Безумно бьющуюся мать!
Мужчина в молчаливом горе

Склонился над младенцем мертвым,
А, впрочем, может быть он даже
И радовался, что ребенок
Страдать уже не будет больше.
А старший брат, на братца глядя,
Подумал, что, пожалуй, скоро
И он таким же точно станет —
Холодным, белым, неподвижным...
Что ж! Мертвых голод не томит!

Часы текли. Хоть тихо-тихо,
Но все ж текли. И без сознания
Мать, словно мертвая, упала
На дитяtko своих несчастий.
И вот на сердце стало легче,
И вздыбленные волны духа
Не штурмовали больше неба,
А только тихо колыхались,
Как будто на ветру колосья...
Взяв сына мертвого в объятия,
Качала мать его, как прежде,
И что-то говорила, пела,
Как шелестят во мраке зимнем
Лесные ветви:
«Спи, малышка,
Мой младенец!
Расскажи мне,
Что приснилось?
Верно, видишь
Сон хороший!
Спишь еще ты
Не в объятьях
У земли,
А мать качает,

Мать качает, обнимает!
Спи,
Прекрасный мой ребенок,
Белый цветик,
Белый лучик!
Спи,
Пока ты не проглочен
Матерью-
Землею черной!
Небеса
Закат целует,
Он целует их,
Румянит.
Я лицо твое целую —
Не горит на нем румянец!
Ты не хочешь улыбнуться,
Прежде чем со мной расстаться!
О душа моя и сердце,
Почему же ты не хочешь?
На погосте
Снежный холмик,
Белый крестик —
Спи, мой мальчик.
Над могилой
Я склонилась,
И не дождик —
Слезы льются
Тише вы,
Акаций ветви!
Со своим безмолвным сыном
Говорю я
На погосте,
Мы беседуем,
Молчите!

Не болит твоя головка?
А не ноет ли сердечко?
Под землей тебе не тяжко?
Для тебя что, мальчик, мягче
Руки матери иль гробик?
Спи, мой голубь!
Доброй ночи!
Об одном тебя прошу я:
Чтобы я тебе приснилась,
Чтоб всегда мы были вместе!»

Качая мертвого ребенка,
Мать задремала. И пока
Она спала, отец гадал,
На что он купит гроб ребенку?
И чем заплатит за могилу?
Ведь денег нет!
И в комнате он огляделся:
Быть может, что-нибудь найдется
Такое, что продать удастся?
Нет! Ничего!

Но от какой ужасной мысли
Вдруг побледнел и задрожал он?
Чтоб голым в землю
Не лег младенец,
Продать сокровище придется,
Которое хранил он пуще
Зеницы ока —
Вот этот перстень обручальный,
Который с пальца не смогла
Сорвать Нужда!

Он поседел от этой мысли,
Но — что поделать?

Снимая с пальца этот перстень,
Почувствовал он боль такую,
Как будто с сердцем растается
И будто рубит пополам он
Все то, что есть, и то, что было,
И будто мост он разрушает,
Что зиму связывал с весной,
И будто лестница сломалась,
С земли ведущая на небо...
Но, значит, так уж надо было,
Чтоб в землю голым
Не лег младенец.

Его красиво хоронили,
Был крепок гробик деревянный,
А саван соткан был из шелка.
Велик был камень над могилкой.
Недешево был продан перстень,
И все пошло на погребенье —
Душа отца не допустила,
Чтоб был истрачен
Даже грошик
На хлеб насущный,
Хоть в нем нужда была огромна.
Но в яд бы превратилась пища
И отравила бы Сильвестра,
А жить ему еще хотелось!

16

Ведь он сказал: что мысль его
В нем не умрет,
А день придет —
Покинет мысль свою темницу
И обойдет весь шар земной!

Так и случилось. Что не мог он
Достичь усилием долголетним,
На что он тратил труд напрасный, —
Все, все осуществилось вдруг:
Нашел он тайную печатню,
В земле сокрытую глубоко,
И там он отпечатал книгу...
Что было в том произведенье?
Там было, что попы — не люди,
А черти,
Короли — не боги,
А люди.
Было там, что люди
Все равны пред лицом господним
И человек не только право
Имеет на свою свободу,
Но он обязан перед богом
Свободным быть!
Свобода — лучший дар господень.
И те, кто этот дар не ценят,
Не ценят бога самого!

И книга вышла. Эта книга
С невероятной быстротою
В десятках тысяч экземпляров
Распространилась по земле.
Мир поглощал страницы эти,
Как освежающий напиток,
Но Власть от гнева побледнела,
Нахмурилась от гнева Власть,
И вот слова загрохотали:
«Мятежник-автор оскорбил
Его величество и веру!
Да понесет мятежник кару!

Ведь свят и неприкосновенен
Закон!»

И страшно был наказан автор:
Средь улицы его схватили
И повели...
И закричал он: «Погодите,
Я не хочу бежать! Пойду
За вами я беспрекословно,
Но подождите хоть немного.
Вы видите мансарду эту?
Я в ней живу!
Туда меня вы отведите
Хотя б на краткое мгновенье!
Жену и малого ребенка
Я обниму, благословлю,
А после этого тащите!
Простившись с ними, в ад пойду я,
А не простившись — не желаю
Попасть и в рай!
Вы не отцы и не мужья вы!
Что испытали бы вы сами,
Коль так бы поступили с вами?
Ведь, кроме сына и жены,
Нет у меня на свете близких,
А у жены и у ребенка
Нет никого другого в мире,
Лишь я один у них и есть.
О люди добрые, пустите
Проститься, увидеть друг друга
Хотя б на краткое мгновенье
И может быть, в последний раз!
О, не меня вы пожалейте,
А их! Они не виноваты,
Они закон не нарушали,

Так для чего же их карать!
О боже! Вас не могут тронуть
Мои слова. Но пусть вас тронут
Вот эти слезы — капли крови,
Моей души смертельный пот!»

Рыдая, пал он на колени
И, как в былом своей любимой
Он ноги обнимал, так ныне
Колени обнял палачам,
Но палачи, смеясь жестоко,
Поволокли его к телеге,
Уже стоявшей наготове.

Увидев, что слова напрасны,
Все силы он свои напруг,
Чтоб, яростно сопротивляясь,
Спасти себя!
Боролся с львиного отвагой,
Но тщетно! Смяли и связали,
И бросили его в телегу,
И, лежа в ней,
Вопил он страшные проклятья:

«Проклятье вам и вашим детям,
О сатанинские вы твари,
Одетые в людскую кожу!
Нет человеческого сердца
У вас в груди, там жабы скачут!
Пусть отвратительные язвы
Покроют ваши злые морды,
Как злоба кроет ваши души!
Пусть черви из помойной ямы
Сожрут вас всех!
Будь проклят ты, король злодейский,

Себя считающий за бога!
Ты чёрт проклятый, лжи ты демон!
Кто поручил тебе, мильоны?
Не пастырь ты людскому стаду!
Красней твоих одежд пурпурных
Твоя кровавая рука,
Твой лик бледней твоей короны,
А сердце у тебя чернее,
Чем траур, тянущийся, точно
Ночная тень,
Вслед за деяньями твоими!
Проклятый вор!
Как долго ты еще сумеешь
Владеть украденною властью?
Зачем похитил ты права?
Пускай восстанут миллионы,
И если ты тогда посмеешь
Пойти наперекор народу
С толпой наемников своих,
Пусть бог не даст тебе погибнуть
В геройской битве, как мужчине!
Ты бросишься трусливо в бегство,
Захочешь спрятаться под трон,
Как под кровать собака лезет,
Но вытащат тебя оттуда
Со смехом дети и старухи
И в умоляющие очи
Они начнут тебе плевать!
А те, кому давал ты ногу
Для поцелуя,
Твои оскаленные зубы
Ногами вышибут из рта!
Пусть выбьют из тебя пинками
Твою ничтожнейшую душу,
И сдохнешь ты в таком же горе,

В какое ты меня приводишь!
О скорбь! Жена моя и сын!»

17

Дремал ли он и вдруг очнулся?
А может быть, с ума сходил он
И выздоровел? Без сознания
Был час он или много больше?
Не знал он этого. Он думал
И думал — что это случилось?
Глядел и ничего не видел...
Очнулся он во тьме кромешной.
Сказал он: «Ночь. И, вероятно.
Я спал, и что-то мне приснилось...
Тот сон не целиком я помню,
Но он, конечно, был кошмарным.
Об этом даже и не стану
Жене рассказывать. Не надо
Ее пугать... Скорей бы утро!
Такой гнетущей, жуткой ночи
Еще, пожалуй, не бывало...
Любовь моя, меня ты слышишь?
Наверно, спит. Не отвечает.
Ну, ладно... Спите, дорогие!
Спокойно спите, тихо спите.
Но где ж рассвет? Когда же утро?
Меня задушит ночь густая.
Яви, рассвет, свой лик блестящий!
Хотя бы кончиками пальцев
Коснись меня. Мой лоб пылает,
Как будто извергают лаву
Из головы моей вулканы,
А мозг уже разъят на части...»

Чтоб утереть свой лоб вспотевший,
Он поднял руку. Что такое?
Что зазвенело?
Кандалами
Грохочет он! Все, все он вспомнил!
И холод пробежал по телу,
Как ветер мчится средь развалин.

Все, все теперь он вспомнил ясно:
Его на улице схватили,
И потащили, и связали,
И он не мог увидеть даже
Жены и сына своего.
Не мог он с ними попрощаться,
Взглянуть им в очи дорогие,
Которые его богатством
И счастье были...
И теперь он
Меж стен тюремных под землю
Сокрыт бог знает как глубоко,
Во всяком случае поглубже,
Чем труп,
Опущенный в могилу.
Когда ж он вновь увидит солнце?
Когда увидит дорожку?
Кто знает! Никогда — быть может!
А почему попал он в яму?
А потому, что вздумал людям
Поведать откровенье божье:
Есть общее добро на свете,
Которое должно достаться
Всем поровну, и это благо —
Ты, драгоценная Свобода!
И кто отымет у другого
Хотя бы крошечку Свободы,

Тот совершает грех смертельный
И истребленье подлежит!

«О ты, священная Свобода,
Теперь я за тебя страдаю, —
Сказал с великой болью узник, —
И если бы я в этом мире
Один был, как в былые годы,
То здесь, на каменной скамейке,
Сидел бы я теперь спокойно,
Так гордо, как сидит на троне
Король-насильник! И, ликуя,
Носил бы я свои оковы,
Как прежде — перстень обручальный!
Но у меня жена, ребенок.
Кто будет хлебом и любовью
Питать их? Что случится с ними?
О сердце, если ты не можешь
В холодный камень превратиться,
Так что же ты не разорвешься?»
Так он стонал, кричал и плакал,
А вечный мрак смотрел спокойно
И равнодушно на Сильвестра.
И замолчал он наконец,
Как будто сдался дух усталый
И стал немым и неподвижным,
Таким бесчувственным, как камень
Тот, на котором он сидит,
Таким бесчувственным, как мрак,
Которым нынче он объят.
Не чувствовал, а только думал.
Летели мысли низко-низко,
Как птицы, чьи подбиты крылья:
«Тюрьма моя, сестра могилы!
Кем выстроена? Кто разрушит?

С каких ты пор стоишь? Доколе?
Кто до меня во мгле томился?
Свободолюбец, мне подобный,
А может быть, простой разбойник?
И здесь ли в прах он превратился,
Иль снова божий мир увидел?
Прекрасен мир — поля и горы,
Леса и реки, и равнины,
Цветы и звезды... Но, быть может,
Я больше их и не увижу,
А может быть, тогда увижу,
Когда забуду их названья...
Неужто год пройдет в темнице?
Здесь каждая минута — вечность,
Здесь время медленно плетется,
Как старый нищий одноногий!
Год! А быть может, даже — десять,
Быть может — двадцать. Даже больше!
Придите же ко мне скорее
Вы, мертвецы, что здесь уснули!
Потолковать хочу я с вами.
Меня научите, быть может,
Как надо коротать здесь время.
О мертвецы, ко мне придите!
И я, уже мертвец быть может,
Дурные сны в могиле вижу...
Меня живым похоронили,
Я мертв! Уже не бьется сердце,
А эта дрожь в груди холодной
Не боле, чем последний трепет
Больной души...»

И вовсе перестал он думать.
Ни в голове его, ни в сердце
Ни чувств, ни мыслей не осталось.

Сидел, как статуя, недвижно,
Смотрел он молча в очи ночи,
Заполнившей его темницу.
Застыли, омертвели члены,
И голова его склонилась,
И начал он терять сознание,
И навзничь он упал на камни.
Заснул ли? Потерял ли память?
Лежал он долго без движенья
И вдруг,
Как будто поднят взрывом
Или железом раскаленным
Ожжен, вскочил с таким он воплем,
Что даже стены застонали:
«Куда ты! Стой!»
Простер он руки,
Как будто что-то обнимая,
И снова рухнул на скамейку
Он, обессилен. И застыли
В его очах большие слезы.
И, будто выдыхая душу,
Он прошептал:

«Ушла. Исчезла!
Теперь всему конец. Свершилось!»

Что случилось? Кто его покинул?
Что кончилось? Приснилось что-то?
Нет. Было то не сновиденье,
И все ж не явь!
Перед Сильвестром
Явилось женщины виденье,
В котором он узнал супругу.
Она, она к нему склонилась
И на ухо ему шепнула:

«Господь с тобой. Я — отстрадала!»
Поцеловала и исчезла.

И он вскочил. Глаза раскрылись,
Но все ж ее он видел, видел
Еще мгновенье. Вслед за этим
Сгустилась тьма еще ужасней,
Как после молнии бывает.
«Господь с тобой! Я — отстрадала!»
Он вспомнил этот мертвый голос,
Он понял: больше не придется
Услышать этот голос нежный.
«Господь с тобой! Я — отстрадала!»
«Господь с тобой! Под страшным вихрем
Ты, ветвь души моей, сломилась!
С цветущей ветвью вихрь умчался, —
Зачем он дерево оставил?
Пусть вывернет меня он с корнем
И унесет за ветвью следом!
Пусть я найду тебя увядшей,
Чтоб весь остаток этой жизни
Проплакать у святых развалин.
За жизнь я больше не цепляюсь —
Я жизни цель уже утратил:
Была ты целью этой жизни!
Ведь для тебя я жил на свете,
Благодаря тебе и жил я,
О ты, любви моей богиня!
Действительность — лишь только ты,
А человечество, свобода —
Ведь это все слова пустые,
Лишь призраки, во имя коих
Бороться могут лишь безумцы!
Ты, только ты реальность жизни,
Ты — явь, любви моей богиня!

И ты потеряна навеки!
И если я, как крот, разрою
Всю землю — не найду тебя я!
Ты только прах, как все другое,
Такой же и ничем не лучше!
Среди других ты растворишься,
Как будто зверь или растение!
Но даже и утрату эту,
Всю тяжесть эту понесу я,
До той поры пока не рухну,
Лишь удалось бы попрощаться
И ей сказать одно лишь слово,
Одно коротенькое слово!
Конец, конец! Ведь даже это
Господь мне не позволил сделать...
Как беспощаден бог небесный!
А человек, глупец ничтожный,
Склоняет перед ним колени,
Зовет отцом и обожает...
Нет! Ты — тиран, господь небесный!
Я шлю тебе свое проклятье.
Сидишь ты на небесном троне,
В своем величье хладнокровном
Земным тиранам уподобясь,
Сидишь, господствуя кичливо,
И, что ни день, зари лучами
И кровью из сердец разбитых
Окрашиваешь тусклый пурпур
Давно уж выцветшего трона!
Ты хуже всякого тирана!
Будь проклят! Так же, как отрекся
Ты от меня, я отрекаюсь
И от тебя! Пусть будет меньше
Одним рабом! Возьми обратно
Жизнь, что швырнул мне как подачку!

Бери назад! Отдай другому!
Пушкой другой в ней прозябает!
Меня не тешит жизнь-подачка!
Я под ноги тебе бросаю
Всю эту жизнь! Пусть разобьется
Она, как черепок негодный!»

Он так вопил, что тьма дрожала
В испуге. И, вопя безумно,
Лбом он ударился о стену,
И зазвенела от удара
Стена, как будто бы от боли.

И так лежал он в луже крови,
Сочащейся из головы,
И все ж не умер, жив остался.
Жизнь горемычная прилипла
И приросла к нему так крепко,
Как и к душе его — мученья,
Как и к тюрьме его — безмолвье!

18

Десятилетье в каземате!
Ведь это даже и на воле
Немалый срок, а здесь... подумать!
Оброс он гривой, бороною...
Все всматривался: «Не седею?»
И все себе казался черным,
Хоть белым стал давно, как голубь,
Но в темноте не видел это.

И было то десятилетье
Единой бесконечной ночью,

Но все-таки он ждал рассвета.
По временам ему казалось,
Что он века, тысячелетья
Сидит на этом самом месте,
Что Судный день уже свершился
И что земля давно погибла,
И только вот темница эта
Стоит, в которой он забыт.

Из сердца вылетели страсти,
Не проклинал он больше бога,
И даже и не вспоминались
Ни бог, ни люди...
Скорбь из сердца
Давно уж вылетела тоже,
И только иногда он плакал
При пробужденье, потому что
Во сне к нему еще являлось
Виденье милое — супруга,
Которая за гробом даже
Была верна... Но милый образ
Скрывался, исчезал бесследно,
И узник плакал, плакал, плакал...

Но почему не видел сына?
Ведь сын-то у него остался?
Он спрашивал себя об этом
И отвечал: «Должно быть — так!
Не умер сын мой, потому что
Живым сюда пути закрыты
И только мертвые приходят...
Лишь ты приходишь, милый ангел,
А сын наш — жив, большим он вырос...
Но кем же стал ты, мой сыночек?
Что делаешь ты, сиротинка?

Нуждаешься, наверно, ты?
Быть может, сделался ты вором
И захоронен палачами
Здесь, под землю, по соседству,
В одном из этих казематов?
Ты помнишь об отце, ребенок?
Ты любишь ли меня, сынок?»

Но что за шорох необычный?
Какой-то непривычный голос?
Прислушался несчастный узник,
И затаил дыханье он.
И тут душа его раскрылась
Совсем, как под лучами солнца
Вдруг распускается цветок.
И вот за десять лет впервые
Слагаются в улыбку снова
Сухие губы.
Ведь это птичка прилетела,
На край стены тюремной села
Поблизости его окна.
И сладостно она запела.
И шепчет узник, а быть может,
Он только лишь подумал это,
Сказать не смея, чтоб словами
Прелестной гостьи не спугнуть.

«О господи, какая радость!
Впервые я услышал щебет
С тех пор, как здесь томлюсь, а это —
Я знаю — длится целый век!
Пой, птичка, пой! Пусть песнь напомнит,
Что жил я, что живу и ныне!
Пусть щебет твой напомнит юность,
Давно умчавшуюся юность,

Весну и тот цветок весенний,
Который мы зовем любовью!
Твой голос пробуждает муку,
Но вместе с тем и утешает,
А утоление страданья,
Быть может, сладостней, чем радость!
Пой, птичка, пой! Но чей ты вестник?
Кто научил тебя, о птичка,
Взлететь сюда, на эту стену,
Куда взлетают лишь проклятья?
Святое небо! Эти мысли
Меня убьют!
Умру от счастья!
Душа предсказывает: буду
Я на свободе, и умру я
Не в этом мертвом каземате,
А под господним вольным небом!
О птичка на стене тюремной,
Ты — странник по просторам вольным,
Ты — вольной воли предвозвестник!
Так будет! Я не сомневаюсь!
Будь крепким, сердце! Если горю
Тебя сломить не удалось,
Пусть тебя не сломит радость!
Так будет! Ведь позор и горе
Однажды опостылят миру,
Он сбросит их и первым делом
Тюремные разрушит своды,
И слезы радости вселенской
Сейчас же упадут на лица
Тех, кто томится за Свободу!
О птичка на стене тюремной,
Ты — странник по просторам вольным,
Ты — вольной воли предвозвестник!»

И ключ в замке тюремном скрипнул,
Испуганно вспорхнула птичка,
Открылась дверь, и страж тюремный
Сказал Сильвестру: «Ты свободен!»

И узник в радости великой
За голову свою схватился,
Как будто удержать сознание
Хотел он, чтоб не улетело.
«Есть! — в детской радости он крикнул. —
Есть! Улететь не дам сознанию!
Я не безумен. Понимаю
Все, что случилось. Я — свободен!
Но это значит, что свободны
И нация и вся отчизна?»

«Тебе какое дело, дурень,
До нации и до отчизны? —
Ответил сумрачный тюремщик. —
Благодари, что сам свободен!»

Но узник этого не слышал.
Далёко улетели мысли,
Они полмира облетели,
Ища безвестную могилу,
В которой спит его супруга.
«Я отыщу тебя сначала! —
Так про себя проговорил он. —
Меня ты навещала часто,
Найду и поцелую землю,
Которая тебя покоит!
... О, как вы медленно, как долго
Сбиваете с меня оковы!
Минуты эти длятся дольше,
Чем годы, что страдал я здесь».

Как молоко сосет ребенок,
 К груди припавши материнской,
 Так сладко пил он вольный воздух,
 И каждый вздох снимал по году
 С его души окаменевшей,
 И будто мотылек легчайший,
 Его душа теперь порхала
 В цветах, среди воспоминаний.
 И этот вольный, чистый воздух
 Омолодил Сильвестру душу,
 Но тело оставалось дряхлым,
 Он брел, на палку опираясь,
 И ветер разведал печально
 Седую бороду и космы.
 ... За десять лет сто лет он прожил!

Дойдя до дома,
 Где когда-то
 На чердаке он шил с семьею,
 В людей он пристально взгляделся,
 Но не нашел он лиц знакомых.
 Наверно, это — новоселы,
 А может быть, забыл он лица...
 Спросил он:
 «Кто сказать мне может
 О бедных людях, что когда-то,
 Давным-давно в мансарде жили?»
 И описал свое семейство.
 «Да, помню я, — проговорила
 Одна смиренная старушка, —
 Жила тут юная бедняжка,
 Был муж у ней злодей, безбожник,
 Но он понес за это кару —

Давным-давно сидит в темнице,
А может быть, он там и помер!
Его несчастная супруга
Не выдержала потрясения,
Скончалась от разрыва сердца!
Я не пойму, как можно было, —
Сказала добрая старушка, —
Любить подобного злодея
И от печали умереть!»

И выслушал он равнодушно
Старушечье повествованье,
Как будто это говорилось
О ком-то вовсе постороннем.
Спросил он: «Где похоронили
Ту женщину? Что случилось с сыном?»
«Что случилось с сыном, я не знаю, —
Ответила ему старушка. —
Как мать его похоронили,
Не видела его я больше,
А где ее похоронили —
Мне это неизвестно тоже;
На похороны собиралась,
Да не пошла я — в это время
Меня позвали на крестины.»

«Ну, я найду, — Сильвестр промолвил, —
На кладбище я побываю
И разыщу...»

И он поплелся
На кладбище. И все могилы
Он дважды обошел, но все же
Не мог он отыскать могилы,
В которой милая зарыта.

Исчезла! Сгинула бесследно,
Как солнечных лучей сиянье;
Надгробный крест свалила буря,
Могильный холмик ливнем смыло...
Бог с нею!

Но больно, больно, очень больно
Для старца было, что не мог он
Остаток слез, не иссушенных
Огнем страданий многолетних,
Излить на прах своей любимой.
И утешал себя он тем лишь,
Что эта боль была последней,
И навсегда он рассчитался
И с радостями и с печалью,
И может он теперь по миру
Как тень бесплотная скитаться,
Как плоть бездушная...

Ошибся!
Страданье не было последним!
Когда, из каземата выйдя,
Спросил он: «Нация свободна?
Свободна родина?» — к ответу
Он не прислушивался даже,
В свободу эту свято веря...
И что же испытал он вскоре?
Он вскоре понял, что отчизна,
Вся нация, весь мир томятся
Под игом более жестоким,
Чем десять лет назад, в те годы,
Когда дерзнул поднять он голос...
Он понял: с каждым днем слабеет
Достоинство людского рода
И тирания все жесточе!
Напрасны были все страданья,

Напрасны были эти жертвы,
И пылкие сердца напрасно
За человечество страдали.
Так неужели бесполезны
Все устремленья оказались
И оказалась безнадежной
Борьба? Возможно ли все это?
Нет, сто раз нет! Так быть не может!
Обрел он силу в этой мысли,
Огонь воспрянул, еле тлевший.
И голову вновь поднял к небу
Вновь юношею ставший старец.
И в голове его родились
Весьма таинственные планы,
Решимость, смелость, от которых
Зависят судьбы наций или,
Быть может, даже судьбы мира!

Был план не нов. Он стоил жизни
Уж тысячи людей, пожалуй,
Но, может быть, теперь удастся
Он одному ему? Кто знает!
Он замысел скрывал глубоко,
Он даже спать не мог при людях —
Во сне чтоб не проговориться
И замысел не обнаружить.
Помощников искать не стал он
Не из тщеславия, что, дескать,
Он справится и в одиночку,
А для того, чтобы опасность
Другим не угрожала, если
Задуманное дело рухнет.
... В столице шумной сотни тысяч
Людей снуют. Сияют лица,
И, как разлившиеся реки,

По улицам несутся крики:
«Да здравствует!» А что за праздник?
Быть может, бог сошел на землю
И сам вручает
Рабам своим несчастным, людям,
Дары свободы?
Вот почему такая радость!
Нет, нет! Не бог — другой там некто,
Он меньше бога,
Но думает, что выше бога!
Он тот, кто королем зовется!
С кичливостью высокомерной
Он шествует среди народа,
Как между маленьких дворняжек.
Ходить умеют волкодавы.
Он взглянет — и в ответ поклоны,
Почет, коленопреклоненья,
Как будто лес во время вихря
Вершины наклоняет долу.
И стадо слуг кричит до хрипа:
«Да здравствует король!» Кто смел бы
Молчать или кричать иное?
Из этих тысяч кто посмел бы?
И вот посмел... один из многих...
Вдруг голос над толпой взметнулся.
Великий шум перекрывая:
«Смерть королю!» И раздается
Внезапно выстрел пистолетный,
И наземь пал король кичливый.
Вставай, вставай, тиран трусливый!
Тебя не поразила пуля —
Она вошла в твою одежду,
В одежду, а не в сердце! Дьявол,
Которому ты душу продал,

Тебя хранит тиран трусливый.
Вставай, сотри с лица грязищу!
Кто на убийство покушался?
Там он стоит? Нет, брошен наземь
Он, полумертвый,
И кто-то там ловчится плюнуть
В лицо поверженному старцу,
Другие пнуть его ловчатся...
Народ несчастный! Собираешь
Себе же на голову нынче
Проклятье божье!
Не довольно ль
Тебе и тех проклятий древних,
Которые лежат веками?
Распяв Христа, зачем же снова
Спасителей ты распинаешь,
Народ несчастный?

И не прошло еще недели,
А эшафот уже воздвигли.
Старик стоит на эшафоте,
И перед ним палач явился, —
Блестит секира темной смерти.
Толпу злорадную окинул
Старик спокойным теплым взором,
И слезы жалости сияют
В его глазах. Людей жалеет,
Которые его пинали,
Которые теперь сбежались
Смотреть на смерть его ликуя.

Секира страшная блеснула,
Она блеснула и упала...
И голова скатилась наземь...
«Да здравствует король!» — вопили

Людишки возле эшафота.
И обезглавленное тело
Под виселицу пало в яму.

20

... Оно старело, вымирало,
Невольничье поколение.
Пришло другое поколение,
Которое теперь, краснея,
Отцов деянья вспоминает...
Ведь стоило им захотеть —
И стали лучше грешных предков.
И поколение героев
Явилось в мир,
И рабства цепь — отцов наследство —
Сорвало поколение это
И бросило его на гробы
Тех, кто его ковал народу,
Чтоб эти трупы вдруг очнулись
И чтоб в земле им стыдно стало.
И поколение-победитель
Прекрасно помнит, не забудет
О тех святых и тех великих,
Которые свободны были
Уже тогда, в години рабства,
И шли провозглашать глаголы,
И получили смерть в награду —
Конец позорный!
И поколение-победитель
В великой радости победы
Сплело бы имена святые
В торжественные венцы,
И принесло бы их

В храм Славы.
Но где ж найти их, где ж найти их?
У виселиц они истлели.
Святые эти имена!

Пушк, 1848

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1848

Стр. 11. «Знамя». — Написано в январе 1848 года. 19 марта 1848 года, через четыре дня после провозглашения революции, журнал «Элеткепек» писал в связи с этим стихотворением о Петёфи: «Поэты, видимо, провидцы мировых событий».

Стр. 25. «Италия». — Написано в связи с революционными событиями в Италии, которые начались в середине января 1848 года восстанием в Сицилии.

Стр. 26. «На смерть Рожавёльди». — Рожавёльди Марк (1787—1848) — венгерский композитор и скрипач. Петёфи познакомился и подружился с ним в 1844 году, когда старый музыкант жил в большой нужде. Мохач — местечко в Венгрии, где в 1526 году произошла решающая битва между турецкими и венгерскими войсками. В этой битве венгерцы потерпели поражение, и после нее Венгрия на несколько столетий утратила свою национальную независимость.

Стр. 28. «К Сословному собранию». — Написано в начале февраля 1848 года, в связи с очередными заседаниями Сословного собрания. При жизни Петёфи стихотворение не было опубликовано. Начало стихотворения полностью совпадает с тем, что писал Петёфи в «Страницах из дневника»: «Сейм говорил красиво, но слова, как бы они ни были красивы, остаются только словами, а не делом.» Свободу печати Петёфи считал первой предпосылкой преобразования Венгрии на новых началах. В «Страницах из дневника» он писал: «Сейчас родилась венгерская свобода, сейчас печать бросила с себя оковы. Есть ли еще такие глупцы, которые воображают, что без свободы печати нация может быть свободна?.. Логически первым шагом революции, первой ее обязанностью является освобождение печати.»

Стр. 33. «Жесткий ветер». — Написано в связи с событиями Февральской революции во Франции. При жизни Петёфи не было опубликовано.

Стр. 35. «Национальная песня». — Написана Петёфи 13 марта 1848 года на случай предполагавшегося 19 марта праздника радикальной молодежи, которая хотела таким образом отметить события французской революции. Сперва это стихотворение, по

рассказу очевидцев, начиналось словами: «Вперед, мадьяр!», — но один юноша, присутствовавший на первоначальном чтении, сказал Петёфи: «Дружище, мадьяра-то нужно сперва на ноги поставить, только потом сможет он ринуться вперед». После этого поэт переделал на «Встань, мадьяр!». «Национальная песня» — первое произведение, появившееся в венгерской печати после освобождения ее от цензурного гнета. Она была напечатана большинством современных газет. Кроме того, ее выпустили отдельными листовками в столице и в провинции, и она сразу же стала гимном венгерской революции. В знаменательный день 15 марта сам поэт читал ее на народных собраниях, и революционная молодежь с жаром повторяла вслед за ним слова клятвы. Первый экземпляр «Национальной песни» Пётёфи послал поэту Яношу Араню со следующей надписью: «Это первый экземпляр, напечатанный после завоевания свободы печати 15 марта 1848 года; таким образом, это первое дыхание свободы».

Стр. 37. «15 марта 1848». — В этом стихотворении коротко говорится о том, что подробно изложено в «Страницах из дневника» Петёфи. «Затем мы устремились к Буде: там был писатель заточен» — речь идет о Микша Танчиче, который был освобожден из тюрьмы восставшим народом 15 марта 1848 года. Танчич, Михай (1799—1884) — выдающийся венгерский революционный демократ. За революционную деятельность, за статьи и книги, проникнутые демократическим духом, Танчич постоянно подвергался преследованиям со стороны властей и многие годы провел в заточении. Во время революции 1848 года он учредил газету «Мункашок уйшага» («Газета рабочих»), которая выражала интересы беднейшего крестьянства и плебейских городских масс. Танчич был основателем первого «Союза рабочих» в Венгрии. Хуняди, Матяш (1440—1490) — венгерский король, создатель централизованной королевской власти в Венгрии. Провел ряд успешных войн. В 1485 году завладел Веной и почти всей Австрией.

Стр. 42. «Восстало море». — 27 марта 1848 года в Пеште разнеслась весть о том, что существование независимого национального правительства стоит под угрозой. Королевский указ от 28 марта подтвердил эту весть: король отказался от данного им 17 марта 1848 года слова о согласии на создание независимого правительства. В ночь на 30 марта огромные толпы народа собрались на улицах. Раздавались угрожающие крики: «К оружию!», «Долой немецкое правительство!». Волнения продолжались и весь следующий день: улеглись они только после того, как 31 марта был зачитан новый королевский указ, оставлявший в силе

положение о независимом национальном правительстве. В эти дни и написал Петёфи стихотворение «Восстал море».

Стр. 43. «*Королям*». — Впервые это стихотворение, написанное в бурные дни конца марта 1848 года, было напечатано в виде листовки. Как пишет сам Петёфи, «оно было первым откровенным выражением республиканских взглядов в Венгрии.» Именно поэтому оно и вызвало такое яростное негодование в реакционных кругах. История этого стихотворения описана в «Политических статьях» Петёфи (см. III том настоящего издания). М у н к а ч — см. примечание к стихотворению «В Мункачской крепости» том. I, стр. 616.

Стр. 45. «*Где тот парень?..*». Первоначально было напечатано под заглавием «Песня добровольцев».

Стр. 46. «*Готовься, родина...*». — Было прочитано Петёфи 5 апреля 1848 года на народном собрании, созванном в честь делегации венских студентов. По свидетельству газет того времени, народ потребовал, чтоб выступил Петёфи. Петёфи произнес следующую речь. «Теперешние ораторы, видимо, считают своим призванием всегда успокаивать и утихомиривать вас. Умение успокаивать — прекрасное качество для тех, кто ухаживает за больными. Я уже не знаю, что и сказать. Но одно все-таки скажу, что не намерен идти по их следам. Я создан, словно буревестник, который в бурю кричит; словно смерч, который в бурю вздымает волны до небес... Но все-таки я не зря выступил перед вами, я прочту вам свое стихотворение «Готовься, родина.» Народ встретил его стихотворение восторженно. «...К нам придут и император, и его семейство.» — Бегство императора в Инсбрук произошло 17 мая. В это же время «независимое» венгерское правительство пригласило изгнанного из Вены императора Фердинанда в Пешт, пообещав, что там «он будет в безопасности среди преданных ему венгерцев». Петёфи предвидел все, как видно из настоящего стихотворения, за полтора месяца до того, как произошло это событие. «*Vitam et sanguinem pro rege nostro!*» — «Жизнь и кровь за нашего короля!» (лат.) Стихотворение впервые увидело свет в 1874 году.

Стр. 48. «*Шумим, шумим...*». — Обращено к революционной молодежи, возглавляемой Петёфи. Петёфи не мог примириться с тем, чтобы революция окончилась изданием королевского указа от 31 марта и созданием независимого национального правительства. Поэт не верил в возможность мирных преобразований и не разделял надежды тех «кротких Лафайетов», которые желали потопить революцию в море речей.

Стр. 51. «*Ракоци*». — Образ Ференца II Ракоци, борца за на-

циональную независимость Венгрии, все чаще вставал перед Петёфи в дни революции. 21 апреля 1848 года исполнилось 113 лет со дня смерти Ракоци. В «Страницах из дневника» Петёфи писал в этот день: «Нынче сто тринадцатая годовщина его смерти, а найдется ли среди просторов его родины, среди просторов мира хоть один человек, кроме меня, который бы вспомнил, что нынешний день — день смерти героя? О Ракоци!»

Стр. 55. «Консерваторы». — Речь идет о тех консерваторах, которые после мартовских дней объявили себя сторонниками революции, доказывая, что они якобы всегда стояли за дело народа. Левая газета «Пятнадцатое марта» писала в эти дни: «Венгерская история не знала еще таких сонмищ народа, какие сейчас устремились из этой предательской партии к нам, к враждебной им партии. Французские консерваторы так внезапно покинули короля Луи-Филиппа, как покинули наши чиновники провалившееся абсолютистское правительство Вены.»

Стр. 58. «Бан Банк». — Бан Банк был наместником Венгрии во время царствования Эндре II.

История Бана Банка, убившего немку Гертруду — жену короля Эндре, вдохновила не одного Петёфи. Уже до него выдающийся венгерский драматург Йожеф Катона (1791—1830) написал трагедию «Бан Банк», в которой ратовал за освобождение Венгрии от австрийского ига и за освобождение крестьянства от гнета феодалов.

Стр. 62. «Что-то немец выдумал сегодня...». — За несколько дней до утверждения новых законов о независимом венгерском правительстве император Фердинанд обратился с письмом к наместнику Венгрии. В этом письме он выразил желание, чтобы Венгрия взяла на себя уплату двухсот миллионов форинтов из общегосударственных долгов Австрии.

В Прокламации «Общества равенства» Петёфи писал по этому поводу: «Только теперь начинаем мы просыпаться, когда камарилья снова собралась с силами и кричит нам: «Все, что я разрешила вам в марте, все это была шутка, беру свои слова обратно. Вы будете служить мне, как служили до сих пор, будете давать мне солдат, посылать деньги в Вену и сверх того, так как я много задолжала, будете выплачивать часть моих долгов — 200 миллионов форинтов.» Что ты ответишь на это, венгерский народ, если у тебя еще есть бог и есть душа? Не крикнут ли в ответ миллионы и миллионы людей: «Нет на свете той власти, которая могла бы снова похитить нашу свободу!» «К нам вы приезжали целоваться» — намек на делегацию австрийских студентов, которая приезжала в Пешт в начале апреля (см. примечание к

стихотворению «Готовься, родина»). При жизни Петёфи стихотворение не было опубликовано.

Стр. 63. *«Песня о черно-красном знамени»*. — Написано в начале мая 1848 года, когда реакция открыто выступила против революционной Венгрии и подготавливала под руководством генерала Елашича полчища для подавления революции. «В это время министерство вело себя так, — писал Петёфи в «Политических статьях», — что те, кто дорожили родиной, действительно не могли ему доверять... Нам грозила внешняя и внутренняя война, армии у нас не было, а министерство ни шагу не сделало для того, чтобы создать ее.» Красно-бело-зеленое знамя — национальный флаг Венгрии. При жизни Петёфи стихотворение не было опубликовано.

Стр. 70. *«Ты задрожал, о сброд презренный...»*. — Написано в связи с отказом большинства газет печатать революционные, антимонархические стихи и статьи Петёфи.

Стр. 76. *«Мартовская молодежь»*. — Написано после того, как Петёфи не был избран в Национальное собрание и когда выяснилось, что в Национальное собрание не был избран никто из революционных представителей общества «Мартовской молодежи». 1 июня 1848 года Петёфи писал по этому поводу Яношу Араню: «Свинство то, что по всей стране выделяют эти люди, свинство! Правда, в Национальное собрание попадут и славные ребята, но самые пламенные и самые бескорыстные друзья народа все отстранены.» При жизни поэта стихотворение не было напечатано.

Стр. 81. *«Венгерец вновь венгерцем стал!»* — Напечатано 6 августа 1848 года; вдохновлено тем знаменательным днем в Национальном собрании, когда после речи Кошута депутаты согласились ассигновать 42 миллиона форинтов на создание двухсоттысячного войска.

Стр. 88. *«Сотня Ленкеи»*. — В мае 1848 года участились случаи возвращения на родину целых войсковых подразделений, стоявших за границей Венгрии. Отдельные сотни Вюртембергского гусарского полка, стоявшего в Галиции, при вести об угрозе, нависшей над родиной, самовольно вернулись домой. Первой вернулась сотня капитана Яноша Ленкеи. Подобные действия революционно и патриотически настроенных солдат вызвали суровые меры со стороны военного министра генерала Лазаря Месароша.

Стр. 95. *«К нации»*. — Написано под впечатлением поражений венгерской национально-освободительной армии на южном фронте, — поражений, явившихся результатом предательства командования. Начальные строфы стихотворения совпадают с

первыми строфами прокламации, написанной Петёфи в середине сентября 1848 года, по поручению «Общества равенства»: «Скорбь и борьба кричат нашими устами; наши слова, как вой ветра, врывающийся в набат. Пожар! Пожар!.. Не деревня, не город, целая страна горит. Они разбудили всю нацию. Подымайтесь, ребята! Если не встанете сейчас, будете лежать до скончания мира.» Зрини, Миклош (1508—1566) — полководец, национальный герой Венгрии, прославился защитой Сигетвара против турок в 1566 году. При жизни Петёфи стихотворение не было напечатано.

Стр. 97. «К *Вёрёшмарти*». — Вёрёшмарти, Михай (1800—1855) — выдающийся венгерский поэт, борец за национальную независимость Венгрии. Во время революции 1848—1849 годов был депутатом парламента и сторонником Кошута; после поражения революции скрывался, потом, получив амнистию, поселился в деревне. Поражение революции Вёрёшмарти воспринял не только как национальную, но и как личную катастрофу. Вёрёшмарти был связан дружбой с Петёфи и поддерживал его на всем его творческом пути. Однако во время революции Петёфи публично выступил против Вёрёшмарти, который вел себя политически непоследовательно в Национальном собрании.

Стихотворение напечатано 17 августа 1848 года в журнале «Элеткепек» со следующим примечанием Петёфи: «Когда я пишу стихи, то пишу их не для собственного удовольствия, а чтобы опубликовать их, чтоб они служили для наслаждения или поучения другим. (Достигаю я своей цели или нет, об этом здесь не место говорить.) Многие возражали против печатания этого стихотворения. Я не виноват. Я ощущаю величайшую боль, что вынужден печатать это стихотворение. Ведь из всех людей, когда-либо любивших и уважавших Вёрёшмарти, я любил и уважал его больше всех. Но принципы свои я уважаю и люблю еще больше. Сердце мое щемит и кровоточит, но я остался бы неумолимым даже в том случае, если бы оно вовсе изошло кровью. Быть может, Брут плача заколол Цезаря, своего отца и благодетеля, однако же, заколол его. Осуждением Вёрёшмарти мое сердце приносит огромную жертву ради принципов. Но как бы ни была велика эта жертва, я готов и всегда буду готов принести еще большую — ради вас, священные принципы!» Петёфи выступил против своего друга Вёрёшмарти в связи с тем, что тот, будучи депутатом Национального собрания, 21 августа 1848 года голосовал вместе с беспринципным большинством Национального собрания за сохранение старых австрийских порядков во вновь организованной венгерской армии (см. письмо Петёфи к Вёрёшмарти в III томе настоящего издания).

Стр. 100. *«Вермезё»* («Кровавое поле») — место в Буде, где казнили в 1795 году руководителей республиканской организации Мартиновича. Жигмонд (1387—1437) — венгерский король. Конт Иштван Хедерварский — вождь восстания против короля Жигмонда. Ласло — венгерский король, коварно убивший Хуняди, Ласло (1433—1457), старшего сына национального героя Венгрии Яноша Хуняди. Мартинович, Игнац (1755—1795) — священник, основал два тайных общества: «Общество венгерских реформаторов» и «Общество свободы и равенства»; наиболее радикальные участники этого движения требовали уничтожения крепостного права и провозглашения республики. Хайноци, Йожеф (1750—1795), Жиграи, Якаб граф (1750—1795), Сентмарьяи, Ференц — участники движения, возглавленного Игнацем Мартиновичем, казненные на Вермезё.

Стр. 108. *«Близок, близок час великий...»*. — В сентябре 1848 года в Вену отправилась депутация Национального собрания, чтобы добиться независимости Венгрии в финансовых и военных вопросах. 10 сентября депутация вернулась из Вены, не добившись никаких результатов. На следующий день Национальное собрание приняло решение о вооруженном восстании. С этого и началась национально-освободительная война венгерского народа против австрийских угнетателей. Стихотворение Петёфи написано 10 сентября в связи с упомянутыми событиями.

Стр. 110. *«Ты слышишь ли, сердце?...»*. — Враги Петёфи упрекали его в том, что он, столько раз воспевавший революционную войну, сам не идет сражаться на поле битвы. Это было, конечно, самым подлым видом травли, какая велась против Петёфи врагами революции. Данное стихотворение написано в ответ на происки врагов.

Стр. 113. *«Старый знаменосец»*. — В связи с известием о вторжении в Венгрию генерала Елашича, венгерский парламент по инициативе Кошута решил провести в стране мобилизацию. Отец Петёфи, в возрасте 50 лет, добровольно пошел в венгерскую армию. 29 сентября он участвовал в сражении, в котором венгерское революционное войско разбило сорокатысячную армию Елашича.

Стр. 131. *«Боевая песня»*. — Это стихотворение известно еще под названием «Венгерская марсельеза». Как и «Национальная песня», оно сыграло мобилизующую роль в венгерской национально-освободительной войне. Петёфи послал его в парламент в сопровождении следующего письма:

«Депутаты и сограждане!

О том, какое значение может иметь маленькое стихотворение,

свидетельствует письмо одного французского генерала, адресованное конвенту, где он просит конвент послать ему либо соответствующее войсковое подкрепление, либо текст и музыку «Марсельезы.»

Если вы считаете прилагаемое стихотворение в достаточной мере воодушевляющим, то напечатайте его в таком количестве экземпляров, в каком сочтете нужным, и разошлите его по всем концам страны в лагерь венгерских войск. Мне это было бы очень желательно, тем более что тяжкие обстоятельства временно отвлекли меня от военного поприща, а поэтому я, хотя бы душой, желал бы принимать участие в борьбе моей нации.»

Стр. 133. «*На виселицу королей!*» — Написано в декабре 1848 года. Впервые увидело свет в 1874 году. После отречения Фердинанда австрийским императором стал Франц-Иосиф, В своем «Воззвании к венгерской нации» он требовал безусловно повиновения и грозил мятежникам суровыми карами. Стихотворения Петёфи было ответом на воззвание императора. Ламберг, Франц Филипп, граф (1791—1848) — генерал австрийской армии. В связи с императорским указом о роспуске венгерского парламента был назначен полноправным наместником в Венгрии и главнокомандующим венгерской армии; убит разгневанными массами на Судовом мосту в то время, когда вез указ о роспуске парламента из Буды в Пешт. Латур, Теодор Байе (1780—1848) — австрийский военный министр, один из главарей реакции; был повешен в Вене революционным народом 6 октября 1848 года.

1849

Стр. 149. «*Тиха Европа*». — Впервые напечатано в газете «Кёзлён» («Известия») со следующим примечанием редакции: «Мы хотим услужить милым читателям, помещая на страницах газеты стихи нашего самого популярного поэта.»

К концу 1848 года революция в странах Европы была подавлена. 31 октября войска Виндишгреца заняли Вену, и началась расправа с революционным народом. В это время уже одни только венгерцы отражали удары контрреволюции. Об этом последнем этапе венгерской революционно-освободительной войны Маркс и Энгельс писали: «Впервые в революционном движении 1848 г., впервые после 1793 г. нация, окруженная превосходными силами контр-революции, осмеливается противопоставить трусливой контр-революционной ярости революционную страсть...». (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. VII, стр. 271.) «...Они

еще не побеждены. Но если они падут, то падут с честью, как последние герои революции 1818 г...» (там же, стр. 282). В этот героический период венгерской истории и было написано стихотворение Петёфи «Тиха Европа».

Стр. 150. «Гремела канонада...». — Бем, Юзеф (1795—1850) — польский генерал, один из руководителей польского восстания 1830 года; обнаружил большие военные способности, особенно в сражении при Остроленке. В 1848 году в качестве генерала принимал активное участие в революционной войне, сначала в Вене, затем в Венгрии.

13 января 1849 года Петёфи писал Лайошу Кошуту: «...Я прошу вас только о том, чтобы вы перевели меня в 28-ой батальон к генералу Бему. Если мне не удастся достигнуть славы на войне, то и бесчестия я не хочу навлечь на свое имя, а по нынешним временам человек может избежать позора только возле Бема.» Петёфи служил адъютантом Бема и вместе со своим любимым полководцем принимал участие в боях. 15 февраля 1849 года в письме в газету «Кёзлён» Петёфи писал: «Армия, которая вела себя так во время четырехдневного почти непрерывного обстрела, армия, которую ведет Бем, не может не победить! Мне хотелось бы представить, наконец, миру Бема во всем его величии.»

Стр. 152. «Галстук». — Петёфи явился в качестве гонца Бема на прием к военному министру Лазарю Месарошу без галстука, который полагалось носить к военному обмундированию. Военный министр грубо отчитал за это Петёфи и пригрозил ему лишением военной формы. Поэт через несколько дней ответил ему эпиграммой «Галстук» и следующим письмом:

«Уважаемый господин военный министр!

Дело, из-за которого вы вызывали меня к себе, я обдумал, и, исходя из этого, рапортую вам, что снял с себя капитанскую форму, поскольку ее нельзя носить без галстука, а терпеть нравouchения или, больше того, принуждение — мне не хочется. Я достаточно послужил родине, чтобы мне можно было разрешить защищать ее без галстука. Если вы держитесь иного мнения — воля ваша. Впрочем, вы можете сорвать с меня форму, но не можете вырвать саблю из рук моих! Я буду выполнять свой долг патриота даже в простом гражданском платье и в роли рядового. Я только беру на себя смелость предупредить вас, чтобы вы не очень-то старались срывать одежду гонимых с тех офицеров, которые всеми силами стремятся вернуть этому одеянию его утраченную славу...»

Стр. 162. «В Вайдахуняде». — В а й д а х у н я д — замок, выстроенный национальным героем Венгрии Яношем Хуняди (XV в.).

Стр. 164. «*Секеи*» — венгерцы, проживавшие в Эрдее, участвовавшие в революционно-освободительной войне 1848—1849 гг.

Стр. 165. «*Одному грубому генералу*». — Стихотворение посвящено генералу Дёрдю Клапке, который всячески старался при-теснять и компрометировать Петёфи за его якобы «недисципли-нированное поведение» (см. письма генералу Клапке в III томе настоящего издания).

Стр. 166. «*На смерть родителей*». — Отец Петёфи умер 21 марта 1849 года от тифа, мать 17 мая от холеры. Стихотворение не было опубликовано при жизни поэта. 17 мая 1849 года Петёфи писал Яношу Араню: «Милый друг, меня постигают такие удары, что если я был бы только сыном и не был бы еще и мужем и отцом, они меня уничтожили бы. Не прошло еще недели, как я узнал о смерти отца, и вот уже завтра мы хороним мать. Такую мать — лучше которой господь еще не создавал. Я любил ее, как никто никогда еще не любил матери. И эти удары посыпались внезапно один за другим.»

Стр. 163. «*Явилась смерть...*». — Написано после победоносного похода венгерской революционной армии весной 1849 года и взятия венгерцами замка Буды. Последнее стихотворение Петёфи, опубликованное при жизни поэта.

Стр. 170. «*Гонвед*». — Петёфи предложил это стихотворение премьер-министру Берталану Семере. В письме от июня 1849 года он ему писал: «Стихотворение я отпечатаю за свой счет, а вас прошу и призываю в интересах нации заказать определенное количество экземпляров из напечатанных. Стихотворение мое таково, что каждому гонведу не лишним будет ознакомиться с ним...» Стихотворение было отпечатано отдельными листовками, и Семере заказал для армии 25000 экземпляров.

Стр. 172. «*Ужаснейшие времена!*» — последнее стихотворение Петёфи.

ПОЭМЫ

Стр. 177. «*Сельский молот*» — ироико-комическая поэма. Впервые вышла отдельным изданием в конце октября 1844 года. В этой поэме Петёфи юношески задорно высмеял модную в то время напыщенную дворянскую поэзию, «героические» эпосы предшествующих поэтов и его современников, которые в высокопарной форме, на языке, чуждом венгерскому народу, воспевали подвиги своих предков дворян. Особенно злому осмеянию подверг Петёфи язык ложно-классических поэм.

Эта поэма послужила первым поводом для нападков реакцион-

ной критики на Петёфи, которая усматривала в произведении по-
прание давних традиций венгерской дворянской поэзии.

«В сраженье славном у Надида».— Сраженье, состоявшееся в 1557 году в Надида между венгерскими войсками и войсками австрийского императора; в этом сражении участвовали цыгане, отстоявшие один из осажденных врагом замков. «Ведь вы ж участник Дёрской битвы» — насмешливый намек на битву, состоявшуюся в 1809 году возле города Дёра, когда венгерское дворянское ополчение позорно бежало от войск Наполеона. Зелльд, Марци — венгерский разбойник.

Стр.1217. «Витязь Янош». — Поэма написана осенью 1844 года в Пеште, в ту пору, когда Петёфи служил помощником редактора журнала «Пешти диватлап» («Пештский журнал мод»). Впервые вышла отдельным изданием в начале марта 1845 года.

Несмотря на то, что поэма получила одобрительные отзывы со стороны передовых литераторов Венгрии, а также заслужила высокую оценку выдающегося венгерского поэта Михая Вёрёшмарти («эта поэма могла бы служить украшением любой литературы»), Петёфи долго не удавалось издать ее. Наконец ее согласился напечатать владелец журнала «Пешти диватлап» Имре Вахот, поставив при этом условие, чтоб Петёфи изменил первоначальное название поэмы «Янчи Кукуруза», которое показалось ему слишком простонародным, на «Витязь Янош». Вахот купил поэму у Петёфи за мизерную сумму в 100 форинтов (40—50 рублей по деньгам того времени).

2 марта 1844 года Имре Вахот поместил отрывки из поэмы в своем журнале с предисловием издателя, в котором между прочим говорилось: «Я взялся напечатать эту поэму, исходя из разных причин. Во-первых, я убежден, что это выдающееся произведение, во-вторых, я хочу, по мере своих возможностей, вознаградить по достоинству гениального юного поэта, и в-третьих, мне гораздо выгоднее, если доходы с этого произведения пойдут в мой кошелек, а не в карман других, особенно немецких книгоиздателей.»

Стр. 272. «Проклятие любви». — Поэма написана осенью 1845 года в Борьяде и относится к тому недолгому периоду в творчестве Петёфи (конец 1845 — середина 1846 года), когда поэт, под влиянием ожесточенных нападков реакционной критики и неудач в личной жизни, покинул Пешт и поселился па время у своих родителей в Салксентмартоне. В эту пору он создал целый ряд романтически мрачных, мятежных произведений: цикл стихов «Тучи», поэмы «Проклятие любви», «Волшебный сон», «Пишта Силай» и «Шалго», роман «Петля палача», в которых выра-

зил все свое отчаянье, гнев и презрение к окружающей его феодальной действительности. Основным мотивом эпических произведений Петёфи, за исключением поэмы «Волшебный сон», был мотив мести. Этот период пессимизма и некоторого романтического отхода от действительности кончился у Петёфи, как только он пришел к сознанию того, что романтические планы мести не приводят ни к чему, что мир следует преобразовать путем социальной борьбы.

Поэма «Проклятие любви» построена по мотивам венгерских народных сказок и сказаний. Телега Гёнцёля — так называют в Венгрии созвездие Большой Медведицы.

Стр. 296. «Шалго». — Поэма написана в мае 1846 года.

1 апреля 1845 года Петёфи отправился путешествовать по Верхней Венгрии. Во время этого путешествия он посетил руины замков Шалго и Шомошкё. По словам друга Петёфи художника Шомы Петрича Орлаи, Петёфи очень рано стал проявлять интерес к руинам старинных замков своей родины. Он даже вписал в отдельную тетрадь названия древних замков и их краткие истории.

В своих «Путевых записках» Петёфи так описывает руины замка Шалго: «В часе ходьбы отсюда лежит Шалго. В деревне рассказывали, что в ту пору, когда в Шалго стояли турки, мадьяры стреляли по ним отсюда, из замка Шомошкё, и выбили ложку из рук одного турка, который как раз в это время ел...

... Еще хорошо, что мы наняли провожатого от Шомошкё до Шалго, а то вряд ли нашли бы дорогу к замку. Он примостился так необычно, что только безумец мог его там выстроить. Шалго окружен буковым и дубовым лесом. Вершина горы — огромная гранитная скала. На ней и стоял замок, от которого сейчас сохранились одни только развалины. Самая высокая его стена двухсаженная. В Венгрии, наверно, не было второго замка, расположенного так близко к звездам, как Шалго. Я долго сидел на самой вершине его развалин, и взгляд мой уходил за далекие мили, а душа в даль веков.»

Об истории этого замка нет почти никаких данных. Известно только то, что некогда он был в руках чехов, затем в 1462 году им завладел король Матяш и в 1544 году замок захватили турки. «Меж Гёмёром и Ноградом простерлась» — Гёмёр и Ноград — названия комитатов Венгрии. «За Эндре III вымерла вся ветвь Арпадов» — Арпад (889—907), первый властитель Венгрии. Эндре III — последний венгерский король из рода Арпадов. Правил с 1290 по 1301 год.

Стр. 311. «Судья». — Эту реалистическую сатирическую поэму

Петёфи начал писать в октябре 1847 года в Колто. Затем он продолжал писать ее в Пеште, но не закончил, так как приступил к работе над поэмой «Глупый Ишток».

До 1848 года, согласно венгерской конституции, глава комитата назначал судей. Это было отчасти и почетным званием. Для передовой революционной молодежи Венгрии сороковых годов звание судьи стало символом невежества, косности и тупости венгерского провинциального дворянства. Судьи эти часто были предметом насмешек в произведениях передовых молодых писателей Венгрии. Петёфи также описывал провинциальных дворян с убийственным сарказмом; он заклеил их в таких стихах, как «Пал Пато», «Венгерский дворянин» и др. В лице судьи Тамаша Федьвереша Петёфи стремился создать обобщенные образ консерватора, тупого лентяя и невежды, противника передовых устремлений того времени.

Тамашу Федьверешу Петёфи собирался, видимо, противопоставить его сына, воплотив в нем лучшие черты передовых людей Венгрии, но, к сожалению, поэма так и осталась неоконченной.

П а л и н к а — венгерская водка. *Ex tempore (лат.)*. — немедленно.

Стр. 326. «Глупый Ишток». — Поэма написана в Пеште в ноябре и декабре 1847 года. Впервые напечатана в 1848 году в журнале «Элеткепек» («Картины жизни»), редакторами которого были писатель Мор Йокаи и Шандор Петёфи. Г л у п ы й И ш т о к — персонаж из венгерского народного творчества, образ неунывающего весельчака и балагура. П у ш т а — название венгерской степи. *Ergo (лат.)* — значит. *Vivat (лат.)* — да здравствует. С т а р а я М а ф у с а и л ь ш а . — М а ф у с а и л — мифический библейский патриарх, проживший якобы 969 лет.

Стр. 352. «Апостол». — Осенью 1848 года, после того как реакционерам удалось помешать избранию Петёфи в депутаты Национального собрания, поэт, потрясенный этим событием, с необыкновенной быстротой написал поэму «Апостол». В этой поэме, проникнутой идеями революционного просветительства и демократизма, поэт выразил свою ненависть к монархии, страстную приверженность к республике, глубочайшую веру в народ и прогресс.

При жизни Петёфи «Апостол» не был опубликован. Впервые он был напечатан только через год после смерти поэта, в 1850 году, в сборнике «Новые произведения Шандора Петёфи». Но этот сборник не увидел света, так как полиция конфисковала и уничтожила весь тираж издания. Случайно уцелело только два экземпляра. В этом издании «Апостол» был дан в искаженном виде. Полностью поэма была напечатана только в 90-е годы.

СОДЕРЖАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

1848—1849

1848

Зимние вечера. Перев. Б. Пастернака	7
В альбом книготорговца. Перев. Л. Мартынова	9
Есть ли в Венгрии хоть горсть земли такая?.. Перев. Л. Мартынова	10
Знамя. Перев. Л. Мартынова	11
Люблю тебя, люблю тебя... Перев. В. Левика	12
Как мне назвать тебя? Перев. Л. Мартынова	13
Лев узник. Перев. Н. Чуковского	15
Добрый учитель. Перев. В. Левика	16
Степь зимой. Перев. Б. Пастернака	19
Любо мне лежать под сенью... Перев. Л. Мартынова	21
Холод, холод на дворе... Перев. Л. Мартынова	22
Долина и гора. Перев. Л. Мартынова	24
Италия. Перев. Л. Мартынова	25
На смерть Рожавёльди. Перев. И. Миримского	26
К Сословному собранию. Перев. Л. Мартынова	28
Курица моей матери. Перев. С. Обрадовича	30
Смерть зимы. Перев. Н. Чуковского	31
1848. Перев. Л. Мартынова	32
Жесткий ветер... Перев. Л. Мартынова	33
Магнатам. Перев. В. Левика	34
Национальная песня. Перев. Л. Мартынова	35
15 марта 1848. Перев. Л. Мартынова	37
К свободе. Перев. М. Исаковского	40
Застольная песня. Перев. М. Исаковского	41
Восстало море. Перев. Н. Тихонова	42
Королям. Перев. Л. Мартынова	43
Где тот парень?.. Перев. В. Левика	45
Готовься, родина... Перев. Л. Мартынова	46
Шумим, шумим... Перев. В. Левика	48
Король и палач. Перев. И. Миримского	50
Ракоци. Перев. М. Исаковского	51
Жена и клинок. Перев. Л. Мартынова	52
Весне. Перев. Л. Мартынова	54

Консерваторы. Перев. Л. Мартынова	55
Нас теперь возненавидел... Перев. Л. Мартынова	57
Бан Банк. Перев. П. Миримского	58
Что-то немец выдумал сегодня... Перев. Л. Мартынова ...	62
Песня о черно-красном знамени. Перев. Л. Мартынова	63
Королевская присяга... Перев. В. Левика	65
Ты задрожал, о сброд презренный... Перев. В. Левика ...	70
Австрия. Перев. Л. Мартынова	71
Довольно. Перев. В. Левика	73
Иду — и нет тебя со мной... Перев. В. Левика	74
В родных местах. Перев. Б. Пастернака	75
Мартовская молодежь. Перев. С. Маршака	76
Малая Кумания. Перев. Б. Пастернака	78
Венгерский народ. Перев. М. Исаковского	81
К Национальному собранию. Перев. Л. Мартынова	82
Венгерец вновь венгерцем стал. Перев. Л. Мартынова	84
Зачем вы мне загородили путь? Перев. Л. Мартынова	85
Год уда нынче... Перев. Л. Мартынова	87
Сотня Ленкеи. Перев. Л. Мартынова	88
Три птицы. Перев. В. Левика	93
К нации. Перев. В. Левика	95
К Вёрёшмарти. Перев. Л. Мартынова	97
Революция. Перев. Л. Мартынова	99
Вермезё... Перев. Л. Мартынова	100
И вот достиг я возраста мужского... Перев. В. Левика ...	104
Свист пуль кругом... Перев. Л. Мартынова	105
В горах. Перев. Б. Пастернака	106
Куст говорит вихрю. Перев. Н. Чуковского	108
Близок, близок час великий... Перев. Л. Мартынова	108
Ты слышишь ли, сердце?... Перев. Н. Чуковского	110
О чем еще, смиренные поэты?... Перев. Л. Мартынова	111
Ты помнишь?... Перев. Б. Пастернака	112
Старый знаменосец. Перев. Н. Тихонова	113
Прощанье. Перев. Л. Мартынова	115
В саду стволы акаций... Перев. Н. Чуковского	116
Уважайте рядового! Перев. Л. Мартынова	118
1848. Перев. Л. Мартынова	119
Холодно осенней ночью... Перев. Н. Чуковского	121
Что тут за шумное веселье? Перев. С. Маршака	122
Да и чему бы радовался я... Перев. Л. Мартынова	123
Люблю... Перев. Л. Мартынова	124
Осень вновь. Перев. Б. Пастернака	127
Гибнет сад... Перев. Л. Мартынова	128

Косолапый парень. Перев. В. Левика	129
Лук мой славный... Перев. В. Левика	130
Боевая песня. Перев. Л. Мартынова	131
Весь мир сражается сейчас... Перев. Н. Чуковского	132
На виселицу королей! Перев. В. Левика.....	133
Конт и его товарищи. Перев. И. Миримского	135
На рождение моего сына. Перев. Н. Чуковского	141
Стыд поражений, бегств позор... Перев. Л. Мартынова	143
В конце года. Перев. Б. Пастернака	144

1849

В новогодний день 1849 года. Перев. С. Маршака	146
Немецкий флаг опять над Будой вьется. Перев. В. Левика..	148
Тиха Европа. Перев. Н. Тихонова	149
Гремела канонада... Перев. Л. Мартынова	150
Галстук. Перев. Л. Мартынова	152
В бою. Перев. Л. Мартынова	153
Я говорю, что победит мадьяр... Перев. Н. Тихонова	154
Вновь жаворонок надо мной... Перев. Б. Пастернака	155
Дядя Петер. Перев. И. Миримского	157
Эрдейская армия. Перев. В. Левика	160
Кто б мог подумать... Перев. Л. Мартынова	161
В Вандахуняде. Перев. И. Миримского	162
Секеи. Перев. В. Левика	164
Одному грубому генералу. Перев. Л. Мартынова	165
На смерть родителей. Перев. Н. Чуковского	166
Явилась смерть... Перев. Л. Мартынова	168
Гусар. Перев. В. Левика	169
Гонвед. Перев. Л. Мартынова	170
Ужаснейшие времена! Перев. Л. Мартынова	172

ПОЭМЫ

Сельский молот. Перев. Л. Мартынова	177
Витязь Янош. Перев. Б. Пастернака	217
Проклятие любви. Перев. П. Чуковского	272
Волшебный сон. Перев. Б. Пастернака	277
Пишта Силай. Перев. Н. Чуковского	285
Шалго. Перев. Б. Пастернака	296
Судья. Перев. И. Миримского	311
Глупый Ишток. Перев. Л. Мартынова	326
Апостол. Перев. Л. Мартынова	352
Комментарии — Агнессы Кун	449

На стр. 78 заглавие стихотворения «Милая Кумания», следует читать «Малая Кумания».

На обложке портрет Шандора Петёфи
(Литография работы М. Барабаша, 1845)

Художественный редактор Д. Фельдеш
Технический редактор Д. Комлошан

Отпечатано в Венгрии, 1963
Типография Атэнэум, Будапешт